

Модест Казус

365

Сказки антарктических писателей

Модест Казус
365. Сказки
антарктических писателей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39438305
ISBN 9785449385512

Аннотация

Сборник произведений антарктических писателей, составленный исследователем мёртвых культур Модестом Казусом. Созданные на рубеже ХС-LXXXIX веков до нашей эры, фонетически, синтаксически и семантически непостижимые рассказы, сказки, притчи были адаптированы для полноценного восприятия современным читателям.

Содержание

ПРОКОП ПРОЛОГ. ГРОБЫ МОЕГО ДЕТСТВА	13
Весна	15
ИРМА СОЛОНИНА. НЕБЕСНЫЙ	15
МОНТАЖНИК. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	
ШУХРАТ СОЛУТАНОВ. ХЛОПУШКИ	18
И ШУТИХИ. ДЕНЬ ВТОРОЙ	
ПАНТЕЛЕЙМОН РОХЛЯ. СТРАННЫЙ	19
ЧЕЛОВЕК. ДЕНЬ ТРЕТИЙ	
АРКАДИЙ СКОБЕЛЕВ-БОЛТОВОЙ.	20
ИНСПЕКЦИЯ. ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ	
РОМУЛ ПУСТОШИН. ПАВЕЛ. ДЕНЬ	21
ПЯТЫЙ	
ФЕОКТИСТ РЫЛЬЦЕ. ПОГРАНИЧНИК.	22
ДЕНЬ ШЕСТОЙ	
ВЕРОНИКА СТРЕЛЬБИЩЕ. О. ДЕНЬ	24
СЕДЬМОЙ	
ЗИНОВИЙ ЩЕТИНКИН. ПОНЧИК. ДЕНЬ	26
ВОСЬМОЙ	
РАКЕЛЬ КАРАБИНА. КОСМОНАВТ. ДЕНЬ	27
ДЕВЯТЫЙ	
ИНГА СНЕЖОК. СОЛДАТЫ. ДЕНЬ	28
ДЕСЯТЫЙ	
НАДЕЖДА ЧЕСОТКА. ГОРНОЛЫЖНИКИ.	29

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ	
ДЕНИС ШМЯКИН. КЫХ. ДЕНЬ	31
ДВЕНАДЦАТЫЙ	
ГЕРМАН ЭНШУЛЬДИГЕН. ГЕК И ЧУК.	32
ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ	
АКАКИЙ ЗАВЁРНУТЫЙ. ЛИТАВРА. ДЕНЬ	34
ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ	
ШУРИК САНДАЛОВЫЙ. ПОТНЫЙ	35
СОЛДАТ. ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ	
АМБРОЗИЙ ЛАЦКАН. ГРАДУСНИК. ДЕНЬ	36
ШЕСТНАДЦАТЫЙ	
ОЛЕСЬ ШЛАКОБЛОК. РАССКАЗ ПРО ТО,	39
КАК ОДИН ДЕД ХОДИЛ БОЛЕТЬ. ДЕНЬ	
СЕМНАДЦАТЫЙ	
ШЕРЛОК ЧАСОВОЙ. КОНКУРС. ДЕНЬ	40
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ	
НИКОЛАЙ ЦЕЙЛОН. АСТРОФИЗИКА.	46
ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ	
САМСОН ХРАП. МАМЕД. ДЕНЬ	47
ДВАДЦАТЫЙ	
АЛИК ПОТНЫЙ. ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ.	48
ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ	
ФЕМИДА КРЕМ. КУКЛ. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ	51
ВТОРОЙ	
ИПАТИЙ ОН. АРТЕЛЬНЫЙ КОТЁЛ. ДЕНЬ	53
ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ	

ГУМБОЛЬД ВЕСЛОМ. КОКС. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ	54
ЭЛЬДАР УЧЁТ. СНЯТОСТОП. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ	55
ЕЛЕНА ТЕЛАПИЯ. ТАПЕРИЧА. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ	56
МСТИСЛАВ УГОРЕЛЫЙ. ГЛУПЫЙ МАЛЬЧИК. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ	57
КАМЕЛИЯ ЖИМ. МИАЗМ. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ	59
СВЕТЛОЗАР КОПЫТО. АРХТКТРА. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ	62
ЭСМЕРАЛЬДА ШПРОТ. ДЕТСКИЙ САД. ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ	70
ИНЕССА ТУМБОЧКА. БИРЮЛЬ. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ	74
АЛЕХАНДРО ВОПРОШАЮЩИЙ. ПАЛКА. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ	76
ГОРДЕЙ ЖУЧОК. ЗАБОР. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ	78
ПАРАМОН ЗАСТРЕЛИН. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ	81
АРХИМЕД КОЗЛОВ. ПОДМЫШКА. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ	84
ТАГИР ПОТУХ. ТОПИНАМБУР. ДЕНЬ	85

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ БЛАНШ ЗАУСЕНЕЦ. ТОПИНАМБУР (АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ВЕРСИЯ). ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ	89
ТУССАН ОБУХ. ТРАКТАТ О ТРИЛОБИТАХ, ХРОМОМ КУЗНЕЦЕ И ЖЕНСКОЙ ЛОГИКЕ. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ	92
АЛАН ЗАБИТ. О МУХАХ, СТИМУЛЯТОРАХ И КАФЕЛЬНОЙ ПЛИТКЕ. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ	96
ПОЛЕТТА ЛУКУМ. РОМА АЕТЕРНА. ДЕНЬ СОРОКОВОЙ	98
ДЖОЗЕФ ПЕТЕЛЬКИН. ЗАПИСКИ ТРАППЕРА: ТЮТЬКА. ДЕНЬ СОРОК ПЕРВЫЙ	100
БАТИСТ РОГ. ФУ-ФУ! ДЕНЬ СОРОК ВТОРОЙ	103
ЕВСЕНИЙ АРГЕНТУМ. О МОЛОТКАХ, ПОДВОДНЫХ ЛОДКАХ И РАЗУМНЫХ СПЕРМАТОЗОИДАХ. ДЕНЬ СОРОК ТРЕТИЙ	106
ОЙКУМЕН РЁВ. ДУК-ДУК. ДЕНЬ СОРОК ЧЕТВЁРТЫЙ	110
КАЛИСТРАТ МАЗОК. ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА. ДЕНЬ СОРОК ПЯТЫЙ	114

СОФРОН ЖАЛЬ. ОБ ВРЕМ И ПРОСТРАН. ДЕНЬ СОРОК ШЕСТОЙ	115
ОГЛОЕД СВИСТУН. ПРЕДИСЛОВИЕ К УЧЕБНИКУ «ОСНОВЫ БЫТОВОГО И ВСЕЛЕНСКОГО ШМУЦ». ДЕНЬ СОРОК СЕДЬМОЙ	116
ТЕЛЕМАХ МИМОХОДОВ. БАКЛАЖАНЫ. ДЕНЬ СОРОК ВОСЬМОЙ	120
ГАСАН ПАКГАУЗ. ХОЛОДИЛЬНИК. ДЕНЬ СОРОК ДЕВЯТЫЙ	122
ТИТ ЗАЦЕП. ОБ АНТРОПОГЕНЕЗЕ, МУХАХ И ПРОЧИХ УСЛОВНОСТЯХ. ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТЫЙ	124
АРТУР КУМЫС. ХАНДРА. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ	128
ТОМ ШНУРОК. МАГИСТР ФАРМАЦИИ. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ	130
ДОНАЛЬД ЗАМЕС. ОДИН ДЕНЬ НЕКОЕГО ГОСПОДИНА. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ	133
ДИК ШТЕМПЕЛЬ. ЗЕЛЕНОЕ ЯБЛОКО. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ	138
МЕЛИССА ШАНТРАПА. НЕДУГИ. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ	141
КОНАН ОПАРЫШЕВ. ЯГЕЛЬ И ГЕГЕЛЬ. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ	144
МОНИКА СУЕТА. КЛАДОВЩИК (ПЬЕСА).	146

ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ	
ВАРЛАМ СПОТЫКАЧ. СВЕТОФОР. ДЕНЬ	154
ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ	
БАЛЬТАЗАР ЗАСЛОН.	156
ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ГРУЗОВИЧОК. ДЕНЬ	
ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ	
ФИЛОМЕНА МЕШАНИНА.	158
ТЕЛЕФОНОФОБ. ДЕНЬ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ	
НОРБЕРТ ПРЕСС. ПЫЛЕСОСЫ. ДЕНЬ	160
ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ	
МАЛЬВИНА СЕРЬГА. РЕЗИНОВЫЙ	162
ЧЕЛОВЕК. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ	
РЮРИК САТУРН. ОРДЕН. ДЕНЬ	164
ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ	
МАРКИЗ ДЕ СТОЕВСКИ. КОНТАКТНЫЙ	166
ЗООПАРК. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ	
ЧЕТВЁРТЫЙ	
ГЕРАСИМ НАРВАЛ. ПЁС И ЯЙЦА. ДЕНЬ	169
ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ	
АГНЕССА АПНОЭ. КОШЕЛЬ. ДЕНЬ	170
ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ	
КОРНИЛИЙ БУМБАРАШ. АРБИТР. ДЕНЬ	172
ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ	
НОННА АСТРОЛЯБИЯ. СКУМБРИЯ. ДЕНЬ	174
ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ	
ВОЛЬФ ГОЛЬФ. ВЕЧНЫЕ ДЕТИ. ДЕНЬ	176

ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ	
ОГАНЕЗ БАКЛАЖАН. ГАМАК. ДЕНЬ	178
СЕМИДЕСЯТЫЙ	
УНДИНА ЖЕРЕХ. ТАРАКАНЫ. ДЕНЬ	180
СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ	
МАКАР КОЗЛИК. ВОЛЫНЩИК И ГУСЛЯР.	182
ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ	
ОТТО ФРУКТ. МУХИ. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ	185
ТРЕТИЙ	
АЭЛИТА ПАЛИТРА. SUUM CUIQUE. ДЕНЬ	187
СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ	
ЗУЛЬФИЯ РВАЧ. ДУХОМ И ОКОМ. ДЕНЬ	190
СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ	
ЮСТИНИАН МОНЕТА. МАНИАК. ДЕНЬ	193
СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ	
ЮСТИНИАН МОНЕТА МЛАДШИЙ. ПЕК	195
И ХИЧКОК. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ	
ХОДЖА ЗЕМЛЕРОВ. ПРОБЛЕМЫ. ДЕНЬ	198
СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ	
ЮСТИНИАН МОНЕТА СТАРШИЙ.	200
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОДОЛЖЕНИЙ. ДЕНЬ	
СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ	
МЕРСЕДЕС УЛИТКА.	202
ДОКТОРЫ И ДОКТОРА. ДЕНЬ	
ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ	
СИМБИР ЖЕРНОВ. ОХОТНИК. ДЕНЬ	204

ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ВИЛЕН ГОРАЗД. СЛУЧАЙНОСТИ. ДЕНЬ	207
ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ЕПИФАН ПРИЗМА. МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ.	209
ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ЛУКЕРЬЯ ПОТРАЧЕНА. ПОДВАЛЫ. ДЕНЬ	211
ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ АСТРИД ШЕПТУН. ЧЕРВЬ. ДЕНЬ	212
ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ ХО СУЛАВЕСИ. КРАБ. ДЕНЬ	214
ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ АРАБЕЛЛА НЕФРИТОВА. ДРАКОН. ДЕНЬ	215
ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ УБАРА ТУМУ. РЕДАХТУР. ДЕНЬ	217
ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ ЖУЛЬЕН ПОЛЕЗ. МАМИНА ЗИМНЯЯ	220
ШАПКА. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ АМОН ГОПАК. БРИТВА. ДЕНЬ	223
ДЕВЯНОСТЫЙ СОМЕРСЕТ ФИТИЛЬ. РАБА МЕЧТЫ. ДЕНЬ	225
ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ ИОФАНТ ОКТОБЕРФЕСТ. АГЕНТ. ДЕНЬ	229
ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ ЕВГРАФ ТРУПИЦЫН. БУБЕЛ. ДЕНЬ	231
ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ	
Лето	235

ИЛЛАРИОН ПЛЕЙСТОЦЕН. МАГАДАН.	235
ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЁРТЫЙ	
ТРИТОН АНДАЛУЗСКИЙ. ПОЛОВНИК.	238
ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ	
КАРИНА ДНИЩЕ. СКАТОЛОГИЧЕСКИЙ	241
КАЗУС. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ	
ЛЕХ ШАРНИР. КОНСЕРВНАЯ БАНКА.	243
ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ	
ШАЛВА СТОЛЕШНИК. ДВОРНИК. ДЕНЬ	245
ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ	
ЙОЛАН СКРЕП. ОБДЕЛАЛСЯ. ДЕНЬ	248
ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ	
Конец ознакомительного фрагмента.	250

365

**Сказки антарктических
писателей**

Модест Казус

© Модест Казус, 2018

ISBN 978-5-4493-8551-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОКОП ПРОЛОГ. ГРОБЫ МОЕГО ДЕТСТВА

В детстве, когда мимо нашего дома двигалась похоронная процессия – люди в чёрном, грузовик с гробом, весь в траурных лентах и венках – бабушки запрещали нам смотреть в окна. Предупреждали, если увидишь покойника через стекло – очень скоро тебя в таком же грузовике следом повезут.

Вздрагивая от надвигавшихся тревожных раскатов оркестра, бабушки опускали шторы и выбегали на улицу, чтобы разузнать про мертвеца, кто, дескать, таков, сколько лет и как помер. А я подкрадывался к окну и выглядывал из-под занавески на улицу. Однажды мне удалось увидеть бледное лицо в обрамлении красного шёлка.

Потом я ложился в кровать и ждал прихода смерти. Но вместо смерти приходили бабушки. Ворчали и цыкали. Смотрел или нет, стервец? Нет-нет. Не смотрел. Складывал из кубиков мавзолей.

История с запретом – начальная координата моих творческих изысканий. Смерть я представлял в образе маленькой девочки в белом платье. Столь же непорочной и честной.

Смерть всегда рядом. Никогда не предаст. А истечёт срок, так возьмёт меня за руку и уведёт туда, откуда вернусь я

кладбищенским ветром, чтобы кружить меж сосен на пого-
сте.

И ещё.

Ничто так не воодушевляет, как посещение кладбищ. Об-
ходя могилы и вчитываясь в таблички с именами и датами,
понимаешь, что закопанные в землю люди уже не смогут сде-
лать ничего из того, что можешь ты. Бальзак не напишет но-
вый роман. А мы – напишем. Моррисон не сочинит новую
песню. А у нас есть для этого все шансы. Потому что все
они – покойники, а мы – нет.

Весна

ИРМА СОЛОНИНА. НЕБЕСНЫЙ МОНТАЖНИК. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Дом был как дом. Дом и дом. В грязненьком переулочке. На окраине воющего автомобилями и пылающего неонном мегаполиса. По архитектурному стилю ничем не отличался от соседних зданий. Да и люди, впрочем, тоже мало чем отличались друг от друга. И двери входные были одинаковые, и ключи, и телевизоры, и столовые приборы, и рулоны туалетной бумаги, и отрывные календари. Каждое утро в одно и то же время люди шли на фабрику – трудились, а потом отдыхали в парке культуры и отдыха. Иногда люди, выпивши или задумавшись, заходили в чужие квартиры, пили чужие чаи из чужих кружек, разговаривали с чужими женами, укладывали спать чужих детей, не замечая, что дети, жены, кружки с чаями вовсе не их жены, дети, кружки и чай. И если встречали настоящего хозяина квартиры, то ничуть не удивлялись, полагая, что это лишь отражение в зеркале. Или сосед, заглянувший в гости. Или дядя Юзик из Мариуполя. Порой сами хозяева недоумевали, их ли это квартира, если в ней уже живет некий господин с женой и детьми, и,

краснея от стыда, заселялись в чужие квартиры. А нередко им казалось, что их зовут дядей Юзиком, и тогда они собирали чемоданы и уезжали в Мариуполь.

В одной квартире, не важно, как вы уже понимаете, в какой, жил монтажник. Работал, конечно же, на фабрике. Работа его заключалась в перетаскивании проводов. Придёт утром в цех, схватит провод и тянет туда или сюда. Словом, выполнял полезное и ответственное дело. К вечеру, натаскавшись до умопомрачения, возвращался домой, надевал тапочки, включал телевизор и кричал «Гол!».

И вот однажды проснулся монтажник под мозгодробильный трезвон будильника, но встать так и не смог, прибитый мыслью о том, что когда-то каждая клетка его организма была частицей звёздной пыли. Парализованный близостью иной реальности и собственной в ней ролью, он пролежал в койке не одну неделю. Его посещали сердобольные коллеги по работе, приносили банки с вареньями и свежие газеты. Посетил больного управдом, участковый врач, участковый полицейский, бригадир с фабрики и много-много других людей. А монтажник продолжал неподвижно лежать и смотреть в потолок. Вскоре людям надоело сопереживать неблагодарному бревну, и про монтажника разом все забыли. Тем более, что на носу был отчетный период.

Так наступила зима. А зима, как известно, самое теплое время года. И мерзнут лишь те, кто об этом не знает. Монтажник, заметив, что перестал существовать для кол-

лег по работе, управдома, участковых врачей и полицейских, очень этому обрадовался, накинул на плечи пальто, повязал на шею шарф и вышел из дома в морозную ночь. Звезды горели особенно ярко. Их далекий, игольчатый свет отражался от кристаллов льда и глазных яблок бывшего монтажника.

– Я хочу утонуть в этих звездах – сказал он вслух и, хрустя рыхлыми комьями замерзшей небесной воды, пересёк снежное поле, остановился у края леса, где тянулась линия высоковольтных передач, задрал голову кверху, улыбнулся загадочно и начал карабкаться по мачте. Бездна неба приближалась, звала, манила, выветривая из его головы воспоминания о фабрике, городе, доме... Монтажник забыл о том, был ли женат или не был, а если был, то каким количеством детей обзавелся? И обзавелся ли вообще? Для него существовала только бездна ночного небосвода над головой, полная звезд и чудовищных далей.

Рано или поздно любая дорога приводит к более или менее логичному тупику. Монтажник достиг наконечника мачты, встал во весь рост, раскинул руки крыльями в стороны, крикнул во весь голос:

– Звездой!

И нырнул в черные волны небесного океана.

Как раз в тот момент, когда в Пулковской астрономической обсерватории профессор придумывал имя для новой звезды.

ШУХРАТ СОЛУТАНОВ. ХЛОПУШКИ И ШУТИХИ. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Один каверзный молодчик не мыслил собственной *exsistentia* без того, чтобы не напакостить, подсунув хлопущку или шутиху какому-нибудь уважаемому господину. Ибо, как считал молодчик, нет ничего смешнее уважаемого господина, насмерть напуганного бабахом хлопущки или шутихи рядом с ухом или задом.

Он выдвинул даже теорию о необходимости регулярно пугания уважаемых господ шутихами и хлопущками. Ибо внешние раздражители заставляют мозг совершать невозможные кульбиты, менять форму и всякий раз принимать принципиально новое положение, предотвращая возрастное окостенение центральной нервной системы.

Но подобные бесчинства каверзный молодчик творить бесконечно не мог, и вскоре вырос из каверзного молодчика в уважаемого господина. Он начал торговать недвижимостью, ездить в собственном автомобиле, жить в собственном доме с собственной прислугой.

Так и жил, пока мозги его не окостенели и не высохли. Потому что не осталось в мире каверзных молодчиков, которые взрывали хлопущки и подбрасывали шутихи.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОХЛЯ. СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК. ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В захудалом баре на окраине Бангладеша повстречался мне непристойно странный человек. Станным в нём было всё. И глаза, и в глазах, и одежда, и обувь. По его жестам и повадкам легко было определить, что приехал он из тех самых мест, о которых мы обязательно говорим:

– Странное какое-то место.

И с нами обязательно соглашаются:

– Очень странное место.

И читатели обязательно подумают:

– Чем интересно живут в странных местах люди?

Итак, странный человек уселся на вертлявый табурет и заказал у старика-бармена стакан воды. Чище, чем воздух. Прозрачнее дна. Посидел, подумал о чем-то. Или о ком-то. Потом выпил, поднялся и направился к выходу, по пути неожиданно обратившись ко мне.

И что, как вы думаете, он мне сказал?

АРКАДИЙ СКОБЕЛЕВ-БОЛТОВОЙ. ИНСПЕКЦИЯ. ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Повадилась как-то инспекция в один дом. Приходит и говорит:

– Не так!

Люди за головы похватались. Давай кричать:

– Что?

– Зачем?

– Ой!

– Ы!

– Всё так!

А инспекция им и отвечает:

– Нет, братцы, не так! – и закрыла их.

А люди из окон повылазили, гуляли и ходили колесом

РОМУЛ ПУСТОШИН. ПАВЕЛ. ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Павел был сумасшедшим человеком. Он болел давно, и уже никто не помнил, каким он был раньше и был ли он раньше. И бывал ли в состоянии отличном от настоящего вообще.

Павел болел...

Его жалели. Жалели соседи, знакомые и люди, никогда не видевшие и не знавшие Павла, но готовые выложить кучу назидательных историй о нём. Детям внушали, что недобросовестных школьников ждёт такая же судьба, как у дяди Паши. А дети, играя в песочнице и шумно ссорясь, называли друг друга «Павликом – дебилком». Но в пять часов открывались окна и мамы кричали во двор.

Павел был далеко...

Он сидел на больничном табурете и жевал мягкий хлеб, обсуждая с соседом по палате будущее российской поэзии, роль эквиваленции в произведениях современных постмодернистов и прав ли был Сократ, расстилая ковры в комнатах дома своего.

А дети во дворе стреляли из деревянных арбалетов. А папы футбольно орали. А старики, стуча в домино, говорили, что тридцать восемь лет назад в этот же самый день выпал первый в том году снег...

ФЕОКТИСТ РЫЛЬЦЕ. ПОГРАНИЧНИК. ДЕНЬ ШЕСТОЙ

На границе, где хмуро ходят тучи, служил один чрезмерно педантичный пограничник. Все было при нём: и бурка, и винтовка, и ответственность за покой граждан. И если бы не крайняя форма упомянутого педантизма, то быть ему при медалях-орденах да с девками, да по площадям красным.

А службу наш пограничник нёс следующим образом.

Вдоль линии, по которой он маршировал с ученой собакой, торчали полосатые столбики с гербами. И количество им было – семнадцать штук! Пограничник патриотично считывал семнадцать столбиков, поворачивал обратно и начинал заново. Три, четыре, пять, семь. И следил при этом, чтобы не пролез шпион.

В жизни каждого из нас наступает тот самый день. В свой тот самый день пограничник обнаружил, что полосато-гербовых столбов на его пути встретилось почему-то не семнадцать, а восемнадцать.

– Хм! – задумался педантичный пограничник и принялся вышагивать в обратном направлении. На обратном пути столбов получилось шестнадцать,

– Хм-хм! – снова задумался педантичный пограничник. И вновь проследовал по незамысловатой траектории, загибая пальцы. С третьей попытки столбов насчитал он пять,

а с четвертой – сорок два.

– Так! – вслух сказал пограничник. Затем подумал. И еще подумал. И сказал:

– Так-так.

Досчитал до десятого столбика и привязал к нему собаку.

– Вот так, – азартно ухмыльнулся педантичный пограничник и вдруг заметил, что столбов больше не осталось.

– Хм! – вновь задумался педантичный пограничник.

– Ав-ав, – напомнила о себе собака. Тогда пограничник привязал к столбу себя самого, а собаку отвязал, чтобы та искала пропавшее невесть куда государственное имущество.

Обрадовавшись свободе, собака залаяла, подпрыгнула и скрылась в чащобе, где волки да зайцы, где жизнь кипитком и где расцветает яркими красками каждый новый день. А пограничник завыл по-собачьи, да так жалобно, что бабки в соседних деревнях неистово закрестились.

– Кхе-кхе – прокашлял в кулак дед Макар – на утро там и сям милиционеры шастали. Дезертира искали. Пропал солдатик. Сгинул, брат, в неизвестность. А через недельку появился в округе этот полоумный. – дед посмотрел на Федота – слышь, Федот? Про тебя, дурака, рассказываю!

Но Федот только рожи страшные корчил да со смеху вываливался в окно.

– Тьфу! – дед Макар поднялся с лавки – Вот так-то, Лёнька. А ты говоришь «кто верен любви – тот любим».

И пошли мы с дедом пить горькую.

ВЕРОНИКА

СТРЕЛЬБИЩЕ. О. ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Живёт на белом свете одна добрая и хорошая девочка О. Просто О. И никак иначе. Имя у неё такое. А почему такое – история умалчивает. Может папа назвал, может мама назвала, может бабушка с дедушкой назвали, а может Семён Афанасьевич, а может само назвалось. И все-все знакомые, друзья и родственники говорили;

– О, здравствуй!

– Как ты красива сегодня, О!

– О, как дела твои, О?

Но девочка О не отвечала, потому что постоянно спала и снился ей грушевый сок.

А в мире сменялись времена года, рождались дети и ветра, неоновые искры рассыпались по городам, бульдозеры вгрызались железными зубьями в асфальт, кабеля и провода связывали планету, а по космосу, раздвигая дикие созвездия, вышагивал Вечный Гагарин.

Но девочка О спала крепко-крепко и ничего об этом не знала.

А мусоры и яды загрязняли реки, и выползали из тех рек прожорливые суслики-убийцы, ядерные ракеты косили под корень генеалогические деревья, города исчезали с планеты словно цветы с полотен истеричного художника... Всё гре-

мело, шумело, трещало по швам... Сгорало солнце и падало небо.

И тут от грохота проснулась девочка О. Посмотрела по сторонам и подумала:

– Что-то здесь не так.

А может она подумала, что это очередной сон... И на всей планете не осталось никого, кто мог бы ей объяснить. Повернулась девочка О на другой бок и снова уснула.

А в мире остывали огненные бурления, утихал мировой океан, частички звёзд опускались на планету, растворяясь в том океане, на сушу выползали гады, обращаясь в зверюг, появлялись новые деревни, новые города, новые люди, всходили колосья, распускались цветы, в морях плавали храбрые капитаны, люди в шафранных мантиях строили монастыри, кошки пили молоко, рождались дети и ветра... Ветра играли на бельевых веревках, а дети бегали по лужам. Вдогонку за дождями.

От их задорных криков и проснулась девочка О. Выглянула в окошко, заулыбалась вся, и побежала играть с детьми в салки-пряталки.

ЗИНОВИЙ ЩЕТИНКИН. ПОНЧИК. ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Мальчик один гулять на улице вздумал. И к маме пошёл. И сказал.

А мама ответила, чтоб шёл и гулял. Мальчик поворотился – и за дверь, а мать ему

– Иди сюда, подляк-сорванец!

И дальше.

– На тебе денюжку. Купи себе пончик да съешь!

Мальчик, подумав, взял деньги и – гулять. За углом в кондитерской палатке он взял пончик, съел, а денюжку не отдал, а тёте брюхатой сказал, что больной душевно, чем вызвал испуг в её заплывших жиром глазах. Тётя добрая была, а мальчик купил в другом магазине спичек и – давай баловаться.

Вдруг к нему дяденька подкрался:

– Ах ты негодник!

И мальчик плакать. Дяденька сжалился и отвёл его в милицию.

В участке милиционер жевал погон. И было ему тоскливо, поэтому мальчика он домой отправил.

А мальчик дома маму обнял и сказал, что очень любит. А потом спаньки лёг и приснился ему фиолетовый жираф.

РАКЕЛЬ КАРАБИНА. КОСМОНАВТ. ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Старый человек жалел свои кости и поэтому, когда ходил в лес за грибами, часто присаживался на пенёк. Заходясь в кашле, старик, покачивался на пеньке, словно метроном, и брызгал слюной сквозь беззубый рот.

Трясущейся рукой он извлекал из кармана платок и размазывал липкую влагу по лицу.

Потом, кряхтя, поднимался на ноги и медленно ковылял дальше.

Старику было девяносто три, а ровно восемьдесят лет назад он и не подозревал, что ему никогда не стать космонавтом.

ИНГА СНЕЖОК. СОЛДАТЫ. ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

По сырому утреннему плацу маршировали солдаты. Грохот каблуков раскатистым эхом отражался от бесцветных сонных зданий.

Их ждали.

Ждали боевые вертолёты, готовые оторваться от земли подобно насосавшимся крови комарам. Их ждали хмурые, вечно бодрствующие призраки.

А жёны спали, вгрызаясь зубами в стены.

НАДЕЖДА ЧЕСОТКА. ГОРНОЛЫЖНИКИ. ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Мальчик Понтий не мог ходить. И учили его, и костыли подсовывали, и к стенке ставили, чего только ни делали, а он постоит-постоит, да и упадёт на пол. И кубарем катится.

Даже врача вызвали. Сурового, как топор. Доктор глазами из-под очков покрутил, лекарство выписал – и за дверь!

Положили мальчика на кровать, головами закачали, зацыкали.

– Ай-ай! Беден-несчастен наш мальчик.

Причитают и плачут. Ревут в три ручья. А годы летят, что птицы. Зимы за вёснами. Климаты политические и экономические глобально меняются. А мальчик лежит-полежит. Не скачет и не танцует.

Валялся мальчик на кровати мешком, пока не принесли ему в комнату телевизор. Включили, значит, телевизор этот и охают. А по телевизору – олимпиада. Люди в трико с горки сигают: разгоняются и выпрыгивают, разгоняются и выпрыгивают.

Выпрыгивают и летят.

Фр-р-р!

Мальчик вдруг аж засветился весь!

– Маман! – сказал он маме. – Купите мне лыжи и палки для лыж. Да покреее.

Мама удивилась крайне, но лыжи купила и принесла в дом.

Мальчик вскочил на ножки, будто всю жизнь бегал-прыгал, нацепил лыжи на ноги, раскрыл окно, выпрыгнул и разбился.

Так-то.

А мораль рассказа такова: не можешь ать – не мучай опу!

ДЕНИС ШМЯКИН. КЫХ. ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Один папа рассказал мальчику сказку.

– За рекой, нарисованной в детской книжке, мальчик Стёпа увидел солнышко, но никому об этом не сказал, кроме плюшевой зверюшки, спавшей с ним в одной кроватке. Чтобы зверюшка не проболталась, Стёпа, разрезав и выпотрошив ей брюхо, утопил куски плюша в унитазе и дёрнул за рычаг. На тот случай, если всплывут.

Мальчик Стёпа боялся, что узнает мама и отругает Стёпу, как это было, когда он копался в штанах. Через много лет унитаз сменили, а Стёпа умер. Плохо ему было. Он болел.

ГЕРМАН ЭНШУЛЬДИГЕН. ГЕК И ЧУК. ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

Братья Чук и Гек славились своей безграничной любовью к животным. И кормили тварей, и поили, и создавали среду обитания максимально приближенную к родной, дабы адаптационные процессы протекали легко и без стрессов. И холили, и лелеяли, и ели, и шкуры драли, и шубки шили!

И вот Гек, вознамерившись купить очередную живочушку-игрушку, отправился на Птичий рынок. А на рынке том животины – видимо-невидимо! И хомяки, и ослики, и козлики, и муравьед, и карась, и гнус, и мурзики. Спрашивает Гек у продавца с террариумами:

– А что это за зверё у тебя, уважаемый?

– А это хамельёны! – отвечает Геку продавец, мутный дядя по прозвищу Грязный.

– А что за такие хамильёны у тебя, уважаемый?

– А разные! Разнообразные! Вот этот цвет меняет. Посади его на скатерку – станет как скатерка, посади на стекло – вовсе пропадёт. В унитаз только не сажай.

– Ишь. А этот тоже меняет цвет? – спрашивает Гек, тыча лайковой перчаткой в тварюгу, крутящую глазами, словно вентилятор лопастями.

– Не! – отвечает Грязный – Этот меняет размер! Вот впихни его в карман – тут же размер сменит и будет в кармане

вдоль-поперек ползать и радоваться!

– Да ладно?! – разинул рот Гек

– Да. А вот этот гад меняет пол! Вишь, с виду мужик – мужиком. А не успеешь глазом моргнуть – в подоле принесет и по лавкам.

– Ого-го! – Гек от радости даже приплясывать начал. – А этот?

– А этот убеждения меняет раз в сутки.

– Это как?

– А смотри-ка. Купил его у полоумного моряка-подводника. И тот дурак-моряк рассказывал мне, что хамильён попал к нему в руки будучи адептом культа Тескатлипока, потом стал адептом культа Кетцалькоатля, потом адептом культа Уицципуцли, потом адептом культа Тлалока. По прибытии в калининградские доки стал убежденным социал-националистом, в поезде – воинствующим атеистом, в такси – кришну-вишну, а уж тут, как видите, черносотенец истинный!

– Экое диво дивное! Покупаю! – вынул из кармана Гек кошель и сунул Грязному денег.

Потом схватил хамильёна, положил в ридикюль и был таков. Приносит домой. Орёт с порога:

– Чук! Чу-ук! Смотри, чё я приволок!

Но никто не ответил.

– Чё? – спросила четвертая реинкарнация Чука из ридикюля.

АКАКИЙ ЗАВЁРНУТЫЙ. ЛИТАВРА. ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Настоящий музыкант, будучи, как все настоящие музыканты, гениальным и голодным, украл в магазине музыкальных инструментов литавру – и давай на ней играть. Согрелась душа. Хорошо стало. Потом музыкант доел крошку со стола, слил остатки портвейнов в алюминиевую кружку и выпил.

– Не пора бы спать – подумал музыкант и съехал со стула. И приснилось музыканту, что его мама спекла кекс.

Проснулся музыкант, поискал по сусекам, а кекса нигде нет. Зато нашел он литавру – и давай играть. Потом снова спать лёг. А там мама кекс печёт. Проснулся – кексу как не бывало. Обиделся музыкант, потому что вместо кекса увидел литавру.

– Эх ма, ядрёна! – заругался музыкант, разбил литавру об комод, пошёл в кухню и повесился.

ШУРИК САНДАЛОВЫЙ. ПОТНЫЙ СОЛДАТ. ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Как-то раз потный солдат решил перестать вонять. Купил одеколон, выпил, перестал вонять и умер. Взялась жена его хоронить, а он не хоронится. Лежит труп посреди комнаты и смердеть отказывается.

А тут, как на грех, соседский мальчик заявился с рассказом о том, как его алкоголический папа унитаз поломал и не чинит, только пьёт-жрёт-писает-падает.

Пришёл, значит, этот мальчуган к жене покойного солдата и говорит, что у него крайняя надобность до уборной имеется.

Она ему

– Ох, не трави, братец, душу...

Тут и засмердело кругом. Обрадовались родственники и похоронили солдата. А мальчика домой отправили. Бельё менять.

АМБРОЗИЙ ЛАЦКАН. ГРАДУСНИК. ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Это невыносимо! Ещё одна бессонная ночь, и я звоню санитарам. Пусть приезжают, фиксируют мои конечности смиренной рубашкой, вкалывают галоперидол и глумятся, катая мою спелёнутую тушку по больничным коридорам, аки шар для боулинга. А ведь прошёл уже год с того дня, как помер мой сосед. Помер вскоре после того, как я разбил градусник и закапал ртуть ему в тапки.

Он снимал комнату на втором этаже, в конце коридора, откуда уходил каждое утро. Никто не знал, куда он уходил, где бывал, кем работал, да и работал ли вообще. Тем не менее, каждое утро он спускался по лестнице со второго этажа, растопырив пальцы на руках и ногах, и говорил препротивно:

– Здравствуйте!

Был одинок и нелюдим. Никому не нравился, ни с кем не заводил разговор первым, на вопросы отвечал односложно и скучно до такой степени, что спрашивать мы даже не пытались. Так и жили. Каждый со своими заботами, мыслями, переживаниями.

А потом я закапал ртуть в соседские тапки.

Хорошо помню, как холодным осенним вечером сосед ворвался в дом, наполняя прихожую ноябрьским ветром и пло-

хо скрываемым намерением устроить акт бытового каннибализма. Потом зачем-то рухнул на колени и принялся нюхать паркет. Наверное, искал следы своего убийцы. Тогда-то я и скинул ему на голову дедушкин токарный станок. Сосед моментально успокоился, прилёг, дёрнулся миоклонически и больше не поднялся.

Полицейские допрашивали нас долго и с пристрастием, но жильцы, благодарные за избавление от неприятного соседа, меня не выдали. Осколки градусника я давным-давно скормил паукам-стеклоедам, а никаких других улик против меня не существовало. Разве что тапки, но на них, к счастью, внимание не обратили.

Радость моя была недолгой. Стали беспокоить сны о тумане, из которого возникал жидкий африканец, чтобы истязать пытками мою нечистую совесть. Гуляя вечером в приморском парке, я чувствовал, как нечто злое скользит вслед за мной меж тополиных ветвей. Слышал, как падали капли в бетонной трубе. Видел, как птицы выписывали в сумеречном небе очертания уробороса. Жёлтые листья принимали облик чудовищ, которые припадали на лапы, готовясь к прыжку. Я спешил вернуться домой, но и там происходило странное: лампа под абажуром краснела, словно забрызганная кровью, чистые листы на столе напоминали египетский пергамент, а узоры на обоях оживали и змеились.

А сейчас, когда стрелка часов пересекла четвёрку на циферблате, в ночном, словно покрытом чёрной краской, окне

возникло страшное щупальце и присосалось к стеклу с обратной стороны.

Всё! Это невыносимо. Позвоню-ка, санитарам. Если смогу поймать сбежавший на кухню телефон.

ОЛЕСЬ ШЛАКОБЛОК. РАССКАЗ ПРО ТО, КАК ОДИН ДЕД ХОДИЛ БОЛЕТЬ. ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ

Пришел дед в поликлинику и говорит:

– Я болееть!

– Ах, ты болееть! – обрадовались доктора.

– Да, я болееть

– Болееть?

– Болееть

– Мы тебя лечить будем

– Не надо.

– А зачем тогда пришёл?

– Болееть.

– Болееть?

– Болееть.

– Тогда на!

И вставили деду клизму. Дед и помер.

ШЕРЛОК ЧАСОВОЙ. КОНКУРС. ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Что такое литературные конкурсы?

Литературные конкурсы есть содомическая церемония, во время которой кучка людей, считающих себя опытными литераторами, собирает произведения неизвестных писателей и оценивает оные согласно правилам и законам, ими же выдуманным. Чем дотошнее соблюдал законы автор, тем больше у него шансов выиграть приз. Призом обычно служит признание произведения лучшим относительно других конкурсных произведений по мнению кучки людей, считающих себя опытными литераторами.

И вот как-то раз на стол жюри одного конкурса легло письмо с произведением следующего содержания.

Феникс

(Миниатюра)

Распластав крылья по черному, усыпанному тысячами звезд, алтарю ночного неба, сгорает мое тело холодным сердечным огнем, с каждым новым всполохом обращаясь в пепел, прах и пыль, которые подхватывает сошедший с ума северный ветер и проносит сквозь густой, словно осадок затхлой воды на дне стакана с тусклым, полупрозрачным стеклом, туман в пустынные, мертвые земли, где не существует ни боли от разрывающих сознание душевных мук, ни страха

потерять уже давным-давно потерянное, ни страданий, ибо нет в них больше смысла, где истекая кровью, умирает солнце, где в багровых лучах безжизненной звезды рождается ночь, воздвигающая на чёрном небе алтарь, усыпанный тысячами звезд, и на нём, распластав крылья, сгорает мое тело холодным сердечным огнем, с каждым новым всполохом обращаясь в пепел, прах и пыль, которые подхватывает сошедший с ума северный ветер и проносит сквозь густой, словно осадок затхлой воды на дне стакана с тусклым, полупрозрачным стеклом, туман в пустынные, мертвые земли, где не существует ни боли от разрывающих сознание душевных мук, ни страха потерять уже давным-давно потерянное, ни страданий, ибо нет в них больше смысла, где истекая кровью, умирает солнце, где в багровых лучах безжизненной звезды рождается ночь, воздвигающая на чёрном небе алтарь, усыпанный тысячами звезд, и на нём, распластав крылья, сгорает мое тело холодным сердечным огнем, с каждым новым всполохом обращаясь в пепел, прах и пыль, которые подхватывает сошедший с ума северный ветер и проносит сквозь густой, словно осадок затхлой воды на дне стакана с тусклым, полупрозрачным стеклом, туман в пустынные, мертвые земли, где не существует ни боли от разрывающих сознание душевных мук, ни страха потерять уже давным-давно потерянное, ни страданий, ибо нет в них больше смысла, где истекая кровью, умирает солнце, где в багровых лучах безжизненной звезды рождается ночь, воздвигающая на чёр-

ном небе алтарь, усыпанный тысячами звезд, и на нём, распластав крылья, сгорает мое тело холодным сердечным огнем, с каждым новым всполохом обращаясь в пепел, прах и пыль, которые подхватывает сошедший с ума северный ветер и проносит сквозь густой, словно осадок затхлой воды на дне стакана с тусклым, полупрозрачным стеклом, туман в пустынные, мертвые земли, где не существует ни боли от разрывающих сознание душевных мук, ни страха потерять уже давным-давно потерянное, ни страданий, ибо нет в них больше смысла, где истекая кровью, умирает солнце, где в багровых лучах безжизненной звезды рождается ночь, воздвигающая на чёрном небе алтарь, усыпанный тысячами звезд, и на нём, распластав крылья, сгорает мое тело холодным сердечным огнем, с каждым новым всполохом обращаясь в пепел, прах и пыль, которые подхватывает сошедший с ума северный ветер и проносит сквозь густой, словно осадок затхлой воды на дне стакана с тусклым, полупрозрачным стеклом, туман в пустынные, мертвые земли, где не существует ни боли от разрывающих сознание душевных мук, ни страха потерять уже давным-давно потерянное, ни страданий, ибо нет в них больше смысла, где истекая кровью, умирает солнце, где в багровых лучах безжизненной звезды рождается ночь, воздвигающая на чёрном небе алтарь, усыпанный тысячами звезд, и на нём, распластав крылья, сгорает мое тело холодным сердечным огнем, с каждым новым всполохом обращаясь в пепел, прах и пыль, которые подхваты-

вает сошедший с ума северный ветер и проносит сквозь густой, словно осадок затхлой воды на дне стакана с тусклым, полупрозрачным стеклом, туман в пустынные, мертвые земли, где не существует ни боли от разрывающих сознание душевных мук, ни страха потерять уже давным-давно потерянное, ни страданий, ибо нет в них больше смысла, где истекая кровью, умирает солнце, где в багровых лучах безжизненной звезды рождается ночь, воздвигающая на чёрном небе алтарь, усыпанный тысячами звезд, и на нём, распластав крылья, сгорает мое тело холодным сердечным огнем, с каждым новым всполохом обращаясь в пепел, прах и пыль, которые подхватывает сошедший с ума северный ветер и проносит сквозь густой, словно осадок затхлой воды на дне стакана с тусклым, полупрозрачным стеклом, туман в пустынные, мертвые земли, где не существует ни боли от разрывающих сознание душевных мук, ни страха потерять уже давным-давно потерянное, ни страданий, ибо нет в них больше смысла, где истекая кровью, умирает солнце, где в багровых лучах безжизненной звезды рождается ночь.

Конец

Жюри немотствует.

И вдруг!

– Тавтология! Плеоназм! Ляпалиссиада! – орёт член жюри №1 – Как же они не могут понять, что это совершенно убивает произведение?!

– Избыточность притяжательных и неопределенных ме-

стоимений! Это никак не можно терпеть больше! – кричит член №2 – Зачем они нужны вообще? Если лексикон домо-рощенных писателей столь беден, то не быть им писателями никогда! Следует ставить жирный крест!

– Избыточность эпитетов! Избыточность действия! Избыточность существительных! – вопит член №3 – Зачем растолковывать очевиднейшие вещи? Они полагают, что мы настолько тупы? Вопиющая дерзость!

– Недостаток эпитетов! Недостаток действия! Недостаток существительных! – ревет член №4 – Им должно быть стыдно перед великим русским писателем Лесковым. Вот великому русскому писателю Лескову точно было бы стыдно за них! Потому что Лесков – великий русский писатель, а тут вообще не пойми что такое вообще! Срамота!

– Штамповка! – голосит член №5 – Я всё это уже где-то читал, смотрел и слушал. У кого-то официально признанного и отмеченного профессиональными наградами и серьёзными премиями.

– Словесный паразитизм! – воеет член №6 – Ни одному читателю не захочется копаться в таком речевом мусоре!

– Архаизмы-жаргонизмы-канцеляризм! – рычит член №7 – Бескультурие! Даже слово придумали для оправдания своей околесицы – пост-мот-ернизм! Гадость какая! А самый главный у них – калоед и порнограф! Долой!

– Обилие беспомощных причастных и деепричастных оборотов душит речь! – стонет член №8 – Такое не допуска-

лось и, покуда я жив, допускаться в литературу не будет! Да!

– Неконкретность описаний и телеграфный текст! – причитает член №9 – Где логическая связь? Где элементарная логика, господа?! Не вижу логики! Не ви-и-ижу!!!

– Какая дрянь, право слово! Сплошная аллитерация! Бесконечные ассонансы, анафоры, эпифоры утомительны! – перекрикивает всех остальных член №10 – Чудовищная фоника! Кошмарная конструкция!

Так неистовствовало жюри, бушевало, штормило, рвало и метало, а потом состарилось и умерло.

А искусство устремилось в вечность.

НИКОЛАЙ ЦЕЙЛОН. АСТРОФИЗИКА. ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Однажды я вышел из метро, купил шаверму, съел шаверму, дождался автобуса, миновал автоматическую систему контроля пассажиров, сел возле окошка, посмотрел на пешеходов и улыбнулся, на нужной остановке покинул автобус, прошёл через дворик до подъезда, открыл дверь, поднялся по лестнице и нажал на кнопку звонка.

– Здравствуйте, Юрий Алексеевич – сказали мне.

– Здравствуйте, Леонид Николаевич, – ответил я – Как вы меня узнали?

– Как же вас не узнать? Вы ж сын Земли и Звезд! Все мы знаем, каким вы парнем были, как тропку звездную открыли, как пламень был и гром, как замер космодром, в той степной дали, первый старт с Земли, словно признание ей в любви! И как все вас на руках носили, и как с клюшкой на лёд выходили, и как поля родные любили! И почему это «были»? Вы ж самую смерть победили!

– А вот шел по улице только что и никто не признал!

– А это потому, что все думают, что вы умерли.

И мы рассмеялись.

САМСОН ХРАП. МАМЕД. ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ

Пришёл Мамед к маме и спрашивает:

– Мама. А почему я – Мамед?

– А ты зачем спрашиваешь?

– А вот того зовут Миша, а этого Миша. А меня Мамед.

Почему?

– Потому что ты – Мамед

– А что такое Мамед?

– Мамед – это тихий ужас

– Мама. Я что? страшный?

– Нет. Только папа боялся очень.

АЛИК ПОТНЫЙ. ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Жил-был один господин. Очень подозрительный, надо сказать, господин. Например, насмотрится в телевизоре фильмов про Африку и носорогов, и пойдет по улицам рыскавать. А там ни Африки, ни носорогов.

Или прочитает в газете про неопознанные летающие объекты, глянет в окошко, а там летают сюда-туда объекты вполне распознаваемые.

При таком поведении психиатрический кризис неминуем: однажды господину за обедом внезапно подумалось, что, когда он снимает с себя верхнюю одежду в коридоре и уходит на кухню откусывать кефиру, в прихожей обязательно что-то происходит или случается, а может случается или происходит.

То есть, господин выходит на кухню пошамать-понять или в клозет, а в эту самую минуту в коридоре некто или нечто – например, эфиоп – надевает его китель, его штiblеты, его цилиндр и корчит зеркалу страшные рожи.

Поперхнулся господин от ужаса и, как был в салфетке и с вилкой в руках, бросился в прихожую. Вбегает – а там нет никого. Штiblеты, китель, котелок на местах.

– Так-так! – повел усом господин

– Исчезло! – догадался господин

– Карма – загрустил господин

– Но! – воскликнул господин и залез в шкаф. А дверь чуток приоткрыл, чтобы следить за происходящим и случаемся. Однако ничего не происходило и не случилось.

– А вдруг эфиоп этот тоже сидит в шкафу? – спросил господин у своего внутреннего господина и пошарил тростью по темноте. Никого. И тогда он стал подозревать, что именно сейчас гипотетический эфиоп читает его газету, кушает его кефир и смотрит его телевизор.

– А! – господин с криком вывалился из шкафа и помчался на кухню, где, как выяснилось, тоже ничего не происходило. Кефир на столе. Газета раскрыта на четвертой странице со статьей о бинарных звёздных системах.

Упал господин на четвереньки и принялся через лупу искать насекомых, мимикрировавших под ламинат. Ползает он, ползает, в лупу глядит, а сам ушами шевелит – звуки космоса ловит. Сбрэндил, одним словом. И увезли его в сами-знаете-какой дом.

Сию историю мне рассказал на троллейбусной остановке автомеханик дядя Вова, коего знали и приветствовали проезжающие мимо автомобили.

И я кое-что понял.

На самом деле священники и мертвые ослы в роялях – ничто иное как священники и мертвые ослы в роялях. Запом-

ните это.

ФЕМИДА КРЕМ. КУКЛ. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Одного мальчика привели в детский магазин, чтобы показать страшного кукла в назидание за баловство.

– Ай-ы-ай! – заревел испуганный мальчик.

– Что с ним? – родитель вопрошающе посмотрел на другого родителя.

– Кукла хочет! – понимающе кивнул другой родитель и сочувствующе посмотрел на родителя.

– Он мальчик! – возразил родитель родителю – Ему не след куклов покупать и в оные играть!

Мальчик пуще стал рычать и приседать. И головой землю копать. Дрогнул у родителя последний нерв, и купили мальчику кукла.

Дома мальчик вроде бы присмирел и реветь прекратил. Вечером его уложили в кровать, прочитали сказку, укрыли одеялом и ушли смотреть взрослые фильмы.

А поздно ночью пробежала по занавескам дрожь, закачалась люстра под черным потолком, заскрипели доски полые. Открыл мальчик глаза и видит перед собой голову кукла, склонившуюся над ним низко-низко. Так низко, что почувствовал он резиновое дыхание.

И говорит ему пластмассовая голова едким голосом:

– Жил-был в одном городе мальчик. И жила-была в од-

ном городе девочка. И полюбил мальчик девочку, а девочка мальчика. Но как-то раз девочка сгинула в неизвестное. И мальчик умер. И нет его нигде и никак – сказавши сие, кукл развалился на части. Так никто и не смог кукла собрать.

А мальчик больше никогда не плакал.

И не смеялся.

ИПАТИЙ ОН. АРТЕЛЬНЫЙ КОТЁЛ. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Один дяденька купил себе роликовый конёк в количестве двух штук, надел на обе ноги, чтобы весело погулять по улице, но свалился с крыльца и растряс мозг.

Другой дяденька купил себе бутылку водки в количестве одного ящика, залил в желудок, чтобы весело погулять по улице, но свалился с крыльца и упал, разбив лицо и окуляры.

Третий дяденька ничего не пил и коньки роликовые не надевал, но тоже решил проветрить кости – и тоже свалился с крыльца, свалился и покатился мячом по мостовой, сворачивая шею, руки, ноги и все то, что было доступно сворачиванию.

Потому что был гололёд.

Вывод: в артельный котел говядины без сетки не пускай

ГУМБОЛЬД ВЕСЛОМ. КОКС. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

В далёкой Сибири на кривом стуле восседал шахтер и подсчитывал кокс. Сбивался да начинал заново.

На столе лежали вещи, горел в печурке огонь, а в тумбочке томно вздыхал таёжный клещ.

Наконец шахтёр досчитал-таки кокс и вышел из бытовки. Посмотрел вверх – там дрозд. Посмотрел под ноги – там след.

– А пойду-ка, посмотрю, куда ведёт сей след —подумал шахтёр и пошёл. Идет себе, значит, идет... и вдруг из-за ели – охотник пенсионного возраста.

– Ты куда? – спросил охотник у задумчивого шахтера

– Искать след чей.

– Где? Какой? – не унимался охотник

– Там. И тут. И вот.

– Этот?

– Да. Он самый

– Так это, брат, мой

– Ах, твой! – обрадовался голодный шахтер и слопал розея.

ЭЛЬДАР УЧЁТ. СНЯТОСТОП. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Снимали как-то в нашем посёлке кино. Все из домов по-выскакивали, прибежали к кустам и глядят во все глаза.

А там ряженые кривляются, пыжатся, и режиссер ходит важный, с беретом набекрень, дёрганный весь, то и дело ругается да орёт, как петух в палисаднике.

И ряженые принимаются ещё омерзительнее кривляться, хохотать и падать.

Посмотрел я на содомию эту и говорю однополчанину:

– Ента, брат, кино!

– Ага – говорит он – Кино

И пошёл за сарай до ветру.

ЕЛЕНА ТЕЛАПИЯ. ТАПЕРИЧА. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Два низкорослых человека переваливались и косили глазом. Одного из них звали Бенджамин, а второго Самюэль.

На столе стоял стакан, а в стакане – баклажан.

Бенджамин одернул сюртук и сказал;

– Господин Сэмюэль, меня мутит.

– Позвольте, Бенджамин

– Здрасьте, Сэмюэль

– Отнюдь, Бенджамин

– Априорно, Сэмюэль

– Надеюсь, Бенджамин

– Как вас там, Сэмюэль

– Кустанай – сказал Антон.

МСТИСЛАВ УГОРЕЛЫЙ. ГЛУПЫЙ МАЛЬЧИК. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

В одном самом обычном царстве-королевстве-государстве, в одном самом обычном городе, на одной самой обычной улице, в самом обычном доме жил самый обычный мальчик. Жил и считал себя мальчиком умным. Потому что родители говорили ему о том, какой он умный, опасаясь, что ребёнок может огорчиться и совершить нехороший поступок: ножиком себя порезать или съесть снотворных лекарств. Потому что на самом-то деле он был вовсе не умным, а идиотом, каких поискать.

Но люди врали ему беспощадно.

Мальчик пел глупые песни, рисовал глупые картины, писал глупые книжки, получал глупые знания, устраивался на глупые работы. И все вокруг убеждали его в том, что у него коридоры с палатами ума.

А за спиной крутили пальцем у виска, и подсовывали ему по праздникам лучший кусок торта, чтобы не чувствовал он себя обделенным любовью и уважением.

Так глупый мальчик дослужился до начальника. И как-то все позабыли о том, что начальник сей лишь понарошку умный, а на самом деле глупый. И стали считать его просто

умным. Словом, жизнь складывалась умно, несмотря на то, что мальчик был глуп, туп и дурак беспросветный.

Однажды случилась в государстве том революция. И все чиновники умерли насильственной смертью. И народ единогласно решил правителем поставить глупого начальника, потому как все считали его очень умным. И зажил народ долго и счастливо.

А потом все пришло в полный упадок.

Но никто ничего не заметил.

КАМЕЛИЯ ЖИМ. МИАЗМ. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Родился однажды некий человек.

По одним данным, происходил он из семьи благополучной, а по другим – из неблагополучной. Ходил в школу, где учился из рук вон плохо, получал двойки, единицы и нули, прогуливал занятия, в каждом классе оставался на второй год, и почти ничего его не интересовало. Он стрелял из рогатки по птицам-синицам, воровал на рынках фрукты и овощи у грузинских мужчин, отбирал у школьников деньги, курил тайком сигареты и пил дешёвый портвейн.

В профессионально-техническом училище он всё-таки кое-чему научился, а именно – сваривать железо и спать с женщинами. Кое-чему научился и в армии, где его били табуреткой, а потом бил табуреткой он сам.

Из армии его перевели в тюрьму за то, что он ограбил вино-водочный магазин, продал ребенку героин и убил консьержа.

Из тюрьмы мальчик бежал. Бежал до города Москвы, где познакомился с добросердечными людьми, которые дали ему пистолет и паспорт с новой фамилией. Он грабил и убивал лучше всех, и поэтому вскоре стал авторитетной и уважаемой личностью. И теперь все за него делали люди, которым он платил. А мудрые адвокаты, в случае чего, доказы-

вали, что он ни в чем не виноват. Он руководил поставками маковой соломки, открывал публичные дома и подпольные казино, устранил конкурентов, торговал оружием и почками.

Но однажды случилось неизбежное...

Стоп-стоп-стоп! Совсем заврался! Всё ведь было совсем-совсем иначе. По крайней мере, таково мнение опрошенных нами свидетелей.

Некий человек очень любил школу, учителей и родителей. Он хотел всё знать и всё уметь, чтобы родители и учителя им гордились.

Он активно занимался в литературных, исторических, биологических кружках, пел в школьном хоре, побеждал в интеллектуальных викторинах и математических олимпиадах, занимая первые места.

Он собирал металлолом и носил ветеранам молоко и хлеб. А после школы, которую окончил с золотой медалью, поступил в университет – осваивать нужную и полезную профессию врача, ибо желал доставлять людям радость и счастье.

Будучи студентом, он спасал погорельцев и митинговал против загрязнения окружающих сред.

После университета, который окончил, разумеется, с красным дипломом, объездил страны третьего мира, вылечил всех попавшихся под руку голодных африканских детей, а потом был избран депутатом в государственную думу, где составлял и продвигал законы о повышении пенсий и заработной платы сотрудникам бюджетных организаций. Ор-

ганизовывал строительство больниц и детских домов. И открыл денежный фонд для пострадавших от всего.

Но однажды случилось неизбежное...

И лишь в описании последующих событий все биографы этого человека приходят к единому мнению.

Однажды случилось неизбежное. Он умер, исторгнув из себя миазм.

СВЕТЛОЗАР КОПЫТО. АРХТКТРА. ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

В одном захолустном городишке, где не плодоносят пальмы, жил грейдерщик, который гнал самогон по собственному рецепту из яблочных огрызков с зубной пастой и работал на грейдере, перемещая грунт и сыпучие материалы четырёхметровым отвалом. И до сих пор бы профилировал и планировал площадки и откосы, не случись с ним прискорбный случай.

В начале марта водитель грейдера из дорожно-ремонтной фирмы попал под снегоуборочный комбайн, где его изрядно помяло и выплюнуло без памяти, сознания и осознания всея в удушливо-материнские объятия земли. Его нашли люди в оранжевых комбинезонах и позвонили в службу спасения.

Спустя месяц реабилитации грейдерщик по адресу, вышитому на подштанниках, вернулся к родному дому, но в сам дом входить наотрез отказался.

– Нет! – вскричал он. — Чудовище! Монстр! Трицератопс! Разве ж это дом? Это не дом, а посылочный ящик! Ноги моей здесь не будет.

Продав грейдерщик квартиру свою благополучной семье о трех детях и на вырученные деньги купил кирпичей, бетонов, цементов, шпаклевок, линолеумов, паркетов, ламината

тов, обоев, белил, красок и кирку. И стал строить новый дом согласно всем правилам архитектоники.

Строил днями и ночами. Возводил вертикальные, круглые в сечении, каменные опоры, лепил могучих атлантов и волшебной красоты кариатид, громоздя на них антаблементы с широкими, гладкими архитравами, с идеально пропорциональными триглифами и ментопами фриз.

Заслуживает внимание треугольный фронтон, завершающий портик и украшенный скульптурными композициями в виде барельефа, на которых наш герой уместил свидетельство собственных двенадцати подвигов.

Первый подвиг грейдерщика – аллегорическое изображение рюмки, выступающей над плоскостью фронтона и символизирующей открытие дурманящего пойла из яблочных огрызков и зубной пасты. А подвиг заключался в том, что во время приготовления божественного эликсира, герой был покусан за ягодицы дурной собакой, возмущённой запахом из хитроумного аппарата по производству этого самого эликсира. После непродолжительных препирательств собаку изолировали в клозете, что позволило завершить начатое.

Вторая рюмка фронтона с четко выраженной фрактурой напоминает о втором подвиге грейдерщика. А именно – закладке детской площадки, оборудованной избушкой для возлияний, близ дома номер 64 на углу улиц Трудовой и партизана Рябчевского.

Третий подвиг – ошеломительная победа в споре, кто

больше употребит сивухи из яблочных огрызков, который случился в день сдачи объекта на территории самого объекта. А именно – детской площадки. На барельефе – очередная рюмка.

Четвертый подвиг – великая битва с ментаврами, осаждавшими детскую площадку. Отважный грейдерщик храбро отбивался гаечным ключом и даже разбил о фуражку одного из монстров свою рюмку, силуэт которой теперь украшает фронтон здания.

Десятисуточные страдания в темницах, не сломившие сильного духом грейдерщика, стали пятым его подвигом, но вместо решётки или самого себя, он решил всё-таки вылепить рюмку, как символ грёз тех тревожных дней.

Во время принудительных работ по мойке ментавровских колесниц, грейдерщику удалось бежать, переодевшись в женское платье и заручившись поддержкой сочувствующих узников. Этот побег по сути и есть шестой его подвиг. Скульптурное воплощение сего – идеал, желание достичь который и стало причиной для столь дерзкого и смелого побега. А попросту говоря, рюмка.

Седьмой подвиг грейдерщика – путешествие через весь город от пещер с ментаврами до улицы Трудовая, полное смертельных опасностей и ловушек. Но храбрый грейдерщик преодолел препоны и добрался до рюмочной, где упился в хлам и был выброшен на асфальт подобно мешку с мукой, украденному несунами на комбинате хлебопродуктов.

Седьмой подвиг – седьмая рюмка.

Восьмой подвиг грейдерщика – неравный бой в подворотне с безжалостным и жестоким гопником Василиском, вооружённым металлическим рожком для обуви. Гопник Василиск тоже был завсегдатаем рюмочной, но желательным лицом там не был, потому как воровал рюмки, дабы пользоваться оными на чердаках и в подвалах. С того времени, как Дионис, хозяин рюмочной, объявил гопника Василиска персоной *non grata*, последний поклялся печенью собутыльника Аристофана отбить клиентуру питейного заведения. Вернее, отбить у клиентуры внутренние органы. О! Это был славный бой, победителем из которого, разумеется, вышел грейдерщик. А иначе не видать нам ни фронтона, ни барельефа с восьмой рюмкой.

Девятый подвиг грейдерщика – покорение седьмого этажа. Подъём осложнялся следующим обстоятельством: юный хулиган по прозвищу Локи со своими приспешниками, изгнанными из ночного клуба Вальхалла за употребление и распространение нейростимуляторов, сжёг все кнопки вызова лифтов. И сам лифт тоже вывел из строя. Грейдерщик хотел изобразить омерзительную рожу хулигана с кнопками лифта вместо глаз, чтобы возникало желание ткнуть в них пальцами, но решил не нарушать общего концепта. Поэтому здесь и далее – сплошные рюмки.

Десятый подвиг грейдерщика совершён утром в состоянии наидичайшего похмелья. С головой, болевшей от ал-

когольной интоксикации и металлического рожка для обуви, которым он пытался удалить с физиономии двухдневную щетину.

Чтобы совершить одиннадцатый подвиг, грейдерщик положил в авоську бутылку с рюмками и проследовал в клозет, где был напуган запертой в нём собакой так, что авоська неконтролируемым взмахом руки была отправлена в полёт через форточку. А ягодицы грейдерщика вновь оказались искусанными собакой, которую вновь изолировали в клозете.

Последний подвиг почтенный грейдерщик совершил, бросившись за авоськой с бутылкой и рюмками в сопло снегоуборочного комбайна.

Люди приходили, охали-ахали, приводили детей из детских садов и домов, печатали в газетах статьи с цветными фотографическими карточками, проводили государственные праздники с массовыми гуляньями и кулачными боями, оппозиционные митинги с призывами отменить одни праздники и назначить другие, а полицейские с дубинками разгоняли митингующих.

Экологи-велосипедисты рассуждали о том, как следует уничтожать химические заводы, чтобы на их месте построить собачьи приюты. По ночам у дома грейдерщика забивали стрелку торговцы с черного нефтяного рынка, строя планы по уничтожению несносных экологов.

Монументальное строение стали включать в свои про-

граммы экскурсионные бюро. Вокруг стройки разбили парк с каруселями, поставили пивнушки, модные бутики с коллекциями французских кутюрье и гипермаркет.

Дошла народная молва о чуде расчудесном до самого главного архитектора, обладателя всевозможных наград, регалий, званий, признанного гения, лауреата всех на свете архитектурных конкурсов и почетного гостя европейских столиц. Затопал ногами, замахал руками, забыл важные дела, собрал чемоданы и помчался в захудалый городок, чтобы поставить на место зарвавшегося выскочку. Больно уж задел его самолюбие тот факт, что какой-то пьяница без образований и надлежащих дипломов сумел построить нечто, чем восхищаются и гордятся.

Приехал, значит, выскочил из автомобиля и давай бегать кругом, прикладывая и расставляя где ни попадя ватерпасы, гироскопы, оптиметры, транспортиры и угломеры. Даже приволок зачем-то секстант. Измерял, изучал, записывал в тетрадку, а как все перемерил – вызвал к себе опухшего, маловменяемого грейдерщика. И сказал:

– Оп! – открыл тетрадку – Вот у вас, господин хороший, на стволе одной из колонн имеются каннелюры, а на другой каннелюр не видать? Это что ж получается?! Здесь, значит, тосканский ордер, а вот тут коринфский?

– Где? – повертел головой грейдерщик – Кто?

– Оп! – удовлетворённый ответом архитектор перевернул тетрадный лист. – А ежели сие коринфский, как вы утвер-

ждаете, ордер, то отчего же не видать пышной капители с листьями аканфа?

– Что такое? – спросил грейдерщик. – Зачем такое?

– Оп! – архитектор сложил тетрадный лист корабликом. – А может вы еще скажете, что этот ордер ионический?! Мать моя женщина! Вот что скажу вам! Даже если вы добавите по две волюты с обеих сторон, а каннелюров в стволы не добавите, то все равно получите от осла уши, а не ионический ордер! Понятно вам? Знаете, кто вы? Вы простофиля! Фу.

– Хм! – задумался грейдерщик, глянул исподлобья на сияющего блином архитектора. Да как схватит того за шиворот! Да как головой архитектурной об ствол колонный треснет! Аж известь посыпалась с потолка! Грозно затрещала колонна, зашаталась. Подкосились ноги у атлантов и кариатид, опустили они свои белые ручки, не удержали капитель и прямо на организм главного архитектора свалили, а после и сами обрушились вместе с фронтонами, барельефами, карнизами, пилястрами и прочей содомией, превращаясь в пыль, камень и песок, погребая под собой архитектора, секстанты, ватерпасы, оптиметры, транспортиры, гироскопы, угломеры и данные аэрофотосъемки.

А грейдерщик решил, что искусство проектировать и строить здания скучно, бесперспективно и небезопасно. Осознал тщетность и безысходность бытия, уехал в город Лхаса и стал бодхисатвой, где продолжительное время медитировал, жил в пещерах, дважды в день кушал тсампу, пил

зеленый чай, астрально путешествовал по мирам, после чего совокупил своего земного атмана с космическим брахманом.

И вышел за круг сансары.

ЭСМЕРАЛЬДА ШПРОТ. ДЕТСКИЙ САД. ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ

В детском саду, где я от звонка до звонка мотал первый свой срок, среди кубиков, машинок, кукол, ковриков, занавесок и монументально-декоративной живописи на стенах, во всех комнатах стояли маленькие зелененькие, оранжевенькие, желтенькие, беленькие, голубенькие стульчики.

И если добрые воспитательницы уставали от наших ёрзаний, прыжков и ужимок, то рассаживали детей по разноцветным стульчикам, приказывая держать ручки на коленках, а сами садились в центре и вели с нами умные беседы.

– Ребята, кем бы вы хотели стать, когда вырастете? – спросила раздуманная и довольная своей полнотой воспитательница – Ну вот ты, Павлик.

– Я хочу работать бандитом и убить всех людей! – выкрикнул Павлик.

И все засмеялись.

– Ой-ой-ой, Павлик! – встрепенулась воспитательница – Что это ты говоришь такое? Разве тебя папа с мамой этому учат? Нельзя людей убивать. Ты же хороший мальчик, Павлик. А ты, Мамед, кем хочешь быть, когда вырастешь?

– Я хочу работать вампиром и высосать кровь из всех людей – выкрикнул Мамед, стервозно пыжнувшись.

И все засмеялись.

– Ай-яй-яй, как не стыдно, Мамед! – замотала головой воспитательница – Опять смотришь взрослые фильмы? Это тебя папа и мама на такие фильмы водят? Придётся с ними серьезно поговорить. Стыдно, Мамед, очень стыдно. А ты, Вася, кем хочешь стать, когда вырастешь?

– Я хочу работать чокнутым профессором, построить самый большой в мире ядерный реактор и ошибиться в расчетах! – выкрикнул Вася, тревожно помрачнев.

И все засмеялись.

– Ох, да что с тобой делать-то?! Откуда ты слова такие знаешь, Вася? Даже папа и мама таких слов не слыхивали поди! Ты мальчик хоть и умный, да мал еще, чтобы такими словами разговаривать. А ты, Юра, кем хочешь стать, когда вырастешь?

– Я хочу работать каннибалом и пожрать всех людей! – выкрикнул Юра, но тут же передумал и решил стать космонавтом.

И все засмеялись.

– Юра! Сейчас же прекрати! Можно есть супчик, кашку, компот или сосиску, Ты уже взрослый, и пора бы уже папе с мамой объяснить тебе, что людей не кушают. А ты, Вова, кем хочешь стать, когда вырастешь?

– Я хочу работать Пол Потом и вершить геноцид! – выкрикнул Володя, демократично поправив свитерок.

Тут все не просто засмеялись, а собачьей стаей затавкали, силясь переорать друг друга;

– А я хочу быть львом – людоедом! А я – некрофилом!
А я – коровой-убийцей! А я – старухой с косою! А я – над-
гробием! А я – шахидом! А я – смертными грехами! А я –
энцефалитным клещом! А я – цианидом калия! А я – плу-
тонием двести тридцать девять!

– Тише, дети, тише! Да что с вами такое?! – заплакала
воспитательница.

А дети еще громче орут-кричат:

– А я хочу работать Малютой Скуратовым, чтобы лить
в людские глотки жидкий свинец! А я хочу быть Фредди
Крюгером! А я – доктором Геббельсом! А я – всадником
Апокалипсиса!! А я – синдромом приобретенного иммунно-
го дефицита! А я озоновой дырой и глобальным потеплени-
ем! А я – канцерогеном! А я – маньяком Андреем Романови-
чем Чикатило! А я – Аркадием Ивановичем Свидригайло-
вым! А я – мистером Дарком! А я – концептуальным поэтом
Алексеем Викторовичем Мурашовым! А я – Мишей Оно!
А я – страшным судом! А я – Ктулху!

Шум поднялся невероятный. Дети валяли дурака, чтобы
гоготать еще пуще.

– А я хочу работать пришельцем из космоса, инопланет-
ным чмом с зеленым башком! А я – воплями Видоплясова!
А я – Москвой! А я – Петушками! А я – монплезиром! А я –
ахтунгом! А я – медведем с преведом! А я – дриопитеком!
А я – Аль де Бараном! А я – майкрософтоффисом! А я –
кугельшрайбером! А я – Шрайбикусом! А я – профессором

де Кубиком! А я – мурзилкой! А я – незнайкой! А я – категорическим императивом Канта!

Все точно с умов посходили. И только я молчал. Воспитательница утёрла слезы и взглянула на меня с надеждой:

– Ну а ты, Лёничка, кем хочешь быть?

– А я хочу работать Шмуцем, написать Книг и убить в себе свое внутреннее Я. – ответил я, задумчиво ковырнул в носу и шаркнул ножкой.

Но никто почему-то не засмеялся.

Воспитательница посмотрела на часы и повела нас на обед.

ИНЕССА ТУМБОЧКА. БИРЮЛЬ. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

А дело было вот как. После смерти Я реинкарнировалось в бизань-мачту пиратского люггера и нежилась в потоках южных ветров. Единственным, кто омрачал мои медитативные созерцания, был полоумный тип с не менее полоумным компасом:

– Я пират! Океанский бороздун! – кричал он ромовым басом и колотил по мне ботфортом.

Через год Я вместе с парусами было снесено книппелями, прилетевшими с испанского галеона.

Прибитое к побережью, извлеченное и высушенное, Я было частично растоплено в печке хозяина гринфордской верфи. А частично порублено в бирюльки на потеху груднику. Однако наследник был глуп и не понимал правил игры. Как гадить в ползунки – он знал, а про бирюльки знать не желал. Лишь свесит с люльки лысый кочан с ушами и бубнит:

– Бирюль! Бирюль! Бирюль!

Я в виде бирюльки служило для него элементом чужеродным, неподдающимся пониманию и взаимовыгодному контакту и, следовательно, подлежащего уничтожению оральным путём. Короче, шалопай меня сожрал. Сожрал и поси-нел. Родители перепугались, а бабушка полезла в погреб, откуда вещала замогильно про скорое светопреставление.

Послали за доктором. Приехал доктор и вставил градусник. Грудник сосредоточенно градусник пожевал-пожевал и вновь столкнувшись с непознаваемым, проглотил. Тут уж сам доктор перепугался. А то и понятно; градусник-то казенный, за него доктор материально ответственен, о чем расписка в расходно-приходной тетрадке имелась.

Схватил доктор бутылку с касторовым маслом, влил в грудника, будто в колбу. Ох-хо! Как посыплются из грудника бирюльки, ложки, плошки, вилки! Даже маятник от настенных часов с кукушкой вывалился, в пропаже коего хозяин подозревал Румпельштильцхена, хотя тот, разумеется, всё отрицал.

Доктор выхватил из кучи хлама свой градусник, выпрыгнул за дверь и пропал в буряне. Мать грудника, успокоившись, отправилась на ярмарку покупать куру, а бабушка сошла с ума окончательно и до конца своих дней так и жила в погребе, покуда ее не извлекли оттуда сотрудники службы незаконной эмиграции. Только отец был, казалось, чем-то озабочен. Он влил в грудника еще одну бутылку с касторкой, но ничего не произошло.

– И где же сама кукушка? – задумался он.

– Ку-ко! – донесся из угла хриплый шепот Румпельштильцхена.

АЛЕХАНДРО ВОПРОШАЮЩИЙ. ПАЛКА. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

Когда замутнеет глаз, а глубокие морщины вспашут детскую непосредственность моего лица; когда выпадут окончательно все волосы и зубы; короче говоря, когда я составлюсь и стану похож на древесину, измочаленную личинками жуков, то первым же делом куплю себе палку! И стану этой палкой всех колотить почём зря!

Вот выйду из дома с палкой, а во дворе собачка даму выгуливает. Подкрадусь тихонечко, и как врежу палкой наотмашь даме и собачке по мордасам. Глядишь, и настроение улучшится!

Потом войду, допустим, в троллейбус, увижу юнца с наушниками на шее или девку у него на коленях и – хрясь! – обоим по пустым их головушкам за неуважение к старшим.

На рынке продовольственном узбеку по спине заеду, чтоб русский язык не забывал. Или вот еще пример. Скажет мне сынок родной:

– Папенька, ты уж трухлявый пенёк. На кой тебе одному три комнаты? Мы десять лет на пятнадцати квадратах с женой и тремя детьми ютимся, да вот четвертого поджидаем...

– Ах ты, подлец! – гаркну я вороной – Отца родного хоронить собрался?! – да и стану его палкою молотить. И кукиш под нос подсовывать. И говорить:

– Вот тебе, гад, одна комната, вот другая! Вот комната прошмандовке твоей, а вот и детёнышам по комнате!

И всегда так будет. Чуть что – сразу палкой без разговоров. А когда скажут, дескать, палка не аргумент, то отвечу, что сие есть единственный предмет, коим наградило меня государство за десятилетия тяжкого труда. Все эти годы я только и делал, что доказывал аргументировано, после чего пришел к выводу – ничто человеку доказать невозможно. Следовательно, надобно человека колотить. Ничего, конечно же, не изменится, но хотя бы получу наслаждения, удовольствия и моральные компенсации.

Когда ноженьки мои откажутся бегать и прыгать, а долгий старческий кашель станет будить среди ночи; когда ослабший позвоночник – гнуть пополам до асфальта, когда одолеют мигрени с изжогами; короче говоря, когда я состарюсь, то куплю себе коляску инвалидную. И буду этой коляской всех давить!

Поеду на бульвар подышать перед смертью, замечу бегуна в трико, разгонюсь да как заеду по коленкам всеми колесами! И полетит бегун кувырком в прудок к уткам и селезням! И станет он не бегун, а плавун! Придёт милиционер строгий, головой только покачает... Ибо что взять с меня, старика-инвалида? А если и скажет, то и ему по ботинкам форменным проеду, и палкой ткну в лоб!

Чтоб искры из глаз!

ГОРДЕЙ ЖУЧОК. ЗАБОР. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Один человек лежал в канаве под забором, свернувшись в калач, и мечтал.

Мечтал о том, что вокруг никакие не помои, лужи да грязи, а шелковые гобелены со шпалерами; что перед ним простирается во все стороны уставленный яствами стол со скатертью; что за спиной его качает головой гейша, а под окном дремлет рикша; что по углам пляшут персидские наложницы, а сам он, лёжа на подушках, пьет текилу и закусывает круассаном. Помимо музык сладостных и топота танцующих дев, откуда-то из-за холмов доносится грохот, лязг и ругань. То расторопные жрецы командуют артелью потных рабов, возводя великую и вечную пирамиду.

Он мог быть похоронен в усыпальнице пирамиды сей, если бы не лежал в данную минуту в грязной луже под забором, свернувшись в калач, и не мычал жалостливо, как поросёнок на бойне.

В это же самое время другой человек ёрзал в кожаном кресле, то и дело поправляя воротничок. Перед ним на столе лежали отчёты по кредитам и дебетам, мерцал рябой от электронных таблиц монитор, а на стене висел график. Человек думал о том, как хорошо было бы бросить все это к едрени фени, закрыться в подвале и рисовать картину. Чтобы никто

не знал, кто он, чей он, под кем и над кем он, и вообще — зачем он.

А на картинах тех распускались бы маслиновые деревья. А их ветви впивались в синь вечернего неба. А по небу развевалась гирлянда из разноцветных солнц.

Человек знал, что сие можно было легко осуществить, если бы не сидел он сейчас в душном кабинете, поправляя воротничок и лично контролируя отчеты бухгалтеров в налоговые министерства; если бы не вклады, заклады, проценты и акции; если бы не лицо его на первой странице экономических журналов и газет; если бы не ждали его денег бывшие жены да любовницы с выводком детей.

Ещё один человек сидел, возложив одну ногу на другую, на кухонном табурете и разговаривал сам с собой. Он рассуждал об истории и перспективах государства. Его волновали политические, экономические и экологические обстановки. Он спорил, доказывал, приводил факты и аргументы, искал виноватых и предлагал пути, следуя коим, можно всё изменить к лучшему и построить город-сад. Он мог бы даже стать президентом или, по крайней мере, небритым революционером со звездой на шапке, прятаться в джунглях с автоматом в руках и прибором для ингаляций во рту.

Но он был всего лишь человеком, который сидел в кухне, дымя папиросой в потолок, а с потолка жёлтой перхотью сыпалась штукатурка. А вместо рупора для глагола, коим надлежало жечь сердца и души, держал он в руках бутылку с мут-

ным самогоном и шматок сала.

А я ни о чем не мечтал. Я просто сидел на теплой крыше и смотрел на снег, падавший к моим ногам.

ПАРАМОН ЗАСТРЕЛИН. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Сидел я давеча в центре всех вселенных за кухонным столом и ничего не делал. Это, к слову, величайшее искусство есть. Многие говорят, дескать, чтобы ничего не делать больших умов не требуется. Так могут сказать лишь те господа, которые ни разу в своей жизни не бездельничали. Попробуйте-ка сесть и ничего не делать. Спорим, что не сдюжите? Ну, просидите четверть часа, просидите половину, а то и целый час – дольше не выдержите! А я выдержу. Но речь не об том.

Спешу поделиться великим открытием, сделанным мною в момент падения со стремянки с гвоздями меж зубов. Я нашел способ, коим можно регулировать продолжительность собственной жизни любому человеку. Серьёзно. То бишь, человек может запросто прожить не одну сотню лет, ежели, конечно, захочет. Каким же образом? – спросите вы. А я вас научу!

Для начала теория. Год календарный, как и аномалистический, тропический, сидерический и драконический, состоит из 365-ти суток (плюс пара-тройка часов, не суть важно). Если взять за среднюю продолжительность жизни 70 лет, то получим цифру 25550. Таково количество суток, кото-

рое проживает среднестатистический человек. Теперь, внимание, ключевой вопрос: как человек отличает один прожитый день от другого? А так: конец дня совпадает с отходом ко сну, а начало с пробуждением. Время суток значения не имеет. Ибо ночной сторож под названием Федя Синяк с птицефабрики, существует по иным биологическим часам нежели плантатор по имени Хуан Альварес в сомбреро и с мачете.

Итак, человек пробуждается с началом индивидуального дня, а отходит ко сну с его окончанием. Значит, ежели человек такой станет отходить ко сну дважды в календарные сутки, то и проживёт он в два раза дольше. То есть, вместо 70-ти лет – 140. Далее. Если человек будет ложиться в койку, а спустя час подсакивать и бродить там-сям тоже час, после чего снова ложиться в койку, то за сутки он проживет двенадцать дней. В итоге мы получаем среднюю продолжительность жизни – 840 лет! Вот так.

Впрочем, гениальное открытие можно использовать и наоборот. Изнанка, так сказать, состоит в том, что оно вполне пригодится упаднического психотипа господам, любителям пожаловаться, мол, жить им невмоготу и количество предстоящих лет угнетает. Мол, от жизней таких и осознаний хоть сию же минуту в петлю. Да только больно в петлю, ибо задыхаются.

Предлагаю поступать следующим образом. Спать раз в двое-трое суток. Средняя продолжительность в этих случаях составит 30—35 лет.

Впрочем, сии доводы смыслу не имут, ибо как ты ни пляши, а пусть хоть тысячу лет минует, а все равно положат в корыто, кое другим покрыто.

АРХИМЕД КОЗЛОВ. ПОДМЫШКА. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Человек задумался, почему температура окружающей среды меняется исключительно по ночам. Когда он спит и сопит, уткнувшись в тёплую подмышку жены.

И человек дождался первого дня осени.

И перестал спать.

И время ушло.

ТАГИР ПОТУХ. ТОПИНАМБУР. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Ёлс меня задери, ежели я солгу! Это не байка бабья байная, а самая, что ни на есть, взаправдашняя история. А было дело так. Трое пастухов, возвращаясь домой, заблудились в лесу. Поплутали по оврагам да тропинкам, покуда не вышли к одинокой корчме.

– Однако же странная корчма. – молвил первый пастух – Ибо географическое расположение оной, а именно – удалённость от какой-либо инфраструктуры, вызывает некоторые сомнения относительно ее непосредственных функций.

– Полноте, коллега – перебил его другой пастух – Ничего сверхъестественного в данном объекте не наблюдается. Корчма как корчма.

– Корчме надлежит располагаться у проезжей части, ибо того требуют экономические факторы, такие как спрос и предложение. А какой может быть спрос, когда ни одного мало-мальски населенного пункта на пять квадратных километров, ни одного шоссейного тракта, ни одного, простите, спрашивающего? Подозрительно...

– Как можно строить подобные гипотезы, не исследовав сам объект? – завершил спор третий пастух.

Друзья отворили неприветливо скрипящие двери и вошли в корчму.

Внутри почти никого не было. В маленькой комнатке, освещенной тусклой свечкой, находились два деревянных стола и несколько грубо сколоченных скамеек, в дальней стене было вырезано окно, а в окно глядел хмурый корчмарь.

– Запутала нас лешачиха, брат! – сказали пастухи корчмарю. Тот покачал головой, но ничего не ответил.

– Послушайте, любезный, – начал первый пастух. – Отчего ваше питейное заведение находится в столь безлюдной местности? Насколько негативно сей факт сказывается на прибыли? И как далеко отсюда ближайшая деревня?

Корчмарь скривился неприязненно, поднял желтый от воска палец к потолку и сказал:

– Како погане суще языци кланялися идолом!

– Простите, не понял...

– Оставьте его, – прошептал на ухо скептически настроенному пастуху оптимистически настроенный коллега – Разве не видите, что он недоумок? – он обернулся к корчмарю. – Нам бы выпить, брат, да заночевать где. Мы – народ неприхотливый. Можем и в амбаре, и в хлеву.

– В хлеву нельзя, – помотал чубом корчмарь. – Там Коровья Смерть с весны сидит и всех поедом ест. А в амбаре можно...

Первый пастух попытался выдать научно-логическое опровержение, но второй пастух снова его одёрнул, объясняя поведение корчмаря скудоумием и последствиями психических болезней. Друзья расселись за столом и принялись

обсуждать рудиментарность космогонической и антропологической мифологии.

Когда за окном стемнело, в дверь корчмы кто-то постучал. Пастухи вздрогнули. Очень уж неуместен был сей стук в замогильной тишине. В корчму ввалился низенький мохнатый мужичок.

– Ух-ух-ух! Снес яйцо черный петух! – мохнатый подмигнул с порога корчмарю и пристроился к пастухам. – А вы что за птицы? Рассказываете небылицы, о том, как дитя щиплют ночницы? Дитя кричит, а матери плачет? – пастухи переглянулись, а мохнатый высыпал на стол пригоршню золотых монет. – Две тысячи веников, пятьсот голиков, по три денежки сотня – много ли рублив?

– Позвольте! – подал голос первый пастух – Обладание чеканью никак не вяжется с вашим внешним видом! Вы поиди вор и душегуб?

– Отнюдь! – отвечал ему мохнатый. – Плакун-трава не булава, головушку не пришибёт, а деньжата принесёт. Клад богат я отыскал, что у чуждей лихих в ямах лежат. А нонче мне пора спат.

Произнеся всё это, таинственный гость встал из-за стола и вышел вон. Тут же поднялся страшный свист-посвист, будто сам Ног с гнезда своего, что на двенадцати дубах, слетел, да по двору ходит. Корчмарь подскочил к пастухам, кафтан на себе рвет;

– Экая лихоманка! – кричит. – Ей-же-ей! Неспроста ветер

свищет, ох, и неспроста-та! Та не просто оборвыш забредал, а самый настоящий двоедушник-босоркун-витряник! Ну, теперь жди лиха!

– Не бойтесь, уважаемый! Это всего лишь природная стихия, о которой давеча предупреждали метеорологи. – попытался успокоить корчмаря первый пастух. Второй пастух заливчато гикнул, выскочил во двор и тут же был унесён черными ураганьими кругаями в поднебесье, где волколаки драли на части луну. Третий же пастух молча достал из-за пояса дубину и вместе с корчмарем проследовал в амбар, где на соломе спал мохнатый, лохматый мужичок. Подкралась они к мужичку, разбили дубиной ему головушку и сунули в рот алтын. Ветер и стих.

Вернулись пастух с корчмарём в избу, а вместо первого пастуха сидит жирная свинья и жует топинамбур.

– Быть козе на бузе, а бычку на веревке! – изрек корчмарь и заколол свинью.

Ух, и мяса нажарили! Ах, и сала накопили! Закатали пир на всю округу, только не пришёл никто.

БЛАНШ ЗАУСЕНЕЦ. ТОПИНАМБУР (АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ВЕРСИЯ). ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Жил да был корчмарь в корчме. И не было у корчмаря ни трех сыновей, ни жены с колотушкой. Корчма его стояла на самых отшибленных отшибах, однако же во времена сухого закона обрела популярность – корчмарь слыл во всей губернии зlostнейшим самогонщиком.

В один особо ненастный и скудный на алкашей день зашли в корчму Семеро-со-двора в полной своей комплектации. Зашли, значит, и уселись на грубо сколоченные скамьи вокруг деревянного стола. Уселись, значит, и давай разговоры разговаривать.

– Как-то раз смастерил мужик гундель и пошёл эту гундель продавать – рассказывало первое из существ, имевшее вид до того благостный, что любой, кто встречал его, никогда в жизни больше не печалился. – Но по дороге гундель сломалась. Заплакал мужик, да и помер с горя. Теперь, говорят, бродит степями раздольными и гудит так протяжно – «Гу-гу-гу»!

– Ну, и брехотун ты, брат! – заревел медведь – Сам гундишь, что та гундель! Лучше послушай, какую историю слыхивал я! Повадился индрик-зверь в одно село харч воровать.

Собрались мужики и стали думать-решать, как им индрика-зверя изловить да искромсать в салат. Но пока думали, пришел в их деревню палеонтологический отряд и зверя зафиксировал в бюллетень. Загрустили мужики, ибо не на кого им стало охотиться. А индрик-зверь попал в книгу исчезнувших животных.

– Ой, а вы знаете?! – запрыгала на лавке хвостатая барышня. – Что будет, ежели смешать персидский джин с тоником Хука, залить бурду эту отваром Крафта и посыпать нитфоспидовым порошком, то можно получить превосходный кармагеддонов коктейль.

– Ав! Ав! – гавкнул из-под лавки плешивый волчок. – Уж какие нонче времена мракобесные пришли. Пришли, а уходить не собираются. Здухачи, когда бороться вздумают, не деревья рвут с корнями, а цельные дома людские вместе с людьми в друг дружку швыряют!

– А от чего всё зачиналось? – заугрюмила без того мрачная и пузатая туча. – На берегу морском птиц с дюжиной лиц съел черный яец. Из яйца полез василиц и давай кусать за пятки девиц! О, как!

– Ну и что! Хо-хо-хо! – засмеялось полотенце, за счёт которого все пили и гуляли – Раньше скукотень, а таперича веселень. Закатали однажды пирушку в одной избушке, все пьяные колесом ходят, падают и лбы расшибают. А когда пить стало нечего, по домам пошли. Идут, значит, слышат в темноте – тресь-тересь! Трещит кто-то чем-то. А то шали-

куны с веретёнцами да прялками крадутся. Заманили мужиков в прорубь, да и со смеху покатались! Веселень!

– Т-с-с-с! – прошептало последнее непонятно что о семи языках. – А вам не кажется, что мы здесь не одни?

Мы тут же всполошились, под стол заглядываем, молнии мечем и дождём брызжем. А семиглавое им кричит:

– Смотрите-смотрите! – и перстом в угол тычет, где жирный свинтус с топинамбуром в пасти.

– Ах, ты! Прорва! – заругался корчмарь, который тоже приметил свинтуса. – Быть козе на бузе, а бычку на веревке!

И заколол свинью.

Ух, а мяса-то нажарили! Ах, и сала-то накопили! Зака-тили пир на всю округу, только не пришел никто.

ТУССАН ОБУХ. ТРАКТАТ О ТРИЛОБИТАХ, ХРОМОМ КУЗНЕЦЕ И ЖЕНСКОЙ ЛОГИКЕ. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Раньше бывало, читая труды ученых мужей о том, как взрывались звезды, цвели папоротники и выползал трилобит, я падал со стульев и, держась за живот, хохотал до колик. Теперь же, когда умниками от лженауки учреждаются всякие общества по исследованию абиогенезов и биогенезов сущего, мне хочется бежать слом головы, закрывши глаза и уши, невесть куда, лишь бы подальше от этих невежд, раздающих друг дружке звания и степени глупости. Ведь самый распоследний шумер, крошащий камень для зиккуратов, хорошо понимал, что никакой трилобит из океана не выползал. Вернее, выползал, только не из океана. И не трилобит, а космос, рожденный гладью безвременья и пустоты, который позже дихотомировал на известные нам противоположности. Имени у космоса не было; все дошедшие до нас имена и определения присваивались ему сгенерированными им же элементами в соответствии с фонетико-артикуляционными особенностями. Но об этом я расскажу как-нибудь в следующий раз, а пока послушайте историю о том, отчего весна случается весной, а осень осенью.

– Ну-у-у! – замашете вы руками в возмущениях – Эту историю мы знаем! Колдунья в отместку за кражу дочери превратила землю в пустынь. И тогда разбойник, укравший барышню, предложил график.

График... Так считают многие, но меня стали терзать смутные сомнения! Отчего юная барышня так легко возвращается к мужу-разбойнику, коего, как видно, не очень-то и любит? А если любит, то мать её не желает разделять счастье дочери и по девять месяцев кряду держит взаперти? Сомнения мои разрешил хромой кузнец, которому колдунья приходилась двоюродной бабушкой. И рассказал он мне вот что.

Так уж вышло, не нам об том судить, но колдунья полюбила родного брата своего. Случилась оказия на свадьбе одного генерала, известного своей кровожадностью, куда был приглашён отец кузнеца, он же – деверь колдуны, со всем обширным семейством. Прознав о случае инцеста, отец кузнеца самым коварным образом наказал жену своего брата, отправив её возлюбленного на тот свет. И сей факт всё объясняет! Колдунья, убитая горем, ниспослала на землю засуху и голод.

Подземный князь, в чьих владениях оказался возлюбленный колдуны, перепугался, когда узнал об этом, потому как ежели от голода перемрут все, то и княжество придет в упадок! Поэтому и стал отправлять ежегодно своего клиента в девятимесячный отпуск. Князь был бы рад вообще изба-

виться от опасного субъекта, да статус покойника вынуждает последнего периодически отмечаться в списках умерших, и хотя бы делать при этом мученический вид.

Вот почему весна наступает, когда к колдунье возвращается её мертвый избранник, а под конец осени уходит. От сей кровосмесительной связи, кстати, родился у колдуньи сынок, который придумал деньги! Да-да! Те самые деньги, в кошельках звенящие.

Однако же, к старости, если верить афинскому комедиографу, сынок ослеп и стал раздавать сии деньги кому ни попадя. Оттого и случается так, что хороший человек без гроша сидит, а злыдень барышами звенит. А как иначе? Пробовал было раздать кому попадя, так мир совсем перевернулся и возопили обнищавшие боги.

Колдунья, конечно, была женщиной доброй и бескорыстной, что свойственно людям с горемычной судьбой. Но до поры и до времени. Глуповатый дровосек пошел рубить деревья в её саду. В ответ на просьбы не портить массив заругался матерно и даже топором замахнулся;

– Поди прочь, – закричал. – Курва!

И тогда колдунья прокляла дровосека, вселив в его тушку вечное чувство голода. Грубиян настрадался так, что даже рассказывать стыдно. Сперва, вернувшись домой, опустошил холодильник и кухонный буфет, потом проел все сбережения, мебель и квартиру. Кончил жизнь на помойке, где питался грязью, а потом и самого себя съел.

Мораль такава – не гневите женщин!

АЛАН ЗАБИТ. О МУХАХ, СТИМУЛЯТОРАХ И КАФЕЛЬНОЙ ПЛИТКЕ. ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Родился однажды человек и пошел по миру. Шел-шел, пока не понял, что срамотно вот так по миру ходить, без колов да дворов быть, шаляй-валяем слыть, et caetera. Вкопал он в землю кол и построил дом. Сел, значит, в дом и сидит. Сидит и думает, что негоже дому пустому стоять. Распихал он мебель по углам и феншуям, да и сел опять. Чувствует, не хватает чего-то. Все, вроде бы, на местах – и потолок натянут, и окно в пластике, и ванная комната в кафеле, и посуда в фарфоре, и унитаз блестит. Но что-то не так!

Лёг человек на диван, плюнул в потолок – весело! Плюнул еще раз – наскучило. Поставил на плиту кастрюль, сварил супчик, скушал супчик – хорошо! Снова поставил кастрюль, сварил супчик, стал кушать супчик – не лезет! Вот тогда и влезла в голову мысль – а что если пригласить в гости барышню или юношу?! Сказано-сделано. Написал человек объявление и отослал в газетку, дескать, ищу людей для формирования собственной полноценности.

Первой в его дом пришла барышня.

– Ах! – воскликнула барышня, открыв дверцу холодильь-

ника, и прикрыла глаза ладошкой.

– Ах! – воскликнула барышня, включив телевизор, и подпрыгнула.

– Ах! – воскликнула барышня, нажав кнопку на стиральной машинке, и обвела весь кафель со стен. Обиделся человек за съеденный без спросу кафель и прогнал барышню.

Вторая барышня не обратила внимания ни на холодильник, ни на телевизор. Даже порывалась их в окошки повывбрасывать. Когда же человек пытался сим хулиганствам воспрепятствовать – превратилась в муху, и давай ему надоедать – то на нос сядет, то в ухо залезет. И лапки потирает алчно. И жужжит-жужжит-жужжит. Схватил человек газетку с объявлением своим, да и прихлопнул насекомую тварь.

Третьим гостем оказался юноша. Глянул хмуро и говорит:
– Денег дай!

Человек денег дал – юноша деньги взял и ушёл, но вскоре вернулся с наркотиком. Выпил наркотик и растаял снегом по весне.

Затопал ногами человек, стал было волос рвать, да вовремя спохватился, повесил на двери табличку «Умер. Не беспокоить!» и заперся на десять замков. И зажилося ему счастливо и солнечно, радостно и беззаботно. Никто больше не грыз кафель, никто не просил денег, никто не разносил заразы. Так и дожил человек до старостей, и ушёл в мир иной, смеясь-хохоча.

А табличка до сих пор на двери висит.

ПОЛЕТТА ЛУКУМ. РОМА AETERNA. ДЕНЬ СОРОКОВОЙ

Жил на свете благочестивый господин, известный своими мудростями и добродетелями. Однако же был скромен, проводя тихие вечера в маленьком садике под звёздным небом, писал стихи, дружил с нимфами и музами, разговаривал с ночным бризом и слушал пение невидимого птица.

Идиллия длилась недолго. В стране, где он жил, пропал при странных обстоятельствах царь-государь. Случай сей вызвал смущения и кривотолки, учёные мужи всевозможных сословий влезали по очереди на трон, но от этого становилось только хуже, ведь каждый желал видеть на троне себя. И лезли они, лезли, что твои обезьяны на банановую пальму, пока не осознали нужду в настоящем царе, личность которого будет устраивать всех без исключений. Тут-то и вспомнили они про благочестивого господина, пришли к нему и стали слёзно просить стать их владыкой.

– Нет-нет – отвечивал им господин – Ни за какие коврижки! Завтра расцветёт оливковое дерево в южной части сада, и пропустить явление сие преступно!

Ещё горше зарыдали чиновники с министрами. Некоторые даже пытались лишить себя жизненно важных органов.

Сжалился над дурнями благочестивый господин и взошёл на царский трон.

И настали в стране счастливые времена. Правил господин мудро и справедливо, даже охранников распустил, дескать, негоже правителю бояться собственного народа. Ни с кем не бранился, не затевал войн, раздавал землю неимущим и строил храмы. Дожил он до глубокой старости. Но и смерть, впечатлившись харизматичностью господина, несколько лет просидела у изголовья одра его, внимая разумным речам, потом бережно взяла уставшего царя на руки и унесла в заоблачные края.

И хотя ни до, ни после его жизни не было на земле столь благодатных дней, люди и теперь пользуются дарами благочестивого господина миру. Ведь именно благодаря его стараниям двуликое божество дверей первым январским утром входит в дома и отпирает ворота в новое время.

Вот и вся история, братцы. А рассказал её к тому, что нет во мне той сострадательности, коей обладал великий человек, гений из гениев – Нума Помпилий, второй царь Вечного Рима.

ДЖОЗЕФ ПЕТЕЛЬКИН. ЗАПИСКИ ТРАПШЕРА: ТЮТЬКА. ДЕНЬ СОРОК ПЕРВЫЙ

Не ударишь в дудку, не налетит и перепел! – говаривал великий французский писатель Иван Сергеевич Тургенев, слезая с печи, обмотав ногу в онучи и – на орловском сафари скача с утра до ночи.

Вот и я решил однажды на сафари сходить. А как не сходить, коли повадились ко мне в дом пигмеи-скотоводы с жалобами, мол, живоглот ваш Тютька поел весь скот в округе. Жил тогда я в трущобах под Киншасой недалеко от велозавода, где помимо пакостных велосипедов производили вполне огнестрельную пицаль для нужд партизан, джунглевых братьев.

Взял с собой рогатину, ятаган и слоновье ружьё. И Тютьку, конечно, взял. Куда ж без него-то? Тютька – это чупакабрас. Молод ещё, правда, глуповат, но свои обязанности выполняет очень хорошо, со всей звериной преданностью и ответственностью.

Идём, значит, по джунглю осеннему; я головой по сторонам верчу, дичь пушную высматриваю, а Тютька рядом бежит-кричит-прыгает. Тоже радуется животина.

Чу! Слышим, как кто-то из чащи взревел страшно. Что

твой слон из репродуктора! Я сразу за ружьё схватился и присел тихонечко, а Тютка мой скомкался весь целиком, лапами по земле гребёт, ворчит-урчит и глаза пучит. Вспомнилось мне, как пигмеи-пастухи на лугу байки сказывали про то, что на дальних болотах обитает некое чудище мокеле-мбембе, и что имеет чудище шею, аки зверь жираф, и хвост, аки зверь крокодил, а само похоже на зверя гиппопотама. Посмеялись мы с Тюткой тогда, но в кустах не до смеху нам стало. А чудовище опять взревело. Еще ближе. Ну, думаю, либо мне котлет, либо из меня омлет.

Вдруг деревья раздвинулись, будто театральные ширмы, и на полянку, переваливаясь сбоку набок, выползло страшнелище огромное, аж свет тушей своей заслонило. Стою манекеном, язык во рту тёркой, глаза стеклом и не мигают. А Тютка-то мой как завизжит пронзительно;

– И-и-и-и-и! – и наутёк через заросли.

– Ы-ы-ы-ы-ы! – заревело мокеле-мбембе и бросилось бежать, только в другую сторону. И затряслось всё от топота мокеле-мбембевого так, что я, не удержавшись на ногах, повалился наземь и ударился головой о баобаб.

Не могу сказать точно, сколько лежал я без сознаний, но помню, как проснулся от того, что кто-то мне в физиономию дышит зловонно. Открыл глаза, смотрю – а это Тютка мой перепуганный мордой тычет, проверяет; не помер ли, часом? Потрепал я по хребту чупакабраса своего непутёвого и сказал;

– Эх, ты... Тютька... Дурило несмышлённое...

Через неделю прочитал в газетах о том, что криптозоологи после многолетних поисков наконец-то обнаружили труп доисторического ящера. Теперь перед учеными встал другой вопрос – как ящер обходился без кровеносной системы, как осуществлялся обмен кислорода и дыхание клеток? А ежели кровеносная система имела место, то куда подевались жидкие ткани организма? Сию статью прочитал я Тютьке вслух, а потом пристально посмотрел на бесстыдника.

Тютька почесал лапой за ухом, выпятил нижнюю губу и вальяжно проследовал во двор.

БАТИСТ РОГ. ФУ-ФУ! ДЕНЬ СОРОК ВТОРОЙ

Один мой знакомый друг был до крайности гадливым и брезгливым господином. Ничто ему не нравилось, ничто не восхищало и не доставляло радости, ничто не могло вызывать в моем знакомом никаких эмоций, кроме:

– Фу! – или – Фю-ю!!

Откроет книжку или газетку:

– Фу!

Включит радио:

– Фу!

Любое событие, любое произведение искусства, любая мысль человечья для него – фу! Надо бы уточнить, что причины своих отвращений не объяснял. Да и сам вряд ли знал, в чём они заключаются, просто «Фю-ю-ю!». Фю – это факт и аргумент. Фю – это утверждение, не требующее доказательств. Фю – это дао. Фю – это эго.

Однажды августовским вечерком вышел чрезмерно при-
вередливый господин из подъезда, глянул направо – фу! Глянул налево – фу! Глянул прямо и поперхнулся. Поперхнулся, задохнулся и покинул телесный болван, а мясорубка сансары своими винтовыми ножами с треском провернула его душу, разрывая эмоциональные связки, и выплюнула обратно в мир, но уже в несколько ином обличье. Родился господин

посреди унылой тундры на севере Канады, в теле маленького ягнотелёнка, который во младенческом возрасте был изъят из привычной среды обитания, отправлен в Россию и посажен в клетку.

– Фу! – возмущались охотники, морщась от запаха его феромонов.

– Фю-фю! – жаловались канадские пограничники и прикрывали носовыми платочками лица.

– Фу! Фу! Фу! – ворчали старатели с реки Юкон, когда мимо провозили фургон с ягнотелёнком. – Итс вери дирти энімал!

– Пфуй! – вполголоса произнес некий господин в цилиндре, чем выдал свою принадлежность к немецким секретным службам. Его тут же взяли под ручки жандармы, составили протокол и заточили в каземат.

В те времена, если помните, на заводе Canadian Car & Foundry Co в городе Монреале штамповали четырехосные цистерны с винтовым типом сцепления для российских железных дорог. Вот с этими вагонами в качестве экспортного бонуса ягнотеленок и попал в наши края. Из ягнотеленка вырос ягнотелок, из ягнотелка – овцебык. Но чем большие размеры он приобретал, тем отвратительней становился запах, который источала его тушка.

Посетители зоосада, куда была продана новая реинкарнация моего знакомого, никак не могли привыкнуть к дурному запаху, писали жалобные письма в администрацию с прось-

бой отправить смердящую скотину на вынужденный убой. Администрация не соглашалась, мотивируя сие тем, что животное экзотическое и за него серьёзные деньги уплачены.

– Ну и вонища! – вопили мамы, зажимая носы себе и деткам, и спешили пройти мимо животины, окутанной облаками гноса,. – Дрянь какая! Пойдем-ка лучше на обезьяну посмотрим!

И уходили. И оставался овцебык наедине с тучей паразитирующих насекомых, жуя силос и смердя. И так грустно было слышать ему оскорбительные речи, особенно про обезьяну, что рассказывать дальше как-то неловко.

Если будете в Москве, обязательно посетите тамошний зоопарк. От центрального входа поверните налево, следуйте вдоль берега птичьего пруда и заходите в узкий коридорчик. Вам даже принюхиваться особо не придётся, чтобы определить, где обитает наш знакомый. Потупив унылую морду, окаймленную дугообразными рогами, он будет стоять посреди вольеры, жевать и вонять. Вы можете окликнуть его по имени;

– Саша! Саша!

Только не любит он фамильярностей, поэтому лучше попробовать так:

– Александр Игоревич!

И на это он вряд ли отреагирует. Будет всё так же стоять, жевать и вонять. А знаете почему? Потому что ему стыдно!

ЕВСЕНИЙ АРГЕНТУМ. О МОЛОТКАХ, ПОДВОДНЫХ ЛОДКАХ И РАЗУМНЫХ СПЕРМАТОЗОИДАХ. ДЕНЬ СОРОК ТРЕТИЙ

Бывают дни, когда хочется сказать кое-что очень важное, однако дико трудно найти подходящий сюжет. В один из таких дней на столе моем невесть откуда взялся молоток. Самый обыкновенный молоток с рукоятью и долбилкой. Может быть о нем написать? – подумалось мне.

Да что тут можно написать? Камень породил рубило. Рубило породило молоток. Молоток породил топор. Топор породил ледоруб. Ледоруб убил народного комиссара и старого подпольщика. Об этом раньше знал каждый советский школьник, а нынче всем плевать.

Меня удивляют причинно-следственные связи сих метаморфоз. Например, человек захотел есть, а есть было нечего. Человек сел верхом на бревно и поплыл на соседний остров, дабы слопать менее изобретательного аборигена. Бревно породило однодревку. Однодревка породила каравеллу. Каравелла породила подводную лодку U-96, топившую грузовые суда в Атлантическом океане.

Или вот еще. Оксид породил стекло. Стекло породило линзу. Линза породила телескоп. Телескоп породил оптический прицел. В оптический прицел попал президент и был застрелен. Делайте выводы сами, потому как я уже понял, об чем хочу рассказать.

Случалось ли вам бывать в Голландии, друзья? Нет-нет, не на пропахших марихуановым амбре улочках с пропащими люмпенами, а именно в Голландии XVII века, в эпоху расцвета торговли и колониальных войн. Между прочим, не все господа были заняты резнёй папуасов! Герой рассказа о завоеваниях и не помышлял. День-деньской торчал он в мастерской и выдувал стеклянные шарики. Затем шарики эти резал и получал линзы. Когда же запас шариков кончался, наступали самые тягостные минуты бестолковой маеты.

Порезав последний шарик на линзы, господин опускался на табурет, упирался подбородком в край стола, вздыхал обречённо, и дремал в ожидании ужина. Именно в такой момент ему на нос однажды присел толстый мух.

– Кыш – лениво промямлил господин, не шелохнувшись.

Мух потоптался-потоптался и столь же лениво сполз с носа на столик, где лежала свежая порция линз. Походив взад-вперёд меж вогнутых и выпуклых стеклышек и не найдя в них ничего аппетитного, насекомое снова обратило внимание на вспотевший нос. И тут примитивную нервную систему муха поразило такое помрачение, что членики и крылышки моментально парализовало, а вычленные глаза округ-

лились еще больше. Мух никак не мог поверить в то, что исполин, секунду назад возвышавшийся над ним гималаем, внезапно превратился в тлю размером с мандибулу. Сам же господин испугался не меньше! Потому как в линзе увидел монстра, пред которым трепетали бы даже спруты из сказок пьяных моряков из портовых кабаков. Словом, страшного, как смертный грех.

Господин откинулся на спинку стула, замахал руками, и, потеряв равновесие, с криком «Отец мой мужчина!» повалился на пол ногами вверх. Однако устройство человеческого головного мозга гораздо совершеннее надглоточного нервного узла насекомого, поэтому господин быстро оправился от шока, поднялся и принялся внимательно изучать стёклышки; осмотрел сквозь них застывшего от ужаса муха со всех сторон, потом достал тетрадку и записал следующее:

Око гнусов на человеچه никак не похоже,
Ибо структурно отличаемо по рожам.

Записал и точку поставил. Поставил и заважничал. Ходит по мастерской вразвалочку, чванится, что твой холоп на воеводском стуле. Затем схватил со стола линзы и давай подкладывать их куда ни попадя. И туда, и сюда. А всё, что увидит, записывает:

Покров человеческий не гладок
Из доспех сложен аки у болотных гадов.

И ещё:

Мясо человеческое поперек растёт,
а по жидкостям организменным красная дерть течёт.

И ещё:

Твари разумные населяют человеческое семя,
Из коих произрастает человеческое племя.

Много чего ещё позаписывал в тетрадку господин, пока не прожил отмеренные кармой девяносто лет и не помер, войдя в историю основоположником научной микроскопии. Да, друзья, вы можете сколь угодно сидеть по кафедрам университетским, внимая речам мудрых профессоров и академиков, переливать порожнее из колбочки в пробирку, из пробирки в мензурку, из мензурки в тигель, но знайте, что величайшие открытия в истории всегда доставались, достаются и будут доставаться нам, профессиональным дилетантам.

ОЙКУМЕН РЁВ. ДУК-ДУК. ДЕНЬ СОРОК ЧЕТВЁРТЫЙ

Не люблю лгунов и свистунов! Так и хочется навешать им тумачков! Аж руки чешутся! «Землю ордена пожже и повоева, и полона много взя, а иных иссече». Однако не позволяют мои воспитания и образования, полученные стараниями профессора теософии и классической филологии при Базельском университете. Бывало, пригласит на трибуну, чтобы расписали ему о похождениях короля-авантюриста с Итаки, а я как раз служил шкипером на торговых рейсах за иберийской овчинкой... Не важно.

Так вот, не люблю, друзья мои, свистунов и лгунов. И врунов, кстати, тоже. Но, учитывая то, что лупить по их физиономиям, «возложить печати на лице острым своим мечом», мне не позволяет Зороастр, страсти обязывают искать альтернативные способы.

Кажется, это случилось зимой, на одной из станций Смоленской губернии, где обычно меняют лошадей, следуя из европ в москвии и петроградчины.

В тесной комнатухе, где горела лампадка, а за окном буря кроила мглою небо, сквозь треск поленьев услышал я скрипы колёсные да ржания лошадиные.

– Запряги-ка, братец, тройку лошадёнок. – скомандовал кто-то.

– Никак нет-с, вашсссво...

– А по морде?! Ты хоть знаешь, дурень старый, кого везу?!

– Помилуйте, вашсссво...

Послышались глухие удары головы о плетень. Я напялил кафтан, затушил плевком лампадку и вышел в трапезную. В углу, ползая крабом, растирал ушибленный лоб смотритель. На расспросы о причинах мордобоя отвечал рыданиями и всхлипами.

– Фершел заморский... Из нивирситетов тамошних... Персона такая, что фа! Лошадей ему вынь да положь... Где ж я ему возьму, если последних...

Смотритель не закончил. В сенях вновь заголосили, затем дверь отворилась и в столовую шагнул такой занимательный господин, каких прежде мне видеть не доводилось: мужчина средних лет с умным лицом, одетый скромно, но аккуратно, чем напоминал преуспевающих ремесленников из английских каменотесных цехов.

Единственными аксессуарами, которые косвенно указывали на благородное происхождение гостя, были бриллианты на циферблате часов и золотые пряжки на скромных туфлях.

Господин с несвойственной для людей его ранга неприхотливостью и непредвзятостью осмотрел комнату, поклонился присутствующим и занял свободный стул. Присел, значит, и заговорил. Даже не заговорил, а понёс такую околесицу, что хоть святых выноси! Дескать, ему пятьсот лет в обед, а тайн в природе для него нет.

Смотритель насмешливо крякнул и удалился в кухню греть самовар и печь плюшки.

– Когда я... – продолжал гость. – по приглашению самого императора Сигизмунда приехал в Констанцу для участия в XVI-ом Вселенском Соборе...

– И как вы, уважаемый граф, – перебил я его в неистовом возмущении, – отнеслись к чудовищному и несправедливому судилищу над чешскими богословами? Уж не вы ли с епископами честили их к содомитам, каинам да иудам, туркам да татаринам? И колпак с надписью «Се ересиарх» поди собственноручно им надевали? И пеплом над Рейном сыпали? То-то лицо мне ваше знакомо!

– Напротив! – возразил граф – Я, будучи в родстве с императором, пытался воспрепятствовать насилию. И мой родственник был не единственным заинтересованным лицом в этой истории. Во всем виноваты распущенные и жадные епископы!

– А мне император говорил совсем другое.

– И что же?

– А вот что! «Если же, кто-либо будет продолжать упорствовать в ереси, то я лично подожду и сожгу его»

– Враки!

– Задokumentировано и заархивировано в следственных протоколах!

– Ай-яй-яй! – воскликнул граф – А я так ему доверял...

– Вот скажите! – не унимался я – То ворона по небу лете-

ла, а собака на хвосте сидела? Или ворона на хвосте сидела собаки той, что по небу летела?

Тут уж граф, конечно, не выдержал. Как вскочит, да как закричит:

– Мерде! – и поскакал по тракту да вприпрыжку без лошадей.

А у папуасов-людоедов существует тайный союз Дук-Дук, тамошний орган власти. Работа с населением проходит следующим образом: члены союза переодеваются в ряженных, выскакивают из леса и нападают на свою же деревню, грабят и запугивая обывателей, в союзе не состоящих. При этом, обывателю предписывается думать, что перед ним души умерших. В противном же случае неизбежно последует конфискация имущества.

Вам это ничего не напоминает?

КАЛИСТРАТ МАЗОК. ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА. ДЕНЬ СОРОК ПЯТЫЙ

Бригадиру Арсению Семёновичу сообщили во сне о том, что через два месяца он умрёт.

Расстроенный мужчина ушёл в запой и через два месяца скончался от алкогольной интоксикации.

Его сын Семён Арсеньевич среди ночи вышел по нужде из комнаты. По пути в кухню он бросил взгляд на зеркало и увидел в отражении вместо себя окно.

За окном была ночь. И чей-то взгляд из потусторонней темноты с любопытством изучал убранство комнаты, в которой мы когда-то жили.

СОФРОН ЖАЛЬ. ОБ ВРЕМ И ПРОСТРАН. ДЕНЬ СОРОК ШЕСТОЙ

Один философически настроенный кочегар устал.

Он опустился на табурет перед трюмо, выпил водки и общился сидящему слева кочегару,

– Сегодня мне дали денег.

Потом подумал, выпил и, обращаясь к кочегару, сидящему справа, добавил;

– А вчера мне денег не дали!

Потом ещё подумал, еще выпил и еще добавил, обращаясь к кочегару, что сидел между правым и левым:

– И завтра мне тоже денег не дадут!

Потом ещё подумал и, добавив водки, сказал всем самим себе сразу:

– Отсюда мораль: жить нужно сегодняшним днем! – после чего допил водку и уронил лицо в холодец.

И пространство свернулось в калач.

И время ушло.

P.S. В раннем варианте время не ушло, а вернулось в рассказ Архимеда Козлова про подмышку жены.

ОГЛОЕД СВИСТУН. ПРЕДИСЛОВИЕ К УЧЕБНИКУ «ОСНОВЫ БЫТОВОГО И ВСЕЛЕНСКОГО ШМУЦ». ДЕНЬ СОРОК СЕДЬМОЙ

Жил был мальчик. Жила была девочка. Вырос мальчик. Выросла девочка. Мальчик женился на девочке. Девочка вышла замуж за мальчика. И во второй ламат виналя кумху родился у них грудник, совершенно непохожий на родителей; ни мальчиком, ни девочкой он не был, а был румяным профессором с очками и пегим ежиком и зализом на лбу.

Всем известно, что слишком румяных людей, да еще и в очках, не шибко любят бюргеры, мещане и прочий шмуд. И дразнят «ботанами». Истинный смысл слова «ботан» блуждал за границами профессорского кругозора, однако по глумливым физиономиям, плюющим сим словом, он догадывался, что слово крайне оскорбительно и унизительно.

Когда же он прознал о частичной синонимичности загадочного «ботана» и банального «гелертера», страшно разгневался. И даже застрелил пианиста в местном салуне за исполнение пьесы «Кипарисы виллы д'Эсте» фламандского ху-

дожника Ференца Листа. Гаденько подкрался к роялю и, бесцеремонно опрокинув крышку, сыграл «Ни звёзды, ни цветочки», первую часть шестой песни из цикла «Прекрасная мельничиха» величайшего итальянского скульптора Франца Шуберта.

Но опустим незаслуживающие внимания детали и перейдем к деталям, особого внимания заслуживающим.

Профессор открыл суть себя, и суть профессору не понравилась. а, быть может, сути не понравился профессор? Кстати, никогда не задумывались, нравитесь ли вы своему отражению?

Итак, профессор согласился с отражением, что негоже жить ни во что, негоже слыть ремесленником от ..., негоже дробиться песком в исторический прах, а избежать подобных эрозий можно лишь став глыбой, незыблемой, аки пирамидальный сфинкс. А глыбой можно стать лишь одним способом – наследить в истории. А наследить в истории, будучи профессором, можно лишь одним способом – основать школу. А основать школу в оципанном, что твой гусь, мире можно лишь одним способом – сформировать философское течение. Профессор подумал и философское течение сформировал. И назвал сей наук – фингизм (от англ. the thing – вещь).

Фингизм – наука, объектом изучения которой является апостериорная взаимосвязь вещей.

«Колесо!» – скажет сейчас какой-нибудь агрессивно ци-

ничный умник, а цинично агрессивный умник ему поддакнет. И оба окажутся правы. О вещах, как известно из истории философии, писано что попало и кем ни попадя. И где ни попадя. От Афин до Калининграда. И обратно до Афин.

Но профессор был смел и отважен! Он решил-таки распутать узлы, пред которыми спасовал даже несостоявшийся магистр из Костромской губернии. Сказано – сделано. Встал профессор за кафедру, взялся рукою правою за перо и тут же рухнул по-пизански на пол. Приехавший санитар диагностировал инсульт с летальным исходом. А случайно оказавшийся рядом специалист по психосоматической симптоматике Леонид Николаевич Шмуц установил, что детонатором послужила трансформация параллельности в антипараллельность; инбридинг близкородственных, на первый взгляд, понятий – логики и вещи взорвал мозг, о чём предупреждали ещё пещерные трансцендентальцы.

Однако Шмуц нашёл перспективной теорию покойного профессора, основной концепт которой заключался в поиске суб-, пост-, псевдо-, транс-, а-, анти-, нео-, мета-, архи-, контр-, и проче- логических связей между суб-, пост-, псевдо-, транс-, а-, анти-, нео-, мета-, архи-, контр-, и проче- материальными предметами. После того, как наглядное доказательство несовершенства идеи было унесено в морг на носилках, Леонид встал за кафедру, взялся рукою правою за перо и вывел следующее:

Наука, целью которой является поиск каких попало свя-

зей между какими ни попадя предметами и явлениями, отныне называть пофингизмом.

Затем, посчитав лингвистические кульбиты профессора излишне вымученными, заменил слово «пофингизм» на «шмуц» и дописал «Шмуц – это Я!».

ТЕЛЕМАХ МИМОХОДОВ. БАКЛАЖАНЫ. ДЕНЬ СОРОК ВОСЬМОЙ

Для своих девяти лет мальчик Лёва был хитрованом с фантазией, коей позавидовал бы рвущий волос и воющий в голос писатель.

– Мама! – завопил он, вбегая в квартиру. – Беда!

– Лёва, что случилось? – спросила мама дрогнувшим голосом.

– Мама, меня побили.

– Кто тебя побил, Лёва?

– Какие-то негодяи! Побили и отобрали деньги. Прости, мама... Не купил я баклажанов...

– Ах... Лёвушка. Какие баклажаны... Врача! Срочно!

– И жандарма, – участливо добавил отец из-под двери санузла.

Мальчику Лёве соврать – что таракану усы оторвать. Никакие хулиганы на него, конечно, не нападали, увечий нахальному личику не наносили и денег не отнимали. Деньги были прокатаны на каруселях, простреляны из пневматического ружья в тире и брошены заводной обезьяне, скакавшей на плече у циркача.

– Рост высокий. Голова бритая. Телосложение спортив-

ное. Был одет в тренировочные штаны и белую футболку, – объяснял мальчик Лёва хмурому жандарму. – Второй пониже. Щуплый. В кожаной дублёнке и кепке. Сильно заикался.

Вскоре мальчик Лёва вышел из квартиры повеселевший. В его кармане позвякивала новая порция монеток. И решил мальчик Лёва проездить эти монетки на общественном транспорте.

Троллейбус был пуст. Почти пуст. На задней площадке двое грызли семечки, сплёвывая шелуху. Один – высокий лысый здоровяк в тренировочных штанах. Второй – тощий пижон с наглым лицом.

– А в-вот и н-наш с-супчик! – ткнул тощий лысого локтем в бок.

Двери захлопнулись. Троллейбус тронулся с места. Отступать было некуда. Только в открытом потолочном люке голубело майское небо.

Мальчик Лёва, подпрыгнув, ухватился за край люка, подтянулся, вылез на крышу троллейбуса.

И побежал по проводам, искрясь и сверкая.

ГАСАН ПАКГАУЗ. ХОЛОДИЛЬНИК. ДЕНЬ СОРОК ДЕВЯТЫЙ

Мы идем покупать холодильник.

Мы – люди, чудо вселенной, сердечная чакра космоса, четыре лепестка лотоса во все стороны света.

Но мы идем покупать холодильник.

Мы – тупиковая ветвь эволюции, и мы идем покупать холодильник.

Зачем нам холодильник? В холодильнике мы будем хранить еду. Еду и таблетки.

Мы будем есть еду и таблетки.

Мы покупаем холодильник и приносим его в дом. В холодильник мы кладём продукты питания, дабы избежать их порчи, дабы еды нам хватило надолго.

Надолго. Надолго. Надолго.

Чтобы мы ели.

И кушали.

И жрали.

Нам нужен холодильник.

Холодильник есть дзен.

Без холодильника мы никто.

Без холодильника вянет лотос и пустеет космос.

Поломка холодильника предвещает закат цивилизации.

Мы сидим на своих кухнях в ожидании пришествия спе-

циалиста по ремонту холодильников, который всех нас спасет.

И грядет эпоха Новой еды и Новых таблеток.

Кстати, какого лешего в холодильниках хранят таблетки?

ТИТ ЗАЦЕП. ОБ АНТРОПОГЕНЕЗЕ, МУХАХ И ПРОЧИХ УСЛОВНОСТЯХ. ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТЫЙ

В 1830-м году довелось мне читать лекцию об условностях моральных принципов. Происходило сие в одном учебном заведении, расположенном в тридцати верстах от англосаксонской столицы. Суть лекции заключалась вот в чем:

– Ежели человек субстанция всяя, то флора и фауна суть модусы этой субстанции. Говоря по-людски, все сущее, все животные, растения и даже, простите, грибы унд черепахи изначально произошли от человека. А ежели человек суть проточерепаха, протоекот и протокамыш, то, как биологическая, субстанциональная единица, располагается на низшей ступени развития относительно полихотомирующих модусов. Говоря по-людски, любая животина – создание более совершенное, чем человек. Следовательно, этические нормы и моральные устои рудиментарны, а стремление к удовлетворению физиологических потребностей – вот подлинный категорический императив! Ибо брюхо глухо, словом не уймешь, а без брюх не бывает и мух!

Обращается ко мне по окончании лекции студентик по прозвищу Золтан Имух и говорит;

– Леонид Николаевич, ваша теологическая парадигма относительно человека, как движущей силы инволюции – сущая чепуха. Вы балабон и краснобай. И я вам это докажу, если вас не затруднит прогуляться со мной кое-куда. Тут недалеко.

Ну, думаю, накостыляет мне сейчас студентик за вольнодумства, как амстердамскому иудею соплеменники. Но студентик драться не стал: привёл меня на побережье, извлёк из ила осьминога и бросил оземь.

– Почему сей морской звер не ползает по земле?

– Почему же? – швырнул я осьминога обратно в воду.

– Все потому, что голову ему тяжело за собою таскать! Кабы человеческая репа имела столь же внушительные габариты, то для передвижения по суше изобрели бы подушку с перинкой на колёсиках. Зверь не способен придумать ни перинку, ни колёсики, и, уж тем более, сделать. Следовательно, тварь он никчёмная.

– Однако зверь способен лишиться себя необходимости в наличии сих предметов. Ему не нужны колёсики и перинки, что доказывает его превосходство над человеком.

И мы на шаланде «Ищейка» в качестве натуралистов отправились на Tierra del Fuego, чтобы встретиться с туземным мальчиком.

Мальчик рылся носом в глине, отыскивая коренья и мёртвых насекомых. Словом, чихать он хотел на постулаты антропогенеза.

– Послушай, дитя – сказал мой спутник – Если твой ежедневный рацион состоит из падали подземной, то чем ты питаешься зимой?

– Старушками! – озорно ответил паренёк

– Как это старушками? У вас же собаки есть! Почему бы их не съесть?

– Глупый белый человек не понимает! Собака ловить выдра, старушка выдра не поймает. Старушка польза не даёт. Старушку надо жрат. Га-га-га! – мальчик потёр трясущийся живот.

– О, ужас! – вскричал студентик – Как это возможно! Они завтракают, обедают и ужинают пенсионерами! И собаки для них дороже жизней человеческих. Это аморально и неэтично! Это чудовищно! Дикари!

– Отчего же? – возразил я – Благодаря отсутствию нравственных устоев те, кого вы кличете дикарями, прожили тут не одну тысячу лет, и ещё столько же проживут, в то время как вы, уважаемый, померли бы от истощения уже через месяц!

Только студентик собрался обозвать меня троглодитом, как в его раскрытый от изумлений рот влетела доселе неизвестная *Lepidoptera*, что позволило мне счесть его мычание за согласие с моими постулатами. Через два года после этого случая студентик вернулся в Англосаксонию, чтобы опрокинуть мир.

Впрочем, вряд ли мир опрокинется для жизнерадостного

туземного мальчика с архипелага Tierra del Fuego.

АРТУР КУМЫС. ХАНДРА. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Приключилась со мной хандра. Выключил я ЭВМ и лёг в койку.

И мне приснился сон:

будто держу в руках пузырек с таблетками и надписью красным по белому на этикетке; «Хранить в сухом, темном и недоступном для детей месте» и брожу по дому в поисках этих самых мест. Не нахожу ни одного! Либо сухо, либо темно, либо сухо и темно, но доступно ребёнку, то бишь мне. Подумал-подумал, да и спрятал таблетки у себя в желудке. Вдруг подступила жуткая дурнота. И упал я в обмороках на пол.

И мне приснился сон;

будто я – автобус, ползу по улицам, торможу на остановках, во мне пневматически открываются двери, входят люди разные, матерятся, тележками елозят, грязью моросят, царапают, бутылки бросают и дерут дерматин. Вдруг из-за поворота вываливается самосвал и давай мять мне бока! Фары мои потускнели, мотор затих. И съехал я обморочно в кювет.

И мне приснился сон;

будто я – холодное газопылевое облако, парящее во вселенской пустоте и рождающее звезды и планеты, метеоры и кометы, астероиды и космическую пыль. Я есть всё. Или

был всем, пока на одной из планет не появился ученый муж, который рассмотрел меня в радиотелескоп, подставил мои сакральные и метафизические значения в хитрые формулы и уравнения, отклассифицировал и отструктурировал. И объявил себя хозяином вселенной...

И я проснулся. Проснулся на автобусном заводе, где промасленный механик-трансплантант прикручивал к моим сосудам-шлангам и скелету-кузову новое сердце-двигатель, протирал блестящие фары-глаза, завинчивал гайки и укреплял спайки. Завершив операцию, механик достал из тумбочки бутылку с шампанским... Да как врежет этой бутылкой мне между фар на счастье!

И я проснулся. Проснулся от страшных колик и спазмов, отыскал аптечку в надежде лекарствами нейтрализовать действие выпитых таблеток и наглотался активированных углей и прочих адсорбентов. Адсорбенты скушали яды и отравились. Отравились и с умов покатались. Стали Ваньку валять и диафрагму пинать.

И я проснулся. Сел за письменный стол, включил ЭВМ и хотел было записать приснившееся, но тут в комнату влетел зимний слон и протрубил:

– Тру-ту-ту! Ту-ту!

Из откровений Гипноса, сына Морфея.

Остров Лемнос, год 29-ый от Сотворения Мира.

ТОМ ШНУРОК. МАГИСТР ФАРМАЦИИ. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

Ранним утром первого января один мальчик в бирюзовой пижамке тихонько, яко тать в нощи, прокрался в комнату, где стояла мохнатая ель, опустил на коленки и ощупал пространство.

– Ай! – завопил он так громко, что папа, который втихарию приканчивал остатки портвейнов на кухне, вместо маринованного огурца проглотил горсть конфетти, а маме почудился вой заводской трубы – она встала с постели, повязала крепдешинный платок и ушла на работу.

Однако мальчик не смутился, потому что в руках он держал новогодний подарок – набор юного врача. Набор сей представлял собой картонную коробку с хирургическими ножницами, стетоскопом, скальпелем, шпателем, шприцем, щипцами, штыковидным ушным пинцетом, распатором, троакаром, фетотомом, стоматологическим зеркалом, пробиркой и фарфоровой ступкой с фарфоровым пестиком. Мальчик схватил ступку с пестиком и побежал на кухню, готовить лечебные порошки.

Receptum #1

Три таблетки бабушкиного димедрола измельчить

в ступке, залить порошок касторовым маслом, обувным кремом и зубной пастой, поставить ступку с образовавшейся массой на окошко. Если дни солнечные, то двух суток будет вполне достаточно. Мнительным – не меньше четырех. После этого необходимо заправить ступку герметизирующей мастикой и держать в морозильнике, пока масса не застынет. Дробим пестиком получившееся нечто, смешиваем с яблочным уксусом, рыбьим жиром, мыльным раствором, металлической стружкой, ректификационным спиртом. Добавляем сахара или соли по вкусу.

Предложил мальчик свои бурдули на пробу папеньке.

– Я слишком молод, чтобы умирать! – пропел папенька голосом оперного трагика, чья карьера была загублена алко-голем, а жизнь заедена бытом.

Мальчик – к бабушке:

– Выпей, бабулечка, лекарству. Снова станешь молодой-красавицей, – ласково сказал он, на что бабушка, понюхав ступку, так же ласково ответила:

– Чем же, внучек, я тебя так обидела? Неужто совсем надоела? Или тебя папа подговорил? Ты только скажи, и я прям сегодня к Авдотье в Симферополь уеду.

Мальчик к маме:

– Мама-маменька! Попробуй волшебный ликсир, сваренный сыном, которым ты будешь гордиться!

Ничего не говоря, мама повязала крепдешиновый платок

и ушла работать сверхурочно.

Тогда мальчик вышел во двор и подсунул лекарству бродячему собаку. Собак лизнул бурдули и сказал:

– Мяу-мяу!

Лизнул ещё раз, и ещё... потом слопал с аппетитом всё и сказал:

– Дай папиросочку, – у тебя брюки в полосочку!

Захохотал мальчик эксулапно, и собрался было потрепать пса за шею, но тот вдруг страшно оскалился и, прорывав «Отлезь, гнида!», побежал устраиваться заведующим в подраздел по очистке города Москвы от бродячих животных.

ДОНАЛЬД ЗАМЕС. ОДИН ДЕНЬ НЕКОЕГО ГОСПОДИНА. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

– Дрын-дын-дын! – загрохотал асфальтоукладчик под окном спальни, где мирно почивал ни о чем не подозревающий господин. – Дрын-дын-дын!

Господин больно шмякнулся с кровати, повредив затылочную кость о чрезмерную угловатость тумбочки, на которой летаргически дремал остановившийся будильник. Часы на стене ехидно подмигнули стрелками.

– Ах ты – поганая душа винтиками! – господин запустил будильник в окошко. Из окошка закричали.

Добравшись до ванной комнаты, господин открыл кран и подставил физиономию под струю воды.

– Уй! – взвизгнул господин, потому что вода в кране была холодна, что февральские сосули.

Господин начал мылить лицо, но мыло, выскочив из рук, подпрыгнуло и скрылось под ванной.

Господин начал чистить зубы, но поскользнулся на мыльной дорожке и в падении перекусил зубную щетку.

Господин начал спешно готовить завтрак, но подозрительно быстро закипевший чайник оказался пуст, а черствым хлебом можно было нанести стоматологические травмы.

Господин решил одеться, но вся одежда оказалась почему-то в стиральной машинке.

Господин натянул единственный чистый свитер, но свитер оказался с дырами.

Господин вышел из квартиры, спустился по лестнице, едва не споткнувшись о дремавшего соседского кота. Кот угрожающе зашипел и цапнул господина за ногу.

Господин открыл почтовый ящик, но в ящике вместо газет и журналов лежали только требующие оплаты счета.

Господин, хромая, вывалился из подъезда, но тут же получил профессиональный удар кулаком по скуле.

– Это из твоего окна будильник мне на плешь упал? – поинтересовался у господина сосед-боксер. – А это, часом, не твоя машина? – боксер изо всех сил пнул по колесу стоящего рядом автомобиля. Заныла сигнализация. Прибежали дворники.

– Чей машин кричит? – поинтересовались дворники и, выяснив причину, отлупили господина своими метлами.

Господин спрятался в машине, повертел ключ зажигания, но машина не завелась.

Господин вылез из машины, открыл капот, покрутил гайку, и машина завелась. И так быстро рванула с места, что господин едва ее догнал. Но ведь догнал! Схватился за руль, влез в салон, но машина заглохла, потому что закончился бензин.

Господин покатил машину к ближайшей автозаправке,

но автозаправку закрыли по политическим причинам.

Господин решил заправить машину бензином на другой автозаправке, но там его обманули и залили дизельное топливо.

Господин решил припарковать машину, но его задержал постовой милиционер:

– Отчего это, уважаемый, ваше транспортное средство смердит и дымит?

Господин хотел извиниться, но милиционер нуждался не в извинениях, а в денежных знаках.

С горем пополам господин добрался до офиса, но в офис его не пустили, потому что он забыл пропуск.

Господин собрался было ехать домой за пропуском, но появился начальник который, строго отчитав за опоздание, провёл подчинённого через контрольно-пропускной пункт.

Господин хотел занять рабочее место, но шаловливые коллеги кресло отпихнули, и он кувыркнулся через голову, угодив ногой в мусорное ведро с объедками.

Господин вернул кресло, занял рабочее место, но оказалось, что компьютер сломан и следует звать системного администратора.

Господин вызвал системного администратора, но тот не спешил, потому что пил кофий.

Господин отправился на обед, но столовая оказалась на карантине.

Господин вернулся на рабочее место и стал ждать админи-

стратора, но администратор все не шел. Тогда господин снова позвонил системному администратору. Системный администратор ответил, что уже проверил компьютер, пока господин ходил обедать.

Господин вставил вилку в розетку, но тут появился злой начальник:

– Вы еще ничего не сделали? Вам мало выговора за опоздание? Либо выполняете всю работу, либо будете уволены.

Господин с остервенением погрузился в работу, чтобы успеть к шести, но успел к десяти, потому что работы было много и половину документов он по рассеянности подготовил и распечатал дважды, а кое-что и трижды.

Господин попытался покинуть офис, но уборщица повесила на двери замки.

Господин замолотил в двери и окна, и ночной сторож вызвал охранника. Охранник оштрафовал господина за ложный вызов.

Господин поехал домой, но попал в автомобильную пробку.

Господин заметил, что в ряду слева машины двигаются быстрее, попробовал перестроиться, но дорогу перегородил пассажирский автобус.

Злой, голодный, избитый, униженный, оскорбленный, обворованный, обманутый господин угрюмо посмотрел на заднее окно автобуса и увидел ребёнка, который тарашился в его сторону и показывал язык.

– Ы-ы-ы! – взвыл господин, выскочил из автомобиля и побежал к дверям автобуса с намерением надавать шалопаю ту-маков, но не успел – автобус укатил в ночь.

Господин вернулся к машине, но машины на месте не оказалось.

– Полиция! Полиция! – позвал он, но вместо полиции приехала карета скорой помощи, и господина увезли в больницу.

На вопросы врачей господин отвечал искренне, а после просьбы психолога успокоиться и улыбнуться – перевернул стол, плюнул в портрет Петра Борисовича Ганнушкина и съел пресс-папье.

Врач дунул в свисток, явились санитары, укутали в смирительную рубашку и привязали к больничной койке.

Больше с ним ничего не произошло.

И не произойдет.

Никогда.

ДИК ШТЕМПЕЛЬ. ЗЕЛЕНОЕ ЯБЛОКО. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ

Человек просыпается в теплой постели, сладко потягивается, встает, надевает тапочки и семенит к дверям.

Человек открывает двери...

– Хочешь стать модным и продвинутым? – пестрит яркими заголовками глянцевого журнал. – Хочешь, чтобы жизнь не проходила мимо тебя? Посети модную вечеринку в модном клубе, общайся модно, одевайся модно и читай наш модный паблик. Мы избавим тебя от чувства собственной неполноценности.

– Хватит сидеть дома, – хрипит приемник голосом радиоведущего. – Отправь sms со словом «смысл» на четыре цифры, и мы скажем тебе, кто ты такой.

– Ищете себя? – вопрошает объявление на стене подъезда. – Вы подавлены и потеряли смысл жизни? Никто не замечает, насколько Вы талантливы и уникальны? Наш психологический центр поможет Вам открыть для себя свое собственное Я, настроить на позитивное мышление, решить любую проблему и обрести счастье!

– Не слушайте этих психологов! – смеется книга о финансовой независимости. – Решить любую проблему помо-

гут только деньги! Если Вам надоело безучастно наблюдать, как другие зарабатывают деньги, запишитесь на наши курсы по обучению маркетингу и уже через месяц Ваш доход составит сотни, тысячи, миллионы. Вы получите возможность осуществить любую мечту; купить последнюю модель чего угодно, ездить куда угодно и жить где угодно.

– Остановись! – кричит красным шрифтом листовка на стекле метровагона. – Ты забыл, что такое честь и совесть? Тебе безразлична судьба страны и народа? Сколько можно жить по законам торгашеского мира? Вставай под наши знамена, брат! И мы прорубим дорогу в наше будущее. Настоящее и единственно возможное! В этом наш смысл!

– Избавь себя от влияния психологии масс. Это удел социума, суемудрие толпы, а ты – личность! – поучает увесистый том с золотыми вензелями на обложке. – Сознание определяет бытие, и, следовательно, главная цель экзистенциального пути существа, наделенного интеллектом, состоит в постижении этой цели.

– Философия – псевдонаука, – безапелляционно заявляет научно-технический интернет-портал. – Главный смысл существования отдельно взятого индивидуума заключается во вкладе, который внесен этим индивидуумом в общее развитие прогресса. Придёт время, когда мы избавим мир не только от болезней и нищеты, но и позволим удовлетворять все потребности, не вставая с постели.

– Не допусти, чтобы дьявольские соблазны смутили твой

разум. Ибо устами их создателей глаголет сам нечистый, – звонят церковные колокола. – Избавь душу от скверны, приди в лоно церкви и получи спасение и цель своей жизни.

– Оставь религиозные догмы, – вещает самиздатовская брошюра. – Они лишают тебя свободы и скрывают правду о твоём истинном предназначении. Наш гуру поможет достичь духовного просветления и выйти из круга сансары, череды бессмысленных перерождений!

Человек закрывает двери.

И в доме его вновь воцаряется тишина, темнота и спокойствие.

Существует легенда:

Когда в Париж входили фашистские танки, художник Пабло Пикассо стоял в центре комнаты перед мольбертом и рисовал зелёное яблоко. В Европе шла война, менялись границы, менялось время, люди сражались за свободу, идеи, деньги, власть...

А художник Пабло Пикассо рисовал зелёное яблоко.

И ничто во всей вселенной не могло сравниться по значению с этим зелёным яблоком.

И художник Пабло Пикассо был счастлив.

МЕЛИССА ШАНТРАПА. НЕДУГИ. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

На скалистом утесе у хмурого океана маленький дом. В стенах его, пропахших ветрами и солью, живут три брата. Каждый день они встречают и провожают солнце, бороздят на шаланде залив, щедрый на рыбу и краба, а в дождливые или снежные дни плетут сети, разжигают огонь в камине и курят трубки. По ночам братья смотрят на звездные корабли, плывущие по небосводу в сторону континента...

Правда, старший брат, ввиду отсутствия способности сидеть, никогда не присаживается на лавочку или в кресло-качалку. Куда бы он ни сел – падает. Попробует усесться на стульчик и – бум! – валяется на полу. Сядет на скамейку – опять промахнётся – и в камин задом.

Средний брат страдал иным недугом – не мог устоять на месте. Постоянно вертелся, прыгал, бегал, а если останавливался – тут же терял равновесия, падал шваброй лицом в тряпку.

У младшего брата все было наоборот. Он не падал со стульев и не носился по дому наскипидаренным, но оказался неспособным произносить гласные звуки. Он мечтал стать философом, аки Сенека, поэтом, аки Вергилий, и оратором, аки Цицерон, но вместо:

*Симулякр Бодрийяра,
Как пьян бывал – катился с яра*

Декламировал:

*Смкр Бдрр
кк пьн бвл – ктлсс р*

Проблема усугублялась ещё и невозможностью младшего брата донести мысль до слушателя даже в письменном виде. Впрочем, средний брат даже читать не умел читать, хотя обладал при этом превосходным каллиграфическим почерком. А вечно падающий старший брат мог и читать, и писать, но исключительно символами японского идеографически-силлабического письма.

Одержимый маниакально-депрессивным психозом брат младший с утра до вечера мечтал о том, как придушить брата среднего, который страдал аллергией на собственный организм, а старший брат был пироманом и прятал под подушкой канистру с бензином, планируя залить им дом, поджечь и любоваться парящими в воздухе хлопьями черно-белого пепла.

Но сейчас зима. И всё идет своим чередом в доме на краю утёса. В стенах его, пропахших ветрами и солью, по-прежнему живут три брата. Каждый день они встречаются и проводят солнце, ловят рыбу, плетут сети, разжигают огонь в камине и курят трубки.

По ночам братья выходят на крыльцо и смотрят на звездные корабли, плывущие по небосводу.

КОНАН ОПАРЫШЕВ. ЯГЕЛЬ И ГЕГЕЛЬ. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Редактор газеты *Vamberger Zeitung* по фамилии Гегель, выйдя из дома, задумался о соответствии монархизма и собственной идеалистической системы и забыл надеть любимые чулки и калоши.

Так и ковылял босиком по переулкам, пока не угодил в лужу.

– *Himmelherrgott!* – возмутился Георг Вильгельм Фридрих, а именно так звали редактора газеты *Vamberger Zeitung*, и повернул обратно к дому. Взял перо и бумагу и начал писать:

Лужа, грязная лужа – без всякого дальнейшего определения. В своей неопределенной непосредственности она равна лишь самой себе, а также не неравна в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему.

Тут Георг Вильгельм Фридрих почувствовал свербёж в носоглотке, достал из сюртука платок и шумно высморкался:

Простуда, скверная простуда; она есть простое

равенство с самой собой и любой другой простудой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; неразличенность в самой себе.

На секунду Гегель замешкался, пожевал перо, и вдруг его осенило!

Грязная лужа и скверная простуда есть, следовательно, одно и то же. Истина – это не лужа и не простуда, она состоит в том, что лужа не переходит, а перешла в простуду, и простуда не переходит, а перешла в лужу.

– Хо-хо! – хохотнул Гегель и послал служанку за восковой свечой, потому как слышал, что в России воском натирают простуженные носы.

Об этом даже указ был сочинён и подписан; выделять средства из бюджета на покупку свечей для особых нужд высокопоставленных лиц.

P.S. Вы спрашиваете меня, какое отношение к Гегелю имеет Ягель?

Отвечаю.

Если бы Гегель родился на Чукотке и кормил оленей ягелем, то некому было бы следить за орфографией и пунктуацией в газете *Vamberger Zeitung*.

Так.

МОНИКА СУЕТА.

КЛАДОВЩИК (ПЬЕСА). ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

Явление первое.

Складское помещение. Стеллажи вдоль стен, едва освещенные лампами под конусовидными абажурами. На полке две картонные коробки. Слева от стеллажей запертые железные ворота с маленькой, врезанной в них дверью. Между воротами и стеллажами электрическая плита и стол. На столе беспорядочно разбросаны пачки сигарет, набитые окурками пепельницы. На краю стола – включенный телевизор. На экране – цветная калибровочная сетка. Кладовщик дремлет, уткнувшись головой в стол.

Снаружи доносится свист ветра. Из-под ворот змеится снежная пыль.

Кладовщик (*просытаясь*): Ишь, погодка-та... От погодка-та...

Кладовщик неуклюже встает из-за стола, зажав папку со складскими бумагами подмышкой, семенит к стеллажам; бережно снимает с полок большую коробку, ставит на пол, открывает, вынимает десяток маленьких коробочек и тщательно закрывает большую коробку, столь же тщательно обматывая скотчем.

Кладовщик: И славно-та... Шесток... Уж да уж...

Кладовщик пересчитывает маленькие коробочки, потом приподнимает каждую, читает надписи на ярлыках, сверяется с данными в складских бумагах.

Кладовщик (*считает*): Раз и два и три и четыре и пять...

Кладовщик возвращает пустую большую коробку на полку, достает со стеллажей другую большую коробку, ставит на пол, открывает и осторожно перекладывает в неё маленькие коробочки.

Кладовщик: И сюда... И вот сюда... От хорошо... Надо уж... Бы...

Кладовщик возвращает большую коробку с маленькими коробками на полку рядом с пустой коробкой, отступает на шаг, с минуту стоит неподвижно, переводит взгляд с одной коробки на другую, будто сравнивая. Меняет коробки местами.

Свист ветра за воротами нарастает.

Кладовщик (*прислушивается*): Ишь... Ушь...

Явление второе.

Складское помещение. На электрической плите шумит чайник. Кладовщик щелкает переключателем телевизора, но картинка с калибровочной сеткой не меняется. Из-за ворот доносится звук, напоминающий шуршание автомобильных шин по гравию, потом тихий, вежливый стук. Входит высокий человек в черном пальто с тростью и в цилиндре. Пальто расстегнуто – под ним галстук, рубашка и пиджак.

Человек в пальто (*глядя сквозь стекло моногля на старика*): И?

Кладовщик: Извольте-с...

Человек в пальто (*упирая руки в бока*): Рубль.

Кладовщик (*падает на колени*): Помилуйте-с...

Человек в пальто (*возмущенно*): Два!

Кладовщик (*поднимается с колен и кланяется*): Ваше-с... Ваше-с...

Человек в пальто высыпает ему в ладонь несколько монет, стучит тростью по воротам. Входит подросток в широком белом кафтане. В его руках картонная коробка.

Человек в пальто тростью указывает на стеллаж и выходит за дверь. Подросток ставит коробку на полку, подмигивает кладовщику и тоже выходит.

Кладовщик садится за стол, пересчитывает монеты и что-то записывает в складскую книгу.

Явление третье.

Складское помещение. За столом дремлет кладовщик. Электрический чайник свистит. Сонный кладовщик подскакивает, бросается к чайнику, но по пути оступается и падает.

За воротами слышен раскатистый грохот. Дверь слетает с петель, и в помещение входят четверо мужчин в черных рабочих спецовках и с автоматами наперевес. Не обращая внимания на лежащего кладовщика, выносят стол, лампу, телевизор, чайник и все коробки, после чего окружают самого кладовщика.

1-ый рабочий (*наводит автомат на кладовщика*): Ты гад? Казнокрад!

Кладовщик (*испуганно*): Кто? Кто-то?

2-ой рабочий (*выпускает автоматную очередь в потолок*): Народ кровь пить?

Кладовщик (*пытается отползти в сторону*): Я? Пошто?

3-ий рабочий (*ставит ногу на спину кладовщику*): Шутить?

Кладовщик (*кладет руки на затылок*): Не моё всё... Служу я...

4-ый рабочий (*грозит пальцем*): То-то. Служи.

Рабочие покидают складское помещение.

Кладовщик прилаживает дверь к проёму. Потом уходит вглубь склада и возвращается с большой коробкой, новой лампой и новым чайником. Вкручивает лампу в патрон под потолком, ставит на плиту чайник, выкладывает из большой коробки маленькие, пересчитывает, сверяется с ведомостью, укладывает обратно и ставит коробку на стеллажи.

Явление четвертое.

Складское помещение. Кладовщик сидит на полу и пьёт чай.

От громкого удара он вздрагивает, приставленная к воротам дверь с лязгом распаивается. Вбегают двое бритых молодчиков в тренировочных костюмах, вооруженные бейсбольными битами. Один разбивает битой лампу, другой поддевает ногой чайник. Чайник, жалобно звеня, летит в даль-

ний угол сцены.

1-ый молодчик (*подбегает к кладовщику и сильно бьет кулаком по лицу*): Сука!

Кладовщик (*закрывает лицо ладонями, плачет*): Ребятушки... Я ж... А я ж...

2-ый молодчик (*помогает кладовщику встать*): Отец, ты это самое...

Кладовщик: Я ж никогда... Никогда...

1-ый молодчик (*хмуро*): Один ты? Мы тут тебе... В оба чтоб...

Кладовщик: Ага... Могила!

1-ый (*прикладывая палец к губам*): И чтоб тихо... Тут. А не то... Расход.

Молодчик разворачивает черный полиэтиленовый пакет и кивает напарнику. Напарник снимает с полки коробку и высыпает ее содержимое в подставленный пакет. После этого они, ухватившись за края пакета, выволакивают его со сцены.

Кладовщик (*утираясь рукавом*): Поди...

Кладовщик, кряхтя, поднимает с пола пустую коробку и ставит на прежнее место.

Явление пятое.

Складское помещение. В проёме, где раньше была дверь, сверкает молния. В полумраке лежит кладовщик, укутанный в тряпки. Вдруг в темном проёме вспыхивает свет фонаря. Жёлтое пятно скользит по стенам и останавливается на теле

кладовщика. Входит карлик в камзоле.

Карлик: Темень...

Кладовщик (*стонет из-под вороха тряпок*): Ох...

Входят грузчики в оранжевых комбинезонах и шахтерских шлемах с горящими лампочками. Они едва удерживают пирамиду из маленьких коробок.

1-ый грузчик (*первому*): Цяжка!

2-ой грузчик (*человеку в пальто*): Куды класць?

Кладовщик (*болезненно кашляя*): А что такое? Что? Это зачем это такое? Куда?

Карлик (*вынимает из внутреннего кармана пиджака портмоне, отсчитывает купюры*): Слышь, старик. Добро моё децл (*протягивает деньги*), а ты присмотри... Лады?

Кладовщик (*быстро кивая, прячет деньги под рубаху*): Эт добро... Мы завсегда... Чай, печенья там... Спешить... Не...

Карлик (*грузчикам*): Мужики, там... Всё. Только не курите – поедем. Рынок, шпаклевка, ага (*бормоча под нос, покидает сцену*).

Грузчики бросают коробки на пол и, отряхнув пыль с комбинезонов, покидают склад следом за карликом.

Кладовщик открывает одну из маленьких коробок, высыпает из неё ещё десятка два крохотных коробков, некоторое время смотрит на них, пожимает плечами и укладывает обратно. Разбросанные коробки укладывает в одну большую.

Явление шестое.

Складское помещение. Кладовщик бормочет молитву, стоя на коленях у стеллажей. Вдруг тонкий голубой луч пробивает стену и вырезает в ней прямоугольный проём. В проём вползает сине-зеленый гуманоид.

Гуманоид (*радужно переливаясь*): Ыч. Ъ. Яьых.

Кладовщик (*хрипло*): Хтой?

Гуманоид: Фв. Цъй.

Кладовщик (*понижая голос*): Хтой?

Гуманоид вытряхивает содержимое коробок, яростно топчет содержимое всеми конечностями и поливает маслянистой жидкостью кучу картона, образовавшегося на месте разнокалиберных коробок. Из кучи вырастают грибы и плесень. Гуманоид натягивает на голову кладовщика кожаный намордник с поводком. Поводок привязывает к ножке стеллажа.

Гуманоид: Й.

Кладовщик (*сквозь намордник*): М. М.

Гуманоид ползёт обратно к отверстию и растворяется в темноте.

Явление седьмое.

Складское помещение. Абсолютная тишина. Отверстие в стене и дверной проем заложены кирпичами.

Кладовщик берет с полки оставшуюся картонную коробку и ставит её в середину сцены.

Кладовщик (*утирая потный лоб выпачканной в цементе рукой*): Всё...

Кладовщик влезает забирается Свет гаснет.
Занавес.

ВАРЛАМ СПОТЫКАЧ. СВЕТОФОР. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Жил да был на перекрестке маленький светофор. Настолько маленький, что никто не обращал на него внимания. Брызгая грязью, мчались автомобили, скакали по зебрам пешеходы, шастала туда-сюда злая бездомная собака.

И загрустил светофор. Загрустил от бессмысленности и тщетности своего бытия. Загрустил, запечалился, задумался и перестал светить трёхфазно.

Прознали об этом начальники и прислали на перекресток постового с полосатой палкой. Постовой явился злющий, злее бездомной собаки, потому как был снят с доходного места на рублёвом шоссе. Вспомнив про голодных детей, которых у него не было, постовой рассердился ещё больше и пнул светофорный столб. Светофор даже лампой не повел.

Постовой пнул снова. Светофор дрогнул, но промолчал. Тогда постовой стал дубасить светофор почему зря ногами, палкой, головой...

И тут произошло нечто невообразимое. Светофор включил разом все три лампы и стал мигать эпилептически, будто дискотечный стробоскоп.

Автомобили бросились во все стороны по тротуарам, бордюрам, заборам. Злая собака рычала на постового, постовой рычал на собаку.

Взвыли сирены, пассажиры автобусов полезли в аварийные окна, а пешеходы – в канализационные люки. Из кареты скорой помощи вывалился человек в пижаме и пополз в сторону кладбища.

Всё кругом прыгало, дудело и кувыркалось, пока спятивший строительный бульдозер не подмял под себя маленький светофор.

Стихли сирены, вопли людей, визг тормозных колодок. Носы пешеходов пугливо высывались из люков, пассажиры лезли обратно в автобус.

Близилось время сиесты, поэтому собака подняла ногу, почтила память разбитого светофора и отправилась на помойку за костями.

А постовой ушел в сторожа.

БАЛЬТАЗАР ЗАСЛОН. ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ГРУЗОВИЧОК. ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

Средь неприглядного внутреннего двора стоял невзрачный дом. К дому сему неприметные люди в оранжевых комбинезонах пристроили подъезд, который от других подъездов ничем не отличался.

Слишком уж всё гладенько выходило, что не могло вызвать любопытство в пронирливом сознании автора сей докладной записочки. И взялся я следить за двором, домом и подъездом.

И как чувствовал. После череды непримечательных дней к дому подкатил очень подозрительный грузовичок! Такого подозрительного грузовичка я в жизни не видывал! На четырех подозрительно круглых колесах он въехал во двор, тревожно фыркая выхлопами сомнительного химического состава. Из какой-то особенно странной кабины выпрыгнул совсем уж неказистый мужичок, откинул борт и выкрикнул неразборчивое.

Тут же к грузовичку подбежали аномально молчаливые африканцы и выгрузили из кузова деревянные ящики неправильной формы с надписями на неизвестном мне языке.

Мораль сей притчи в том, что бела береста, а деготь черен, а такоже и в том, что пора уходить в катакомбы.

ФИЛОМЕНА МЕШАНИНА. ТЕЛЕФОНОФОБ. ДЕНЬ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

Один мальчик по имени Данчик боялся телефона. И всякий раз покрывался холодным потом, когда телефон разрывал тишь да гладь его обиталища.

Аппарат подскакивал, будто гренка из тостера, и бросался в угол комнаты, где за тумбочкой прятался испуганный мальчик. Телефонная дуда истошно вопила и падала навзничь. Из дуршлячного динамика вылетали боевые самолеты, танки и кирасир, угрожающе гремя кирасой. Мальчик жмурил глазки и со страху портил нижнее бельё.

– Здравствуйте. – произносил чей-то голос из адского жерла телефонной трубки.

– Ы-ы-ы! – ычал мальчик, заползая под ковер.

– Подумаешь... – предсмертным гудком выстреливала трубка, раскрывала зевотно рот и прикидывалась спящей. Но мальчик, чувствуя подвох, тихонько подкрадывался к трубке, тыкал ногтем в глянцевый пластик и тут же отпрыгивал в прихожую, словно ужаленный тайпаном.

– А ну, стой! – орала хитрая телефонная трубка, внезапно очнувшись и прыгая вслед за ним. – Скажи-ка, товарищ, это склад?

– Нет!

– Тот самый? – трубка приближалась, со свистом раскручивая аркан, сплетённый из телефонных проводов.

– Нет! – мальчик полз, перебирая коленками, на кухню, но падал на живот и опутанный проводами скользил по паркету обратно.

– А не хотите ли Вы подключить цифровое телевидение?

– Пожалуйста, не надо!

– А позовите, пожалуйста, Стёпу!

– Нет-нет-нет! – мальчик захлёбывался криком и вываливался из сознания в глубину бессрочной комы.

Трубка подтягивала мальчика к тумбочке и бережно укладывала на рычажки телефона.

НОРБЕРТ ПРЕСС. ПЫЛЕСОСЫ. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Спускаюсь на медуни в метрополитен, а там – пылесосами дешевыми фарцуют! Я ж возьми, да и купи.

Не подумайте, что Норберт какой-то там сквалыга и скупердяй, который из блохи голенище кроит! Купил исключительно из соображений практичности, целесообразности и рациональностей.

Пылесос домой приволок, поставил в уголок, а сам на кухню – мясо с картофелями жарить. И только собрался маслом сковородку обмазать, как затрезвонил телефон:

– Добрый день! – кричат мне в ухо подозрительно задорно, будто щекотка одолела или хворь душевная. – Вы уже овладели навыками работы с нашим пылесосом? Сколько раз в день читаете инструкцию к нашему пылесосу? Как много времени тратите на уборку с применением нашего пылесоса?

– Стоит в уголке пока... – отвечаю, застыв с бутылкой масла оливкового в руках.

– А Вы знаете, что при фирме открыты круглосуточные курсы виртуозного управления пылесосом? С Вами будут заниматься профессиональные преподаватели и опытные мастера! Вы платите всего один раз! Мы обучаем до результата. То есть, пока не научитесь – мы Вас не выпустим.

– Я подумаю. Наверное...

– Замечательно. Сколько у Вас комнат в квартире?

– Три. Кухня ещё, ванная, уборная и антресоль.

– Замечательно! Как Вы считаете, может быть, стоит приобрести универсальную модель пылесоса? От обычных моделей отличается наличием дополнительных раструбов. Их можно протянуть во все помещения квартиры и пылесосить одновременно!

– Может быть...

– Будем признательны, если Вы расскажете о нас друзьям, знакомым, соседям, коллегам по работе, каждым встречным и поперечным, случайным прохожим с мало-мальски вменяемой рожей!

– Я постараюсь, да...

– А ещё в ассортименте у нас имеется грелка для чайника. Удобная, эргономичная и остро необходимая в хозяйстве грелка для чайника!

И тут у меня из рук бутылка с маслом выпала, да на сковороду! Сковорода над плитой подскочила, перевернулась, да на лапти!

– Идите ко псам со вашими пылесосами, раструбами, грелками и чайниками! – закричал я во гневе. И трубку о стенку разбил.

И ушёл покупать новый телефон.

МАЛЬВИНА СЕРЬГА. РЕЗИНОВЫЙ ЧЕЛОВЕК. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

Всякие люди рождаются на Земле: и глупцы, и мудрецы, и урологи, и энтомологи, и душегубы, и лесорубы, а то и просто личности с подвохом.

Выпало как-то жить на нашем свете резиновому человеку, у которого всё было резиновым: руки, ноги и даже мысли, а берцовую кость он легко мог свернуть бубликом. Очень кичился человек сей собственной резиновостью и часто говаривал:

– Жалок мудрец, ибо границы мудрости его определены. Жалок глупец, ибо разум его ограничен глупостью. Жалок уролог, ибо мир его ограничен слизистой мочеиспускательного канала. Жалок энтомолог, ибо инсекты своими габаритами жалки изначально. Жалок душегуб, ибо количество душ, кои он способен сгубить, исчислимо. Жалок лесоруб, ибо не вхож он в заповедные леса, охраняемые министерством экологии и природопользования. Жалки и сомнительные личности, ибо значимость их личностей вызывает сомнения.

При этом резиновый человек прыгал по тротуарам над толпами людскими, отскакивал от столбов волейбольным

мячом и под звон разбитых фонарей кричал:

– А я! Я могу распластать себя гуттаперчей по вселенным, ибо эго моё резиново! И могу мыслить четырёхмерно, ибо мысли мои резиновы! – и так разошёлся, распалился, что задымился весь, закоптил. Почернела резина, пошла трещинами, да и осыпалась в труху.

– Что-то палёным запахло... – заметили глупцы и мудрецы, урологи и энтоломоги, душегубы и лесорубы.

– Так пахнет резиновый человек! – воскликнули было сомнительные личности, но тут же притихли под тяжестью чьих-то внимательных взглядов.

РЮРИК САТУРН. ОРДЕН. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Он родился под злобный гнет темных сил, родился под вой враждебных вихрей, родился в парче, родился в ноябре.

Он ложился костями в русло Беломорско-Балтийского канала имени семинариста, изгнанного за неявку на экзамен, ложился костями в байкало-амурский грунт, ложился костями в тоннели московского метро.

Он лежал и мёрз в камере следственного изолятора, лежал и мёрз под ногами уходящих по этапу, лежал и мёрз, кутаясь в колючую проволоку, лежал и мёрз ни за что, ни про что.

Он кидался животом на амбразуру, лез с гранатами под танки, таранил самолёты, гнил в концентрационных лагерях, а после был посажен в тюрьму за то, что не сгнил.

Он бороздой вспарывал сибирские равнины, вспарывал чернозем, вспарывал ракетой космос и возвращался, сгорая в стратосфере.

Он хоронил детей на горных перевалах Гиндукуша, хоронил детей у реки Припять, хоронил детей в больницах и школах.

Он верил продавщицам в продуктовых магазинах, верил дикторам на телевидении, верил будущим олигархам.

Он собирал окурки, собирал пустые бутылки, собирал жестяные банки, собирал обрывки рекламных листовок с под-

Оконников.

А умер он от холода, голода и тоски в пустой квартире с протекающим потолком и щелями в стенах.

А румяный чиновник в кабинете выписал ему посмертный орден.

А внуки орден тот продали скупой немчуре из Берлина.

И скупая немчура вошла на трап самолёта, стирая с подошв своих грязь.

МАРКИЗ ДЕ СТОЕВСКИ. КОНТАКТНЫЙ ЗООПАРК. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ

Сего тринадцатого января текущего шестьдесят пятого года, в половине первого пополудни, Фёдор Михайлович Достоевский, непутёвый брат известного русского журналиста, коего за крамолы очень не любили в тайной канцелярии, прознав вдруг об том, что в Пассаж привезли зверей заморских и кажут люду зажиточному за их зажитки, вышел из дому, кликнул ваньку и помчался, звеня и подпрыгивая по мостовой, глядеть на тех зверей, стало быть, так вот и так. По причинам нам не совсем понятным, а по чести будет сказать – совершенно непонятным, хотя и вполне вероятным, впрочем, судить об том читателю, коего угораздит об том судить, встретил вдруг Фёдора Михайловича у ворот Пассажа задиристый усач в красном мундире и как бы хлыстом в одной руке, а в другой руке без как бы хлыста, потому как как бы хлыстов было не более одной штуки, встретил, значит, и подхватив под локоток, в зверинец уволок, приняв по скудомии, коим страдал сызмальства, будучи покусан дворовою собакою, за купца некой гильдии из Твер-ой губернии, где, ежели верить тамошнему бурмистру, один помещанный помещик в околоточном кабаке поставил стол с ру-

леткою, до которой я, признаюсь вам, охоч – ставлю копейку, а беру алтын, а бывало, без портков уходил. Повели Фёдора Михайловича помеж клетниц, диковинных зверей показывают, хлыстами в неповоротливые туши тычут, дабы те ерзали на потребу зевакам по дощатому с прорехами полу, посыпанному как бы песком, но не песком, а как бы песком, а может и мелом, коим крупье доски маркирует.

– А что это за звер сидит? – спросил вдруг Эф Эм, глядя на зелёное бревно, неподвижное, аки бревно, совершенно, крестясь украдкой, что твоя петербургская старушка у Чёрной речки на мятежном льду кронштадтском

– Сей звер, барин, коркордил! – отвечал ему красномундирный усач, поправив норовивший сползти под брюхо ремень. – Он может без разбору слопать хоть графа, хоть мужика.

– И православного съест может? – удивился вдруг Эф Эм, вытянув из правого кармана штанов псалтирь и перепрятав оный в левый карман сюртука

– Так то ж звер! – надул щёки усач, свистяще махнув хлыстом, и добавил, – Тварь же ж неразумная...

Стушевался вдруг Эф Эм, попятился речным раком, да и кинулся прочь бежать бегом до самой Божедомки, дабы написать о страшном живоглоте рассказ, а после отнести сей рассказ брату в журнал и получить грош, а грош прокутить в кабаке с рулетками, но из уважения к уважительно относящимся к писателю господам, скажем, что на грош были

куплены пельмени и съедены без единого остатку четырнадцатого января текущего шестьдесят пятого года, в половине первого пополудни, в некой харчевне, о местоположении которой заведомо умолчим.

ГЕРАСИМ НАРВАЛ. ПЁС И ЯЙЦА. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Показали мне, друзья, одного рябого типа. Показали и говорят, дескать, человек сей ненадёжен, неблагонадёжен и пропащ.

– Куда ж он пропащ? – спросил я, разгрызая орех ёлочным щелкуном.

И порассказали мне тогда истории – одна другой хлеще.

Один раз сей тип устроил непотребную спектаклю на проспекте, вырядился павлином и вертелся под ногами добропорядочных граждан. Граждане шарахались, а ведь среди них случаются, знаете ли, грудные женщины и беременные дети!

Другой раз высыпал на голову килограмм жмыха, поправ известный добропорядочным гражданам закон, запрещающий маячить в присутственных местах лицом в пачкающей одежде.

– А вот скажите мне, пожалуйста, – остановил я рассказчиков. – Чем вообще занимается тип сей?

– О! Тип сей ввиду вопиющей необразованности прочищает канализационные трубы.

– А если бы не прочищал? Интересно, куда бы в противном случае делись ваши образованные говны? – спросил я каверзно и, не дождавшись ответов, заключил, – Что же касается рябого типа, так будь он хоть пёс, лишь бы яйца нёс.

АГНЕССА АПНОЭ. КОШЕЛЬ. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Когда-то я был весёлым и беззаботным мальчуганом, лепил в песочнице куличи и бегал босой за стрекозой. Так и бегал, пока не пришёл Умный и не сказал:

– Не к лицу Вам, мальчик, такое поведение. Вам следует исправляться и взрослеть, а то умрёте весёлым и беззаботным. А для взрослений требуются деньги. А для денег – кошель.

Послушался я Умного, вознамерился стать взрослым и купил кошель. В кошеле стали появляться разные деньги, а сам превратился из весёлого и беззаботного мальчугана в хмурого мужчину с кошелём. С утра до ночи я только и думал об том, где и как приобрести столешницу, кастрюлю и кондиционер таким образом, чтобы хватило на гарнитуру. Когда же клал в кошель ещё больше денег, то с гарнитура оставалась сдача, и нужно было думать, на что потратить её. Я думал, думал, думал. И мрачнел с каждым днём, подобно марлевому ситечку, сквозь которое процеживают черничный компот. А кошель обжигал карманы, разгоряченно шепча:

– Купи коврик! Купи тахту! Купи комод!

И тут я, раскрыв причину своей хандры, швырнул кошель в форточку.

И снова мне стало весело и беззаботно. Снова я запрыгал

по лужам и затыкал собакой из-под лавок, пугая старушек. И ничто не могло усугубить мою экзистенцию, если бы опять не пришёл Умный и не сказал:

– Не к лицу Вам, гражданин, такое поведение. Вам следует...

– Не охай дядя, на чужие недостатки глядя! – так ответил я Умному, отчего тот растаял снегами и потёк ручьями в дальние моря.

КОРНИЛИЙ БУМБАРАШ. АРБИТР. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

Футбольный арбитр Евстратий Витальевич Шип славился своей порядочностью. Порядочностью, что называется, хрестоматийной, как из рассказов, по которым детки учатся читать.

Явились как-то к нему в кабинет футболисты и предложили:

– Во втором тайме наш левый полузащитник снимет штаны и покажет филей, а ты ему – красную карточку. Мы тебе за это заплатим сто тысяч деньгами!

– Я честный судья! – гордо отвечивал им арбитр – Никогда я на такую сделку не пойду.

Во время матча левый полузащитник действительно снял штаны и показал арбитру филей. Арбитр стиснул зубы, но, памятуя о своей порядочности, карточку из кармана не вынул.

И снова явились к нему в кабинет футболисты и предложили:

– Когда во втором тайме к тебе подойдёт наш форвард и влепит шелобан, ты покажешь ему красную карточку. Мы тебе за это заплатим двести тысяч деньгами!

– Я честный судья! – заплакал арбитр, и сдержался, когда во время матча форвард подошёл к нему и нагло выписал

звонкий шелобан. Стадион хохотал. Хохотали потом и газеты, обзывая арбитра слюняем, половиком и гомосексуалистом, а какие-то шутники подменили в его тумбочке флакон с гигиенической помадой на руж буржуа пари.

Решил арбитр проучить насмешников и придумал каверзный план. И когда явились к нему в раздевалку футболисты, он уже их поджидал:

– Во втором тайме наш голкипер снимет бутсу и швырнёт оной тебе в нос, – заявили футболисты, – а ты покажешь ему красную карточку! Мы за это заплатим тебе миллион денег!

– А давайте! – согласился арбитр и взял мешок с миллионом.

Когда от удара бутсой он потерял сознание и упал на газон. Когда затрещали от хохота стены стадиона, и хохот сей подхватили газеты, телевизоры, радиоприёмники, плакаты на фонарях... хитрый арбитр, подхихикивая, уполз с поля в раздевалку, собрал чемоданы и уехал на Таити к золотокожим нимфам.

НОННА АСТРОЛЯБИЯ. СКУМБРИЯ. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Мы сидели на песчаном речном берегу и нюхали стиральный порошок, когда вылез из воды водолаз с багром и объявил:

– Налим идёт на нерест!

Наши рты непослушно расползались по щекам, но сами мы промолчали.

– Налим! – повторил водолаз. – Налим идёт на нерест! На нерест! На нерест! Налим идёт на нерест! Налим! Налим! Налим!

Тут вылез из воды ещё один водолаз.

– Стерлядь! – объявил он и едва увернулся от страшного удара багром. – Стерлядь! – он выхватил из-за пояса кортик и набросился на первого водолаза.

Наши ноги растекались горячим вареньем по песку, и мы оставались на месте.

– Налим! – вопил первый водолаз, размахивая багром.

– Стерлядь! – возражал второй водолаз, поигрывая кортиком.

– Скумбрия! – раздалось вдруг из воды. Водолазы разом обернулись, совершив тем самым роковую ошибку. Две тя-

жёлые корабельные цепи со свистом обвили их шеи и опрокинули их туши.

Наши сердца стучали всё медленнее и медленнее, пока вовсе не остановились. И мы умерли, пожалев напоследок о том, что порошка оставалось достаточно для того, чтобы долететь до Магелланова облака.

ВОЛЬФ ГОЛЬФ. ВЕЧНЫЕ ДЕТИ. ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

В детстве я боялся повзрослеть, потому что взрослые люди казались мне сошедшими с ума. Они ходили в скучные магазины, обсуждали тряпки, забирали ягоды в банки вместо того, чтобы эти ягоды класть в рот, заклеивали стены бумагой, дарили друг дружке кусты с шипами, завидовали соседям, пили мразотные жидкости, обсуждая при этом их вкусовой букет.

– Вот когда подрастёшь, тогда и поймёшь – назидательно увещевали взрослые.

Но с годами росло только моё непонимание.

– Ах, как же мы устали! – говорили взрослые люди, возвращаясь с работ и заламывая руки.

– Зачем же ходить на работу, от которой устаёшь? – смеялся я.

– Вот когда пойдёшь на работу – узнаешь! — запугивали меня взрослые люди.

Я вырос окончательно и стал работать. На работах делать было нечего, поэтому я стал писать книги, картины и симфонии.

– Вот если б тебе настоящую работу с настоящими деньгами, тогда б ты узнал, почём нынче фунт! – говорили мне взрослые люди.

– Но денег, коих мне выдают, вполне достаточно. Даже представить не могу, куда их потратить, ежели их станет больше! – смеялся я.

– Денег никогда не бывает много! – говорили взрослые люди, и даже самые богатые из них глотали при этом ибупрофен. Чем старше становились взрослые люди, тем сильнее их раздражала детская праздность. Они ругали детей за непослушание, неуважение и невоспитанность.

– Почему вы мстите и завидуете тем, кто ещё не утратил утраченное вами? – спрашивал я у взрослых людей.

– Когда состаришься, тогда узнаешь! – говорили взрослые люди и умирали один за другим.

Состарился и я. И умер прямо там, на краю пропасти, глядя на вечных детей, игравших в ржаном поле.

ОГАНЕЗ БАКЛАЖАН. ГАМАК. ДЕНЬ СЕМИДЕСЯТЫЙ

В полуденном саду среди сонных вязов висел гамак, а в гамаке лежал господин и играл с облаками. Ватные хлопья шуршали по синеве, гонимые ветром на восток, плавно меняя свои очертания. И вот уже из бесформенных хлопьев вытягивал шею белый жираф, у ног которого застывал в порывистом прыжке кролик, за кроликом катилась карета с кучером – его плеть огибала небосвод до линии горизонта, где...

– Что за грязь! – заворчал кто-то рядом. Господин обернулся и увидел на крыльце дома женщину в фартуке, которая согнувшись подобно поросёнку, жующему комбикорм из корыта, вытирала линолеум половой тряпкой. Покончив с уборкой, она ушла в кухню звенеть сковородками и кастрюлями:

– Сколько же это будет продолжаться! – заплакала она, сняла фартук и пропала.

Господин снова направил взгляд в небо. Жирафа с зайцем след простыл – на их месте теперь возвышалась белая башня с флагами и колдуном, простиравшим руки к солнцу. Над башней кружил крылатый дракон, а где-то у линии горизонта...

– Как не стыдно тебе лежать и ничего не делать?! – завор-

чал кто-то над ухом.

Господин обернулся и увидел другую женщину, которая, будучи удостоенной вниманием, принялась колотить стеклянную посуду.

Один из осколков попал ей в ноздрю, и она заплакала.

– Больше ты меня никогда не увидишь! – топнула каблуком женщина и пропала.

Господин пожал плечами и собрался было продолжить игру в облака, которые перисто разбегались павлиньим хвостом, как окружающий мир резко качнуло и повело в стороны, потому что третья женщина, сладострастно воя, норовила залезть в гамак, но не удержала равновесия и брякнулась о булыжники. И санитары увезли её в жёлтый дом.

А мужчина так и остался лежать в гамаке, играя с облаками.

УНДИНА ЖЕРЕХ. ТАРАКАНЫ. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Третий день кряду город тонул в непрекращающемся ливне. Меж домов бурлили реки, а в квартирах текло по обоям. Когда миллиардная падающая с потолка капля пробила кухонный плинтус, образовав дыру, из той дыры выполз таракан-лазутчик. За ним – таракан-советчик. За советчиком – тараканы из отряда по зачистке территории, потом – тараканы-поселенцы, а уж после них тараканы-министры вынесли толстого императорского таракана

– Дай нам жильё! – попросил тараканий народ, молитвенно подгибая лапки.

Министры зашептались, императорский таракан кивнул, и принесли народу радиоприёмник.

– Дай нам еду! – заверещал тараканий народ, шевеля усами.

Министры зашептались, императорский таракан кивнул, и принесли народу мешок крупы.

– Дай нам гадить где ни попадя! – запрыгали тараканы.

Разозлился императорский таракан и повелел он своим солдатам проучить тараканий народ:

– Приказываю всех посадить в спичечные коробки, а коробки с особо буйными – поджечь!

Но тараканьего народу оказалось больше – солдаты им-

ператора позорно бежали под плинтус, а царственная особа была свергнута и предана казни путём смыва в ржавый рукомойник.

– Вы теперь свободный народ! – закричал тараканам новый вождь – Теперь вы можете гадить где попало и где ни попадя! Ура!

– А крупа? А жильё? – зароптал тараканий электорат, угрожающе щёлкая челюстями, однако вождь невозмутимо продолжал о добром, разумном и вечном.

В момент назревания бунта кухонный космос озарился ярким потусторонним светом. И явился над тараканьим полчищем помятый дядя Юра в трико, который случайно раздавил вождя резиновым тапком.

– О, великий! – воздел лапки к потолку тараканий электорат – В сей смутный час пришёл ты к нам, чтобы дать новый радиоприёмник и новый мешок с крупой!

Дядя Вася уныло осмотрелся, почесал пузо и потравил всю эту дрянь.

МАКАР КОЗЛИК. ВОЛЫНЩИК И ГУСЛЯР. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

Бродили как-то по земле два друга-музыканта. Один играл на волынке, а другой – на гуслях. Днём они плутали по лесным чащобам, собирая грибы да ягоды, а к ночи, выйдя в поле, разводили костёр, доставали из мешков инструменты и начинали играть. О, как они играли! В тёмных лесах замолкали соловьи, тихо плакали невидимые ветры, резвившиеся на лугах, и даже звёзды подбирались ближе, становясь ярче и заливая поле белым светом, чтобы услышать, как два музыканта мычат свои бессловесные песни.

Но вот пришла зима. Грибы да ягоды ушли под землю, птицы улетели к южному океану, звёзды потускнели, лишь озлобившиеся от нахлынувшего одиночества ветры срывали с деревьев последнюю листву.

В лесу стало холодно, голодно и пусто. Запечалились музыканты, закручинились, пробовали было поиграть музыки – пустое; лишь мёртвое эхо вторило им. И пошли они тогда куда глаз глядит, а глядел их глаз в сторону зарева алого на горизонте – то был город-городок, в котором они никогда ещё не бывали.

Пришли музыканты на городскую площадь, уселись

на бордюры, и давай играть. Час играют, другой. Тут уж толпа понабежала разномастная: ребятишки малые, гусары удалые, нищие с кружкой, бабы с кадуской, попы с бородой, купцы с мошной, праздные зеваки и пьяные гуляки. На музыкантов глядят, а денег давать не хотят. Подходит к музыкантам местный бакалейщик и говорит:

– Господа трубадуры, сделаем так – вы мне пастурель про бублики, а я вам – алтын!

Смутился волынщик, не хочет про бублики играть, а гуслиар, завидев алтын, кивает, за струны дёргает и кричит на всю площадь:

Коль есть тугрики,
Будут бублики!
А без тугриков —
Дыры от бубликов.

Отошёл волынщик в уголок, прислонился к стенке и, скрестив руки, стал наблюдать за гуслиаром. А тот всё распинаятся, что твоя гуттаперча. И поросём на потребу свинару визжит, и грязью на потеху зевакам умывается, и голый зад газетчику кажет, и монетки в шапку собирает, и волынщику подмигивает:

– Смотри, дружище, талант мой люди уважают! Даже мой зад в газетке напечатали!

Плюнул волынщик и побрёл прочь. А гуслиар – в кабак. Проснулся на утро гуслиар среди уличных мусоров – спина

болит, голова трещит, в животе урчит, в кармане ветер свистит. Отправился он в кабак, где прошлым вечером гулял на пропалую и попросил халдея налить ему опохмельную. Покрутил ус халдей и спрашивает:

– А кто ты такой, чтоб тебе опохмельную давать?

– Я гусяр! – стучит по прилавку гусяр и замечает гантельного молодчика.

– Слышь ты, композитор! Чапал бы отсель, пока твоему баяну мехи не поотрывали – говорит тот, хлопая музыканта по плечу.

– Какой же я боянщик? – плаксиво возмущается гусяр – Я гусяр! Про меня даже в газетке написали!

– Часом, не в той газетке, что в отхожем месте в рулон скатана? – хохочет молодчик, затем хватает гусяра за шкуру, волочит к дверям и пинком под зад выталкивает на улицу. Полетел горе-музыкант аки птах, ударился головой о мостовую и душа из него вон. Лежал он так недолго, потому что вскоре дворник вымел брентную тушку за городскую черту, где её обнаружил друг-волынщик.

Загрустил волынщик, поднял на музыканта на руки и отнёс в поле. Там и похоронил, а сам сел подле могилки, достал волынку и замычал безмолвную песнь. Песнь о том, как в тёмных лесах замолкали соловьи и тихо плакали невидимые ветра, ползущие среди трав, и о том, как звёзды подбирались поближе, становясь ярче и заливая поле белым светом, чтобы услышать, как два музыканта пели земле свои песни.

ОТТО ФРУКТ. МУХИ. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Весёлый поэт стоял у окна, глядел, жмурясь, на белое солнце, и сочинял стихотворение о том, как хорошо на белом свете живётся поэту, как радуется его солнушко, небушко, пташко и деревошко. Вдруг в форточку влетела муха, мелкая, вертлявая, надоедливая. Закружила по комнате и зажуужала так противно.

– Вжжж! – насмешливо сказала муха, спикировав на подоконник.

– Где плагиат? – возмутился поэт. — Может, мой поэтический дар и не ахти, но всякое явление радует меня, щекочет темечко и льётся ручейком весенним песнь по камушкам рифмованных слогов.

Тут в форточку влетела вторая муха и нагло устроилась у поэта на ладони

– Вжжж! – раздражительно сказала вторая муха, покрутив вспученными глазами.

– Кто невежа? – поэт соскочил с подоконника и зашагал по комнате, размахивая руками. – У меня образования имеются! Я книги умные читаю! И представьте себе, пишу! А вы? Вот вы, мухи, чем можете похвастать? Только жуужать и способны. Покажите хотя бы стишок, который сами написали! Али мыслишку какую, только чтобы свою? Нет

и нет. Нет у вас ни стишков, ни мыслишек.

Третья муха влетела в форточку, подобралась к поэту и уселась прямо на его поэтический нос.

– Вжжж! – угрожающе сказала третья муха.

– Да как вы смеете обвинять меня в равнодушии, мухи?! – заплакал поэт. – Злые, гадкие мухи! Я вам сейчас покажу всю бесчувственность своей души!

С этими словами поэт снял с пояса ремень, скрутил оный в петлю, закинул на дверной косяк и повесился.

И мухи принялись за дело.

АЭЛИТА ПАЛИТРА. SUUM CUIQUE. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ

Жил да был человек, который боялся времени. Время пугало его тем, что постоянно куда-то уходило. Чтобы не упустить время, человек задумался об экономии. Год потратил на то, чтобы научиться быстро читать; ещё год на то, чтобы научиться быстро писать; ещё два года на то, чтобы быстро есть, и три года на то, чтобы быстро думать. Однажды к нему пришла молодая барышня:

– Я искала человека и теперь нашла его! – воскликнула барышня. – Помоги мне развести огонь в семейном очаге, чтобы наше будущее чадо пребывало в сытости и тепле.

– Поди прочь, женщина! – отмахнулся от неё человек. – Ты способна лишь пожирать моё время, убивать творческий потенциал крышкой от сковороды и заглушать зов моего подсознания ором грудника.

Ничего не ответила на это женщина и выпала из жизни человека навсегда, а сам человек стал думать о пользе потребляемой пищи. Год он потратил на то, чтобы вычислить оптимальное соотношение жиров, белков, углеводов, витаминов, микроэлементов; ещё год на то, чтобы определить необходимое количество калорий на собственную тушку; ещё два года на то, чтобы составить ежедневное меню согласно полученной диетической схеме, и ещё три года на то, чтобы к этому

рациону привыкнуть.

И вот заглянул к нему сосед:

– Я решил разбить под окнами сад, – сказал сосед. – Помоги мне посадить деревья, тени которых принесут нам в старости отдохновения и улады.

– Поди прочь, глупец! – засмеялся человек. – Что мне твой сад, когда в душе моей прорастают семена высшей улады?!

Сосед покачал головой и ушёл копать ямы для деревьев, а человек стал думать о гармонии помещения, в котором обитал. Год он потратил на то, чтобы изучить положительные и отрицательные качества энергии Ци, которой обладало пространство, окружающее дом; ещё год на то, чтобы составить карту блуждающих звезд Саньюань; ещё два года на то, чтобы расставить тумбочки согласно сторонам света, и три года на то, чтобы научиться не разбивать лоб о книжный шкаф, стоявший поперёк ванной комнаты. Однажды к нему пришли строители:

– Мы строим дом, потому что этот уже прогнил, – сказали строители. – Помогите нам построить новый дом, в котором будет светлее и свободнее.

– Когда же вы, наконец, оставите меня в покое?! – рассердился человек. – Что вы, простые люди, знаете о свободе и просветлении?!

Сказал он так и уехал в Китай, где, взобравшись на китайскую стену, обрёл тишину грома и ринулся с головой в без-

донные пропасти дзен-буддизма.

Прошло ещё несколько лет. Всё это время человек сидел на стене и ждал просветления. Но никакого просветления не наступало – только волосы побелели. Тогда человек слез со стены и вернулся в родной город.

Что же увидел он, вернувшись в город? В садах играли чужие дети и росли чужие деревья, а окна в домах горели тёплым, но чужим светом. Всё было пронизано звенящей радостью, такой далёкой и недоступной, что человек присел на лавочку и заплакал о бесцельно прожитой жизни.

А вокруг разносился детский смех, смешанный со вкусом спелых яблок и запахом горячей еды. Тут человек почувствовал, как что-то мягкое коснулось его ног. Он посмотрел под лавку и увидел маленького пушистого котёнка, который круглыми глазами-полушками смотрел на него.

– Эх, ты, котейка... – человек погладил котёнка за ушами, взял на руки, поднялся с лавки и направился к линии горизонта по дороге из жёлтого кирпича.

ЗУЛЬФИЯ РВАЧ. ДУХОМ И ОКОМ. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Жил в роскошном особняке один богатей. А богатеем он сделался, потому что держал в сибирях алмазную трубку и нефтяную губку, и с оных имел доходы. На доходы покупал краски, кисти и холсты, ибо от скуки хотел художником стать. И стал бы, но жена всё твердила, мол, по миру пойдём с такими намерениями. Смурнел богатей, слыша такие пророчества, поднимался на веранду стеклянную и рисовал. Рисовал по три медведя, по три черепахи, по три банана.

И мечтал сбежать в Париж.

Возле роскошного особняка, в маленьком подвальчике обитал дворник-нищоброд, который каждое утро подметал хозяйские садовые дорожки, а в остальное время сиживал в подвале, малюя картины углём на дерюжках. То десять прекрасных дам нарисует, а то и и пятнадцать голых баб намалюет. Но скучно было жить ему дворником – хотел он богатеем стать. И стал бы, но жена твердила, мол, нечего менять дары природные на яхонты нечистотные.

Так и жили художники, завидуя друг дружке, но никогда в этом не признаваясь. Выйдет частенько богатей из дому, застанет дворника и давай его журить:

– Не далёк, братец, день, когда околеешь ты из-за принципов своих. Кто же тогда будет картины вместо тебя писать?

– Ой-ой-ой! Это кто мне такие слова говорит?! – подбоченясь, возражал дворник – Тебе, поди, за пузом своим холста не видать!

– А вот сквозь твоё пузо холст очень хорошо видать. Гляди-ка, всё просвечивает.

– Ты это брось, а то не погляжу, что ты барин, а я татарин. Вот огрею по спине метлою!

– А давай-ка устроим биеналю! – говорит примирительно богач – Позовём толмачей, а те уж растолкуют об том, насколько благотворно действуют атмосферы обитания на творчества наши.

Дворник согласился. Открыли, значит, во флигеле биеналю, картины развесили, а сами по углам расселись, друг на друга искоса поглядывают, хитровато улыбаются, дескать, сейчас кого-то под орех.

Явился на биеналю профессиональный критикан-кретикан, плюгавый, уши враслопырку, нос торчком, а палец крючком. Всюду пальцем кривым тычет и гаденько так талдычит:

– Это что же за новоиспеченный Вангог, Гог и Магог? – спрашивает критикан у художников, указывая на полотна богатея – Копейки за душою у горемыки нет, а всё в рисовальщики метит. Лучше б шёл на заводы к печам мартеновским чугуны во благо родины лить!

Затем принялся тыкать в полотна дворницкие:

– Ишь ты! А от этой мазни за километру чую подво-

хи негоцианта-пройдохи! По всему видно, что миллионщик с жиру бесится. Культурки захотелось, ага. Око, понимаешь, и дух заговорили, ага. Такие маляки любое чадо несмышлённое в детском саду напырскает из чернильницы.

Переглянулись художники да как набросятся на критикана. И давай того лупить по всем доступным и недоступным местам, приговаривая:

– На, хлыщ! Получи! Будет тебе и око! Будет тебе и дух!

Так бедолагу отмутузили, что из него и вправду чуть дух вон не вышел и око едва не выпало. Потом стряхнули пыль со штанов, пнули напоследок мешковатого критикана и, обнявшись, отправились в ресторацию глушить французский коньяк с воблой во славу высокого искусства.

ЮСТИНИАН МОНЕТА. МАНИАК. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Жил у нас во дворе человек Арсений Филиппович Подвороткин. Арсений Филиппович был маньяком и ел людей. Спрячется в переулок, притаится и выжидает, пока какая-нибудь краля не процокает. Он её – хватать! – и в подворотню.

Соседи про привычки Арсения Филипповича знали, а дети, бывало, даже дразнились. Вот так:

Подвороткин-лопушок,
Ну-ка, скушай мой кишок!

Или так:

Подвороткин-дурачок,
Ну-ка, скушай мой почок!

И даже так:

Подвороткин-нетопыр,
Ну-ка, скушай мой пузырь!

Очень обижался на детей Арсений Филиппович, но ничего не мог поделать, потому что чуть начинало смеркаться,

как детей звали в дома делать уроки, смотреть хрюшу и ложиться в люльку.

Приходил к Подвороткину пожарный инспектор. Приходил и говорил, что Арсений Филиппович представляет собой латентный источник возгорания, потому что своим поведением провоцирует народы на разжигание народных смут. И предлагал поставить Арсения Филипповича на учёт. Подвороткин же отвечал, что чихать хотел на все учёты, и однажды съел пожарного инспектора.

Приходил к Подвороткину милиционер. И бранил милиционер Подвороткина, и стыдил, дескать, есть людей поедом – неприлично и даже, в некоторой степени, негигиенично. Не послушался Подвороткин и слопал милиционера.

И дворника сожрал, который пожаловался управдому на то, что Арсений Филиппович третьего дня разбросал чей-то ливер по закоулкам.

А когда управдом решил выселить Арсения Филипповича из квартиры, употребил и управдома.

Возмущённая общественность в лице членов квартирного профсоюза устроила собрание, на котором постановили Арсения Филипповича линчевать, но Подвороткин съел всех членов квартирного профсоюза.

Да что там профсоюз! Я вот начал писать рассказ про Арсения Филипповича, так он и меня съел. Потому рассказ и остался незаконченным. И никто уж никогда не узнает, была ли в нём мораль.

ЮСТИНИАН МОНЕТА МЛАДШИЙ. ПЕК И ХИЧКОК. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

В 1947-ом году известный режиссёр Альфред Хичкок, известный своей фантазией и проницательностью, снял известный художественный фильм под названием «Дело Парадайн». В фильме сём блистательный Грегори Пек не менее блистательно сыграл блистательного адвоката Энтони Кина, который влюбился в подозрительную барышню, подозрительным образом замешанную в подозрительном деле об убийстве ейного мужа при подозрительных обстоятельствах. Вот так. Однако Хичкок при всей своей проницательности не мог и представить, насколько сильно сей фильм подействует на молодого господина, об котором и пойдёт речь в моем рассказе.

– О, как же здорово быть юристом! Вот был бы у меня диплом... – подумал молодой господин, сидючи во мраке кинотеатра и жуя горелый кукуруз.

Подумал и подал документы в университет на юридический факультет, где ему по истечении пяти лет был вручен диплом. Но не грел диплом сердце молодого человека, ибо превратился наш герой в дипломированного юриста, и нечего ему стало больше хотеть.

– О, как же здорово быть торгашом! Вот были бы у меня капиталы и нефтяные каналы! – замечтался дипломированный юрист и стал вкалывать, что твой крот, покуда не нажил барыш. Но не грел барыш сердце, ибо на сей барыш можно былокупить всё, и нечего стало больше хотеть.

– О, как же здорово быть писателем! Был бы у меня печатный станок, пишущий машинок, пистельский очок и культурный багажок! – подумал торгаш, купил станок, машину и очки и принялся читать всё подряд. Он перечитал собрание сочинений Любомудрова, антологию философских трактатов Правдомыслова и томик притчей сказочника Угадаева. Его даже прозвали энциклопедическим ходоком. Но не грели знания сердце, ибо постиг господин все тонкости словесные, а об чём писать не знал. Об чём писать, ежели обо всём уже давно написано.

– О, как же здорово быть музыкантом! Был бы у меня варган, орган и барабан! – подумал ходок и скупил всевозможные гудели, пыхтели и шумихи ручной работы великих итальянских мастеров. Но не грели сердце сии гудели, ибо никак не мог сложить господин из них пьеску.

– О, как же здорово быть художником! Были бы у меня мольберты, палитры, холсты, холодильники пусты и одежда в лоскуты! – подумал музыкант и обменял имущество на мольберт и краски. Но не грел сердце пыльный мольберт и не пахли потрескавшиеся краски, ибо не видел господин вокруг столь дивных красот, кои непременно хотелось бы

изобразить.

– О, как же здорово быть отшельником, посвящая жизнь очищению от скверны бытия! – подумал художник, но только собрал вещи, дабы уехать в Китай, как пришёл к нему небесный монтажник и рассказал историю о старом маразматике, недавно вернувшемся из Китая.

Загрустил художник и решил уйти в сторожа. Впрочем, сие ему тоже не удалось, ибо последняя вакансия была занята полоумным милиционером. Тогда художник устроился киномехаником в местный кинотеатр, дабы крутить гениальный фильм гениального Альфреда Хичкока о гениальном адвокате Энтони Кине, коего сыграл не менее гениальный актёр Грегори Пек, царство ему небесное...

ХОДЖА ЗЕМЛЕРОВЕВ. ПРОБЛЕМЫ. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Один сталевар, член профсоюза и ударник труда, сильно раздосадованный поведением начальства, которое на три месяца задержало зарплату, влез на дерево возле управления заводом и отказался с него слезать.

– Не слезу! – говорит. – До тех пор не слезу, покуда не выдают мне кровные гульдены, квартиру о четырёх комнатах, годовую подписку на журнал «Технология силикатных и тугоплавких неметаллических материалов» и розовый кадиллак для моей старой мамы.

Вокруг толпа собралась невероятная: милиционеры с дубинками, врачи с носилками, пожарные с сифонами да психиатры с мегафонами. Орут-кричат, сталевару слезать велят. Сталевар слезать не собирается. Как решили сию проблему? А вот как!

Проходил мимо начальник важный, злющий страшно. Увидел на дереве сталевара и приказал своим секретарям уволить сталевара, в результате чего последний слез с дерева и убежал домой, чернея от стыда.

Один человек ощутил одиночество индивидуума в современном мегаполисе, сходил в цветочный магазин и купил горшок с цветком. Купил, а полить забыл – цветок и высох. Тогда человек вернулся в цветочный магазин, купил кактус,

стал поливать его ежечасно – кактус сгнил. Как человек решил сию проблему? Он повыдергивал сухие цветы и гнилые кактусы и стал дружить с горшками, которые не гниют и не сохнут, сколько их ни поливай.

Когда-то очень давно слышал анекдот про человека, который приходил в храм и молил бога об том, чтобы тот позволил ему выиграть в лотерею автомобиль. Каждый день бился лбом об амвон и молил-молил-молил. Всех утомил. И жрецов и ангелов с небесов. Обратились ангелы к богу с просьбой помочь бедолаге. А бог им отвечает, что человек этот его самого порядком достал, и помочь бы рад, да не может, потому как дуралей даже лотерейного билета до сих пор не купил.

Мораль бесстыже проста: ежели есмь проблема, то проблема сия – не проблема, но задача, и надобно эту проблему решать. И ежели нерешаема, то сие – не проблема, а обстоятельство. Тут уж ничего другого не останется, как лечь на топчан и храпом сотрясать стены.

ЮСТИНИАН МОНЕТА СТАРШИЙ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОДОЛЖЕНИЙ. ДЕНЬ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

Ещё одну, да? Последнюю. Честно.

Один господин жил на помойке, вонял отходами и плакал.

– Как же я вонюч! Как же я смердюч! Вот жил бы на острове Пасхи, были б не жизни, а сказки.

Налетел откуда ни возьмись ураган – и унёс господина на необитаемый тропический остров. Умылся господин в океане, скушал финик, поиграл с обезьяной, почесал пузо и разлёгся под пальмой. На следующий день господин вновь купался в океане, кушал финики, играл с обезьяной, чесал пузо и валялся под пальмой. Через неделю ему сие однообразие проело плешь так, что он забыл лечь под пальму и получил солнечный удар.

– Как же мне душ-ш-шно! Как же мне скуш-ш-шно! – взвыл господин, пнув обезьяну. – Вот жил бы в Антарктике, и ничто б меня не парило!

Налетел вдруг ураган – и унёс господина на Северный полюс. Построил господин снежный дом, поужинал толчёным китовым усцом, закусил тюленьим жирком и лёг спать. На утро же замёрз он собакой, чуть не околел.

– Ох, колотун! Ох, морозун! – стал ныть господин – Вот

жил на помойке, горя не знал, пусть и неумытый, зато всегда тёплый и сытый.

Тут ветер разозлился и зашвырнул господина обратно на помойку. Обрадовался господин, ибо все мусоры, грязи и дряни показались такими родными, что зарылся он в них по уши, аки поросся, и уснул. И приснился ему сон об том, как ассирийская царица Шаммурамат собирает в саду висячем виноград.

МЕРСЕДЕС УЛИТКА. ДОКТОРЫ И ДОКТОРА. ДЕНЬ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ

У одной бабушки по осени начались хвори, из носу потекло, а в горле завёлся перш. Записалась бабушка на приём к отоларингологу, сидит-посидит, очереди ждёт. Отоларинголог в это самое время был занят тем, что пытался извлечь маятник, застрявший в ухе у часовых дел мастера. Как же он маялся! И щипцами лез, и пинцетами, и ланцетами – никак! Хотел пальцами достать – сломал пальцы. И пошёл к хирургу.

Хирург хотел осмотреть пальцы, но повредил оными собственный глаз и пошёл к окулисту. Окулист хотел закапать глаз каплями, но лизнул пипетку, отравился и пошёл к токсикологу. Токсиколог так распереживался, аж сердце прихватило, и пошёл он к кардиологу. Кардиолог патологий не обнаружил, но хотел шандарахнуть дефибриллятором для профилактики, но его самого ударило током и он впал в кому. Отвезли его к реаниматологу. Реаниматолог разнервничался и пошёл в аптеку за таблетками. Но в аптеке никого не оказалось, лишь на окошке висела табличка с надписью «Ушла к отоларингологу».

Реаниматолог вернулся в кабинет, подсунул кардиологу

нашатырь и сказал:

– Увы.

Кардиолог вышел из комы, вернулся в кабинет и сказал токсикологу:

– Увы.

Токсиколог выпил валерьянки, вернулся в кабинет и сказал окулисту:

– Увы.

Окулист проглотил активированный уголь, вернулся в кабинет и сказал хирургу:

– Увы.

Хирург поморгал, помигал, вернулся в кабинет и сказал отларингологу:

– Увы.

Отоларинголог взял эспандер, вернулся в кабинет и сказал часовых дел мастеру:

– Увы.

Часовщик с маятником в ухе вышел из кабинета и сказал бабушке:

– Увы.

Бабушка хотела было вернуться в аптеку, но наступил обеденный перерыв и пошла она в больничный парк кормить хлебушком голубей.

СИМБИР ЖЕРНОВ. ОХОТНИК. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Родился однажды на свете самый обыкновенный человек. Родился и вырос. Вырос и начал учиться. Выучился и стал работать. Заработал денег – купил дом. Купил дом – завёл в доме мебель, холодильник, плиту, стиральную машину, сантехнику, жену, детей. Завёл он всё это и стал жить. Но не жилось отчего-то самому обыкновенному человеку, потому что у самого обыкновенного человека была мечта – стать охотником. Решил он выписать журнал об охоте, книжки всякие про зверьё купить и тетрадку для дневника охотничьего.

Собрался было в книжный, да жена из кухни кричит:
– Креста на тебе нет! Ты бы сначала детей спать уложил!
Сколько можно над нами издеваться?

Вздыхнул обыкновенный человек и отправился в детскую комнату, где, присев рядом с кроваткой, запел:

Баю-баюшки, баю
Не ложися на краю.
Если прибежит газель,
То получит в лоб шрапнель.

Грудники засыпали в кроватке, а обыкновенный человек

прислушивался к ночным шорохам. И слышались ему в ночи: стук сердца в груди гепарда, летящего над саванной, и шелест ушей африканского слона.

Пришли как-то раз к обыкновенному человеку обыкновенные друзья. И позвали друзья его на пикничок-шашлычок в загородный лесок. Собрался он, стало быть, в лесок, да жена из кухни кричит:

– Что за наказание такое! Нажрёшься! Сходи-ка лучше в гастроном – детям еды принеси.

Вдохнул обыкновенный человек и отправился в гастроном за едой. И мечталось обыкновенному человеку по пути в гастроном, что вернётся он домой, а в доме камин чадит. А над камином ружьё висит, а над ружьём – голова вепря скалозубого. Представил, как skinет подле огня сырые бо-лотные сапоги, а сам развалится перед камином в кресле-качалке, закурит трубку и расскажет детям об том, как едва не был съеден свирепым гризли.

Но выросли дети, выучились, пошли работать, завели дома, детей, холодильники. И решил тогда обыкновенный человек купить себе камуфляж, коньячный фляж, рюкзак, ножик-тесак, ружья и флажки, приманки да манки. Собрался, стало быть, в охотничий магазин, да жена кричит из кухни:

– Куда тебя несёт, старый пень?! Ты о детях подумал?! Им ещё жить и жить. Сходи-ка лучше в банк – пенсию на книжку положи.

Вдохнул обыкновенный человек и отправился в банк.

Только по дороге прихватило сердце, инфаркты с инсультами сшибли с ног на тротуар и сомкнули веки его навечно. А вокруг люд столпился. Что делать? Надобно хоронить.

Явились тогда жёны, дети, мебель, холодильники, плиты, стиральные машины и вся сантехника, отнесли обыкновенного человека на кладбище, зарыли в землю и давай оплакивать. Но никто из них и подумать не мог, что где-то невообразимо далеко, за пределами их обыкновенного мира, спит в высокой траве охотник...

И откроет он глаза.

И увидит он гепарда, летящего над саванной.

И увидит он африканского слона, трубным зовом встречающего рассветное солнце.

ВИЛЕН ГОРАЗД. СЛУЧАЙНОСТИ. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

Один славный комбайнёр, удостоенный всевозможных титулов и званий, орденов и медалей, поехал в областной центр получать грамоту, а, вернувшись, увидел, что ржаное поле, обещавшее дать рекордный урожай, одолел паразит.

Завёл комбайнёр могучий комбайн, да и поехал собирать уцелевшее. Но паразит был хитёр: залез он в нутро гигантской машины и заразил нутро своими выделениями. Закашлял могучий комбайн, задымился, встал поперёк гряды, признаками жизни ни на какие действия не реагирует.

Махнул рукой комбайнёр, закрылся в доме и запил. И больше в его жизни не произошло ничего, о чём стоило бы рассказать.

Один славный астрофизик гордился своим астрофизически структурированным умом. Говорил даже, что организм его на семьдесят процентов состоит из мозгов, а на остальные тридцать процентов приходятся нервные волокна, которые мозговые отделы объединяют.

Проснулся однажды астрофизик и обнаружил, что всё вокруг, буквально всё, стало полиэтиленовым: и мебель в квартире полиэтиленовая, и свет солнечный из полиэтилена, и полиэтиленовая вода из полиэтиленового крана, и полиэтиленовые дети заглядывают в полиэтиленовые окна.

Страшно стало астрофизику. Вышел он на полиэтиленовую улицу и начал искать ответ. Но ответы, которые он находил, были сплошь из полиэтилена, который плавился и сжимался, сгорая в огне безупречной логики астрофизического ума.

А между тем ум разрастался от скопища нерешённых задач: рос вширь и вдоль, пока не стало ему тесно.

Тогда ум вышел на волю и сгинул в бардо, оставив после себя лишь кусок грязного полиэтилена, втопанного в асфальт. И больше в жизни славного астрофизика не произошло ничего, о чём стоило бы рассказать.

Однажды Румпельштильцхен забыл своё имя.

И больше в его жизни не произошло ничего...

ЕПИФАН ПРИЗМА. МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Когда-то они увидели мир, и мир этот казался бескрайним океаном с берегами, которых не существовало.

Когда-то они чертили мелом на доске первые слова, и слова эти были просты и понятны, как мартовский паводок.

Когда-то они гуляли по сумрачным аллеям, держась за ручки, и неумолимое будущее искрилось из-под двери.

Когда-то они смотрели на солнце сквозь полупрозрачную листву.

Когда-то они стояли на железнодорожной платформе в ожидании поездов, следующих по всем направлениям.

Когда-то они верили в то, что можно изменить время, не зная, что время никогда не меняется.

Когда-то.

Теперь они верят в то, что на улицах, по которым они добираются до дома, не будет пробок.

Теперь они носят солнцезащитные очки.

Теперь они едут в метро, заштриховывая клетки в японском кроссворде, словно дни собственной жизни в календаре.

Здесь каждое утро просыпаются, чтобы прожить один

и тот же день.

Утренний чай. Черно-белая смурь. Небо такое же серое. Оно теперь всегда серое, серое безоблачное небо и серое солнце.

Впрочем, они никогда и не смотрят в небо. Они разговаривают, жалуется, смеются.

Ещё один день.

Ещё одно кино.

Ещё один человек.

Ещё один килограмм помидоров.

Ещё один ребёнок.

Ещё одна книга.

Ещё один футбольный матч.

Ещё один кроссворд.

Каждое утро они просыпаются, чтобы прожить один и тот же день.

Но меня здесь нет.

ЛУКЕРЬЯ ПОТРАЧЕНА. ПОДВАЛЫ. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТЫЙ

Она любила солнце. Белое, как антиблошиный костюм. Чистое, как респиратор. Она спускалась в чумную сырость подвала, а старухи шептали ей вслед. Проклинали за отравленных котят. Самих котят старухи не брали – нечего заразу в дом тащить – подкармливали колбасными плёнками да требухой. И жалели.

Держа дуло распылителя наготове, она шлёпала по лужам с застоявшейся водой. Капельки ядов оседали на скользких, поросших грибами стенах. Но ни грибы, ни крысы, для которых были предназначены яды, не погибали в муках. Крысы даже питались отравой, слизывая со стен ядовитый конденсат. Они пришли в подвалы из неизвестного научно-исследовательского института за оврагом. Цветные, словно игрушки из детского магазина, крысы выглядели вполне безобидно, когда она приблизилась, чтобы получше рассмотреть их.

Крысы набросились на неё, ведомые неким древним заговором, который помнили только старухи у подъезда.

А может их привлёк аппетитный запах резины.

Мы об этом уже не узнаем.

АСТРИД ШЕПТУН. ЧЕРВЬ. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Пошёл мужичок на рыбалку, а в доме оставил грудника. Грудник обрадовался и давай проказничать: то собаку на крюк повесит, то таракана съест, то петуху шею своротит, то кастрюлей козлу по рогам, хохоча, настучит.

Но наскучили груднику проказы и стал он шарить по углам. Нашарил в одном углу банку, которую отец забыл на рыбалку взять. Открыл банку, а в банке – червь! Извивается кольцами, багровой синевой блестит, сипит и в рот детский лезет. Заверещал со страху грудник, полез в люльку, а червь за ним – в люльку заполз и елозит. Грудник из люльки выпрыгнул, пополз к собаке.

– Собачка-собачка! – плачет грудник – Спаси меня от червя слизнявого!

Но мотает собака мордой, будто не признаёт.

Грудник к тараканам:

– Таракаша-таракашки, спасите меня от червя людоедского!

Но бегут от него тараканы в щель и усами оттуда шевелят.

Грудник к петуху:

– Петя-петушка, спаси меня от червя сосущего!

А у того – шея набекрень и глаз мёртвый в потолок.

Грудник к козлу:

– Козлик-козёлик, спаси меня от червя пиявошного!

Но козёл испугался, что опять кастрюлей в рог получит, прыгнул через окошко – и в лесок!

Завыл грудник протяжно, аки в трубу, так завыл, что стало слышно на озере, где отец водку с рыбаками пил. Прибежал отец в деревню, ворвался в дом и убил червя.

После случая сего мальчик исправился, не хулиганил больше, а когда вырос большим, стал дьяком.

ХО СУЛАВЕСИ. КРАБ. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Жил да был в Японском море дальневосточный краб. Жил, значит, был, и завидовал всем представителям окружающей флоры и фауны. Завидовал полёту летучих рыб, завидовал округлостям скалистых глыб, завидовал зигзагам морского змея и таксонам Карла Линнея.

Так и жил, так и был дальневосточный краб, страдая от склонности к пожиранию трупов и прячась под камнями, пока однажды по этим камням кто-то не постучал.

Засуетился краб, заползал туда и сюда, постучал клешнями нервно и, наконец, спросил:

– Кто?

– Жак Ив Кусто! – забурлило пузырями снаружи.

Вылез краб из-под камней, чтобы попозировать перед фотокамерой великого путешественника. Завидовали ему потом многие, да недолго: через неделю выловил краба сахалинский рыбак – дядя Лёня по прозвищу Кит. Отнёс дядя Лёня ракообразное в ресторан, где его и скушали, причмокивая, охочие до японских харчей туристы.

Кушали, да палочками тыкали. Тыкали! Тыкали! Палочками! Этими куайдзы-шмуайдзы! Этими о-хаси-шмухаси! Этими mangobastonetoj, итить!!! Прости Господи...

АРАБЕЛЛА НЕФРИТОВА. ДРАКОН. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

В далёкой вьетнамской деревушке жили два брата: Чо и То. Брат То считал себя братом умным, а брата Чо – братом глупым, имея на то все основания. Брат Чо тоже считал себя братом умным, а брата То – глупым, но никаких оснований на то не имел.

Пошёл брат Чо к мудрецу и стал просить оснований. Мудрец порылся в закромах, но ничего не нашёл, кроме котелка с рисом, махаянского трактата о сострадании и американского армейского ботинка, которым его пинал под зад отравленный парами напалма сержант.

– Оснований, брат Чо, никаких дать не может – развёл руками мудрец. – Поди-ка в горы да отруби голову дракону. Отруби да съешь, авось и помудреешь.

Пошёл брат Чо к дракону и стал рубить по-всякому. Но на месте отрубленной головы, выросла новая, ещё хитрее и ловчее; на месте отрубленного хвоста выросла новая – ещё вертлявее; на месте отрубленной лапы выросла новая, ещё более разлапистая и когтистая. Наконец брат Чо устал, упал на землю и заплакал.

– Зачем ты хочешь убить меня? – спросил заметно помудревший дракон. – Какие у тебя на то основания?

– В том-то и дело! Ни для чего у меня никаких основа-

ний. – ещё горше зарыдал брат Чо.

– А у кого они есть? Кто хотел моей смерти, брат Чо? – снова спросил дракон.

– Деревенский мудрец послал меня к тебе, ибо ты объел зерновые культуры с его полей.

– Стало быть, есть у мудреца основания?

– Стало быть, есть.

– Так почему бы тебе не пойти и не убить мудреца с целью унаследовать все его основания?

Вскочил брат Чо обрадованный с земли.

– Спасибо тебе, мудрый дракон! – засмеялся брат Чо, побежал в деревню и убил мудреца.

Став мудрецом, он вернулся в горы и убил дракона. После всего вернулся в родной дом и рассказал об этом брату То.

– Дурак ты, брат Чо! – сказал брат То и был прав, ибо имел на то все основания.

УБАРА ТУМУ. РЕДАХТУР. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Один филолог в потёртом пиджачке с матерчатыми заплатками на локтях решил найти работу и пошёл по инстанциям. Ходил он, ходил, в двери стучал, но всюду отказ получал или задачи непосильные. В одной газетке ему предложили составлять гороскоп, в другой – новостной калейдоскоп, в третьей – прогноз погод, в четвёртой – скандинавский кроссворд. Метался филолог по городу, покуда не попал в редакцию некоей сомнительной конторы по производству календарей. Редактор посмотрел в диплом и заявил, что именно его обладателя они долго искали и наконец-то нашли.

– Недавно мы получили заказ на календарь от транспортного министерства. – сказал редактор и для пущей важности надул щёку, не обезображенную флюсом. – Сочините-ка стишок, коим будет озаглавлен сей календарь! Только помните, никаких поэтических изысков. Люди в министерстве просты, аки мой флюс, так что да. И да.

Осчастливленный филолог ушёл домой, а на следующее утро притащил исписанный листок и прочёл:

Едет по парку вишнёвый трамвай.

Трамвай тот ведёт гастробайтер Кар Вай.

Понял, что кины не принесут
Ни водки, ни каравая,
Поэтому рулит трамваем.

– Кхо-кыхо! – закашлял редактор, подавившись пряником
с курагой и растеряв последние зубы. – Нет, голубчик, всё
не так! Я же просил, чтобы попроще. Чтобы каждый, прости-
те, дебил понял; чтобы прочувствовал в персонаже самого
себя. Этакое единение персонажа с персоной читателя. Ясно?

Филолог кивнул. На другой день принёс стишок следующего содержания:

Едет по городу автомобиль
Автомобилем рулит дебил
Кто это выдал дебилу права?
Дебил права честно на рынке купил
А ежели он права те купил,
Значит, дебил не такой уж дебил!

– Конь в шкаф расперды! – закричал во гневе редактор
и упал с кресла. – Вы это самое, что себе позволяете, а? Все
вы, интеллигенты, такие. С гнильцой. Вокруг, значит, одни
дураки, а вы – Джироламы и Савонаролы, да? Ладно, даю
последний шанс! И запомните, чтобы никаких интеллигент-
ских штучек!

Филолог кивнул. Новое стихотворение выглядело так:

Едет по полю трактор
Трактором рулит редактор
– Почему же редактор рулит на тракторе?
Гражданин проснулся в редакторе!

– Вот! – закричал редактор и полез в сундук за пиастрами. – Гениально!

– Гениально? – спросил филолог. – А мне кажется, что не гениально, а генитально! И вообще! Не нужны мне ваши подачки. Вы меня оскорбили, и я вам за это вечным пером под ребро!

Так и поссорились редактор и писатель.

ЖУЛЬЕН ПОЛЕЗ. МАМИНА ЗИМНЯЯ ШАПКА. ДЕНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

Жил в одном городе маленький мальчик. Однажды, играя в снежный куль, он заболел и слёг с температурами в кровать. Лежит-кашляет, то покраснеет свёклой, то позеленеет лишайником, то побледнеет поганым грибом. Вызвали доктора. Из столичных.

– Все эти таблетки можете спустить в клозеты! – говорит. – Таблетки нонче, что бабьи заговоры. Болезнь надобно не вылечить, а вылежать. А чтоб скорей выздоровел, дайте ему тёплых шмоток. Пусть попрееет малость, а там, глядишь, и лихорадить перестанет.

Бросилась матушка к шкафу, достала свою шапку зимнюю из крысы-ондатры и на макушку сына своего водрузила. Полежал мальчик в той шапке, да так к оной привык, что когда выздоровел, снять отказался – собрал семейный совет и заявил:

– Слушайте и запоминайте, сродственнички. Я сей папах никогда не сниму. Пущай он мне напоминает о беспутной юности.

Так и сделал. Проходили месяцы, годы, а шапку мальчик не снимал. И в школу в ней ходил, и в университет,

и на работу к мартеновским печам, пояснив коллегам-сталеварам, дескать, чтоб голову не напекло. И ничто он так не любил, как мамину зимнюю шапку. Сказать по правде, вообще никого не любил, кроме этой шапки. Потому и не дружил с ним никто.

Возвращался как-то раз сталевар в маминой зимней шапке с работы домой. А на улице зима лютует; буран непроглядный выюжит-кружит-снежит-завихряется. Но сталевару всё нипочём, ибо знает, – пока на нём зимняя мамина шапка – плохого случиться не может. Вдруг видит: из бурана тени чёрные выдвигаются. Ближе и ближе. Присмотрелся – а это беспризорники, шушваль вокзальная, хулиганьё безродное. Подбежали хулиганы к сталевару, сорвали с головы шапку и сгнули в буран. Побежал, было, за ними, да где там... Беспросветные выюги кругом.

Опечалился сталевар, из угла в угол бродит – места не найти не может. С работы уволился, есть-пить перестал, в уборную ходить забывал, целыми днями по городу бегал, а шапку не нашёл. Соседи забеспокоились, принялись таскать ему шапки всякие: песцовые, норковые, енотовые, лисьи, куньи, а сталевар только нос воротит. Нет ему жизни без маминой зимней шапки.

И вот однажды, слоняясь по городу, увидел он нищего, стоявшего на коленях у пивного ларька. Нищий бился лбом об лёд, причитал, дабы народ проходящий мелочь кидал... в шапку. В ту самую шапку!

Зарычал сталевар зверем, подскочил к нищему, да как даст сапогом в лицо, страданиями измождённое, – из нищего дух вон тут же и вышел. Забрал сталевар шапку, сжал в руках намертво и к дому пошёл. А по дороге заглянул в трактир – отметить радость кружкой медовухи.

Пил до самой ночи, никак угомониться не мог. Трактирщику пришлось даже выводить его палкой. Но не обиделся сталевар на злого кабатчика, ибо радость от найденной шапки была выше тех звёзд, что иглами на морозном небе сверкали.

Побрёл он домой. И почти что добрёл, как на мостках через фабричный ручей вдруг поскользнулся и – нырь! – в полыню. Упал, значит, в речку, а шапка – из рук усвистела под лёд! Да что там шапка? Сам чуть было не утопнул, кабы не соседи, что со свечкою пошли его искать. Принесли в дом, начали отхаживать, но всё без толку – лежит сталевар на койке, бредит, шапку зовёт. Всю ночь бредил, а к утру помер...

А шапка по весне отправилась ручьями да протоками, каналами да реками, по Дону-батюшке да по Волге-матушке в Астрахань, а от Астрахани по дельте волжанской в синий-синий Каспий, где пристала к бережку южному...

И дивный птиц фламинго снёс в ту шапку яйца. Из яиц вылупись коленастые птенцы и принесли много счастья дивному птицу фламинго.

АМОН ГОПАК. БРИТВА. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТЫЙ

Служил в одном министерстве чиновник. Как и все чиновники, был он сиднем и лежнем, любил сидеть и лежать, не делать ничего, особенно бриться. Сия антипатия не приветствовалась в его окружении, правила коего предусматривали ежедневное подобие лица гладильной доске.

Каждое утро чиновник, морщась, ворча и пиная увёртливую левретку, шёл в ванные комнаты, доставал из футляра басурманскую щетинорезку и елозил оной по своим физиономическим признакам до такой кондиции, чтоб голова, опёршаяся на кулак, на манер роденовского амбала, соскальзывала и катилась по столу.

Чиновнику сия докучливая процедура не нравилась, и решил он поискать другой способ избавления от щетины – купил бритву, ту самую опасную бритву, которой цирюльничали когда-то и от которой отказались во славу борьбы с антисанитарией. Принялся чиновник той бритвой счищать щетину, но тут комар назойливо и голодно запищал у левого уха. Чиновник махнул влево, да мимо – вместо комара в ухо собственное попал. Обеспокоенный комар переместился к правому уху. Чиновник махнул вправо и опять мимо, и опять в ухо.

Огорчился чиновник, залепил лицо пластырем и на ра-

боту не вышел – сел на топчан и стал смотреть телевизор. А по телевизору – реклама некой мази чудодейственной, которая с кожи любую поросль снимает. Заказал чиновник сию мазь, намазал лицо этой мазью и ждёт, когда щетина слезет. Она и слезла. А само лицо покрылось струпом чёрным, никак не способствующему вершить государственные дела.

Ещё сильнее огорчился чиновник, выбросил со злости телевизор в мусоропровод, а сам сел книжки читать. И вычитал в одной книжке, что дремучие азиатские племена чистили свои лица растопленным воском. Заказал чиновник брикет натурального воску, расплавил в утятнице, облепил щёки и ждёт. Час ждёт, другой, третий. «Пора» – подумал чиновник, стал воск отдирать, а он не отдирается. Сунул голову в камин, чтоб воск обратно расплавить, да чуть было с этим воском кочан свой чиновничий не расплавил.

Хотел было чиновник опять огорчиться, но тут прислали ему документ из министерства, в котором сообщалось о его преждевременной отставке в связи с низкой посещаемостью рабочего места. Засмеялся чиновник, повыбрасывал в мусоропровод бритвы, ножи, кремы, мази, щетинорезы, воски, отпустил бороду до пупа, завёл в ней насекомое и зажил на всю катушку.

СОМЕРСЕТ ФИТИЛЬ. РАБА МЕЧТЫ. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ

Одна барышня, возвращённая при содействии своих маман и папан на компосте из hochkultur и bon ton, вскормленная изысканными яствами из рыцарских романов и подлунных стихов, жила в тихой квартирке на последнем этаже старого дома.

Барышня напоминала аквариумных рыб, что сплывают меж декоративных кораллов и вздрагивают плавниками от лёгкого щелчка по стеклу снаружи. Она ждала своих Дон Кихота или Тесея, но всех донкихотов и тесеев ещё до её рождения разрубило крыльями мельниц, то и дело падающих с вершин финансовых пирамид, а всех тесеев переварило в желудках минотавров. Она же сего факта не знала и не признавала. И жила себе поживала в тихой квартирке на последнем этаже старого дома, окружённая величавыми шкапами и учтиво молчащими зеркалами.

Однако, как нам известно, из возвышенных словес борща не сварить. Проголодалась дама, оделась в кашне, манто и страусово перо, и отправилась в булочную.

– О, Гермес сей юдоли трапезной! – запела она, заламывая руки – О, Меркурий прилавков, ценников и весов! Не со-

благovolите ли преподнести даме за скромное вознаграждение кулинарное изделие из пшеничных колосьев, что во поле дрожали на ветрах.

Продавец поперхнулся и схватился за сердце. Голова его закружилась, ноги подкосились, и пал Гермес на пол, утянув за собой промасленную клеёнку с кассовым аппаратом.

– Гляди, дура, до чего человека довела! Стерлядь! Кыш! – рыкнул из-за спины барышни красномордый бугай, а некий сморщенный в гнилую сливу старичок больно толкнул барышню костылём:

– Ишь, развелось вас, умников. Наркоманы, подлюки!

Убежала барышня домой, спряталась в квартирке и проплакала целую неделю, худея не столько от голода, сколько от стыда. А потом забыла всё. И стала жить дальше. И ждать своих донкихотов. Но вместо донкихотов пришёл чинить батарею сантехник Колюня.

– О, Посейдон канализационных коммуникаций! – запела барышня. – О, Нептун, владыка водопроводных труб и смесителей! Не сочтите мою просьбу неприличной, но не будете ли Вы столь любезны, чтобы одарить даму вниманием и скрепить наше знакомство узами более крепкими, чем того позволяет положение при столь ни к чему не обязывающей встрече?

Колюня шмыгнул носом, повертел в руках разводной ключ, почесал свою дыню, глупо ухмыльнулся и сказал:

– А чё... Ну это типа... Хата хороша, а трубы – дрянь.

Но трубы... эт мы мигом сварганим.

Колюня красноречиво долбанул ключом по крану.

И остался. Стали они жить в тихой квартирке на последнем этаже старого дома.

Колюня работал много, но неохотно. Возвращался домой к полуночи, обыкновенно пьян, грязен и страшен. По ночам громко храпел и в беспамятстве ходил под себя. Но барышня сего не замечала. Она слагала Колюне оды, а Колюня глядел в телевизор, пожевывал таранку и кричал: «полузащитнику передай на левый край, жопоглазый мудака!». Она рисовала его портреты на фоне кустов акации, а он вонял носками, светил дырами на коленях и чесал пузо. Она смотрела ему в глаза, а он закрывал их и падал головою в салат.

Прошёл год. В душе барышни росло неизбежное, расцвело эдельвейсами и копилось снегами на вершинах высоких скал, и когда Колюня притащил домой собутыльников, матерящихся, шатающихся и бьющих сервизы, альпийские снега не выдержали и сверглись грохочущей лавиной на сию зловонную кнайпу.

– Да провалиться бы тебе, Аттила, со своими варварами в Тартар! Червь кишечный! Клоп постельный! Вошь пухоядная! Ничтожное ты существо! – лицо её покрылось красными пятнами, а руки потянулись к газовой горелке.

Колюня такого не ожидал, перепугался, глаза выпучил, да как вскочит со стула – и бегом из квартиры, за ним и дружки его припустили.

Закрывает барышня дверь от людей навсегда, но одна не осталась. Выписала она себе щенков ротвейлерных, кормила-растила, покуда не выросли из тех щенков монстры скалозубые.

Говорят, бродит вечерами барышня по дворам полумрачным, да пьянчуг местных собаками травит. Такая вот история.

ИОФАНТ ОКТОБЕРФЕСТ. АГЕНТ. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ

Человек в плаще унд шляпе вошёл в дверь с табличкой «Вход запрещён» и вышел в дверь с табличкой «Выхода нет», после чего влез в трамвай и доехал до канала, влез на корабль и доплыл до порта, влез в автобус и доехал до аэропорта, влез в самолёт и долетел до другого аэропорта. В другом аэропорту он зашёл в туалет, где сменил плащ унд шляпу на другие плащ унд шляпу. Первые плащ унд шляпу сжёг в мусорном ведре, а под другие плащ унд шляпу спрятал секретные фотоаппараты, секретные видеокамеры, секретные микрофоны, секретные пистолеты из секретного чемодана с секретным замком.

Отправился человек в городской парк, присел на скамеечку, настроил камеры, развернул газетку и начал наблюдения.

– Здравствуйте, дядя! – раздалось вдруг под лавкой. Человек выглянул из-за газеты и увидел мальчика в шортиках. В руках он держал верёвку, привязанную к пластмассовому самосвалу.

– Дядя, а что это за дыра у вас в газете? – спросил мальчик.

Человек свернул газетку, посмотрел на ребёнка и осклабился.

– Дядя, а что это за окуляр из плащей выглядывает? – сно-

ва спросил мальчик.

Человек нервно поправил штаны, укутался в плащ и на-
двинул шляпу на глаза.

– Дядя, вы, наверное, секретный агент?! – обрадовал-
ся мальчик.

Человек вскочил со скамейки и быстрым шагом напра-
вился к выходу из парка. Мальчик с самосвалом последовал
за ним, за штаны уцепился, плачет слёзно и кричит криком:

– Дядя, дай пистолетиком поиграть!

Агент, отмахнувшись от грудника, выскочил на проезжую
часть, где тут же был сбит бензовозом сибирской нефтяной
компании.

В народе говорят: концы в воду – и пузыри в гору.
И не зря.

ЕВГРАФ ТРУПИЦЫН. БУБЕЛ. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ

Одна из трагедий в жизни любого сытого чиновника, будь он арабским визирем или китайским мандарином, есть рождение заведомо тупого, ни к чему непригодного наследника, из которого впоследствии вырастает сорняк и паразит в едином лице. Сорняк и паразит категорически не соглашается с ролью сорняка и паразита, однако за неимением доказательств иного демонстративно гниёт и превращается в силос. Впрочем, история не об этом.

На седьмой день сатурналий решил один министерский советник отвести своё чадо на новогодний карнавал, дабы чадо сие растрясло жиры и мозги. Кузьма, – так звали чадо, – в свои восемь с половиною годков уже слыл среди детворы мальчиком обжористым и жадным, никакой пользы обществу не приносил, и никто с ним не дружил.

– Одевайся, Кузьма, на утренник поедем! – ликующе сообщил отец, но был сконфужен мрачным взором сына:

– Как это вам, папенька, не стыдно над ребёнком издеваться, босяцкие утехы предлагать?!

– А что же ты хочешь?

– Мотоциклетку!

– А ежели мотоциклетку куплю, пойдёшь?

– Уговорили, – проворчал Кузьма. – Но! Чтобы с выкру-

тасами мотоциклетка!

Так и порешили. Приехали на утренник, а там – весельё: клоуны колесом, фокусники в шляпах, снегурочки румяные, ряженые медведями, дети через обруч прыгают, хлопушками стреляют, в чехарду играют. Но не радуется Кузьму такая демократия. С тоскою смертною взирает на происходящее, сидя на стульчике, позёвывая и в ушной раковине ковыряя.

Вдруг широкие двери открылись и вошёл дед – волосом белый, шубою красный, в валенках ноги, а в руке – мешок. Притихли ребята, перешёптываются, друг дружку локтями в бока тычут, рты подставляют. А дед Мороз мешок свой развязал и – к ним; одной рукой мешок держит, а другой – бублики в разинутые рты закидывает. Так бублики дугою один за другим летали. И Кузьме в рот попали. Но Кузьма бублик есть не стал, угощением сим плюнул Морозу в нос и сказал так:

– Для плебейской публики сгодятся и бублики, а мне, старый дурак, вынь-ка да подай-ка бубел!

– Как это бубел? – удивился Мороз, потирая ушибленный нос. – Где?

– А вот тут! – крикнул Кузьма, отобрал у деда мешок, схватил за концы и наизнанку вывернул. Покатились по залу карамельки, леденчики и шоколадные батончики, а за ними – бублик гигантский, как велосипедное колесо.

– Бубел! – заголосил Кузьма. – Все прочь! – И кинулся

за бубелом, боясь, что его опередят. Лишь у мусорного ведра догнал, сунул в рот и стал жевать. Шамкает, причмокивает, исподлобья на толпу немотствующую поглядывает. Вдруг глаз его застыл, лицо побледнело. Раскрыл Кузьма шамкало своё во всю ширь, и как завоет:

– О-о-о!

Страшно стало детям, а Кузьма ещё сильнее воет:

– О-о-о!

Был Кузьма звездой, а подавился от бубела дырой. Стал рот его кругл, диаметром с бубельную дыру, и закрыться не может. Отвезли воющего Кузьму в дом, положили на кровать. И началась у него совсем другая жизнь.

Лёг Кузьма на правый бок лицом к окошку, а в окошке салюты, люд веселится. Тошно Кузьме. Лёг Кузьма на спину, а на втором этаже девки подшофе плясали так, что потолок ходуном ходил, да вся штукатурка с пауками прямо Кузьме в рот-дыру сыпалась. Завыл Кузьма, повернулся на левый бок, а там зашкапный домовой с колтунистой бородой. Щипал домовой Кузьму за мягкие места и приговаривал: «Жа-дина-козлятина да на вертелах!».

– О-о-о! – завыл Кузьма и под кровать полез. А под кроватью старуха с косой на дудке играет и поёт:

Fistula tartarea

Vosjungitinunachorea

Подскочил Кузьма, выбежал на балкон и чуть было вниз с горя не свалился, кабы не дед Мороз, случайно пролетав-

ший мимо на санях с оленями. Подхватил он воющего мальчика, дунул ему в рот, тот и проглотил дыру. Стало Кузьме хорошо. Вернулся он домой и заявил папеньке:

– Милый папенька, переосмыслив собственное предназначение, ваш сынок пришёл к выводу, что жить на всё готовенькое – моветон, поэтому прошу обеспечить мне место директору завода по производству мотоциклеток.

Так и порешили.

Лето

ИЛЛАРИОН ПЛЕЙСТОЦЕН. МАГАДАН. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЁРТЫЙ

Из Хабаровска в Магадан: купил билет, поднялся в самолёт, вжался в кресло, застегнул ремень, скушал долгоиграющую конфету и приготовился к взлёту.

А стюардесса в кислородной маске и спасательном жилете, убедительно тычет в иллюминаторы и пальчиком грозит. Перепугался, покрепче в подлокотники схватился, не дышу. Самолёт тем временем заурчал, загрохотал – огоньками semaфорит, на кочках подсакивает, а как на взлётную полосу вырулил – как втопит! Да как заверещит! И страусом понёсся к заборчику, белеющему вдали.

– Рятуйтя, люди добрыя! – кричу, но самолёт нос поднял, от асфальта тяжело оторвался и перемахнул через заборчик. В иллюминатор глянул, а там земля опрокинулась.

– Червь мне в кишку! – спрятал голову под пиджак и вдруг почувствовал, как из кишков поплыло в штаны.

– Якирь мне в гланды! – подумал. – Ох, и простофиля! Ох, и серун! Что ж мне, так и лететь в испражнениях? Подо

мною, значит, Россия-матушка, тайги зелёное море о чём-то поёт, а я в говнах? Досадно как-то получается.

Подумав так, снял штаны и запрятал их под кресло, а вместо штанов натянул трико домашнее и с беспокойным видом стал читать газетку.

– Мужчина, вы не знаете, чем это так смердит? – спросила смердящая дезодорантом барышня, что сидела позади.

– Почему в нашей стране до сих пор не реализована схема венчурных вложений? – спросил у неё встревоженно. – Почему наши учёные вынуждены попрошайничать перед государством, дабы оно снизошло к ним и выдало вождеденный грант?

Барышня уставилась в пиктограмму, изображавшую перечёркнутую сигарету.

– Братан! – похлопал меня по плечу кабанистый жлоб в тельняшке из соседнего ряда. – Не в курсах, кто насрал?

– Вот скажите мне, почему в нашей стране не платят интеллектуалам? – уставился я на жлоба. – Где ж это видано, чтобы человек, пишущий и издающий книжки, жил впроголодь? Вы, поди, не понимаете? А я вам объясню охотно: такого нет ни в европах, ни в америках, ни в африках, ни в азиях!

Жлоб достал из кармана сопливый платок и громко высморкался.

Между тем самолёт приземлился в аэропорту города Магадана. Быстренько собрал вещички и бегом – ловить такси.

– До Пролетарской, пожалуйста, – попросил шофёра, который слушал по радио последние известия. Шофёр кивнул и завёл мотор. Поехали. Ехали-ехали и приехали.

– Сколько с меня?

– Тыща рублёв! – ответил шофёр.

– Я не ослышался? Тыща рублёв? Дороговато, знаете ли!

– А вы слышали, что по радио передали? – спросил шофёр. – Как можно говорить о культурном возрождении, ежели у нас никак не выведутся дристуны, которые гадят в самолётах? До тех пор, покуда не разучится русский гадить где попало – не будет к нам уважения. Вот так!

Тогда я молча расплатился и покинул таксо.

ТРИТОН АНДАЛУЗСКИЙ. ПОЛОВНИК. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ

Сию историю я услышал от моего деда, сталевара, который всю сознательную жизнь простоял у жаркой глотки мартеновской печи, а дед мой услышал сию историю от своего деда, который в прошлом воплощении был каменщиком в Вавилоне и дружил с тамошним жрецом. Со жрецом сия история и произошла. Вернее, с его последующим воплощением в лице дровосека Макара из города Тобольска.

У дровосека Макара была большая семья: семь голодных ртов, семь сопливых носов, семь нестиранных портков, и жена-дура. И для всего это безобразия у дровосека Макара имелся половник, коим он стучал по восьми лбам. Чуть что не так – Макар половником в лоб – бдын!

От этих экзекуций у домочадцев кувыркались в черепе мозги и проявлялись навязчивые страхи и боязни: всюду им мерещились половники – от любой тени, будь то человеческая или предметная, шарахались, половники являлись к ним во снах, грозно покачиваясь в лучах огненного заката и зева чёрного космоса, и гнались по пятам, с присвистом рассекая кисельное пространство сновидений.

Одним словом, началась у домочадцев obsессия. И про-

должалась бы до сих пор, передаваясь на сансарном уровне из проявления в проявление, если бы один из астральных потомков не вычитал в газете объявление об том, что некий психолог-астралопитек избавляет от любых кармических фобий, дхармических сглазов, брахманических порчей и нирванических корчей.

Пришло, значит, воплощение к специалисту, а специалист молвит:

– У вас в подсознании засел половник! Половник блокирует ваши действия и мешает трезво смотреть на окружающий мир! Половник следует изгнать!

– Как так?

– А вот как! Возьмите физическую карту полуострова Таймыр и ходите по городу, останавливая прохожих, тыча в карту и спрашивая, как попасть в Хатангу. Затем купите газету «Московский комсомолец», сложите из неё шапку-треуголку, нацепите на голову и езжайте на Арбат, ложитесь под трёхглавый фонарь, рискнув руки-ноги, и кричите «Мо-го-го!», а уж после всего этого снимайте штаны и бегите к министерству иностранных дел задом-наперёд. У министерства плюньте трижды в объектив камеры слежения и скажите «Чур, половник, чур!» и в душе наступит покой.

Господин выслушал специалиста, старательно записал всё и принялся выполнять: в карту тыкал, под фонарём лежал, к министерству бежал, да не добежал, потому как ехали мимо казаки, которые прихватили господина, кинули на тачан-

ку и увезли на хутор, где отстегали нагайками, да так, что он перестал бояться вообще всего, кроме нагайки. А потом вообще всё перестал. И сам перестал. Так была побеждена половничья obsессия.

Это интересно: из недостоверных источников стало известно, что однажды дровосек Макар по пьяному делу перепутал половник со топором.

КАРИНА ДНИЩЕ. СКАТОЛОГИЧЕСКИЙ КАЗУС. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ

Мужик зашёл в квартиру, шлёпанцы надел – и айда в диван. Тут входит жена и говорит:

– Пролежень ты! Гляньте на него – пузо выставил и чешет! А в туалете, между прочим, штукатурка обваливается! Унитаз забит! Какаши плавают! Голова моя раньше срока поседела!

Мужик встал, поставил в уборной стремянку, посбивал молотком штукатурку всю – и айда в диван. Тут входит жена и говорит:

– Ты, тюлень, совсем что ли мозги пролежал? Ты зачем это в туалете стремянку поставил? Куда теперь детки какать будут? В кулёчки-пакетики?

Мужик встал, вырубил в спальне дыру топором – и айда в диван. Тут в дверь позвонили.

Встал мужик опять, открыл дверь, а там – сосед с нижнего этажа.

– Слушай, друг! – говорит сосед. – Прихожу домой, шлёпанцы надел и в диван, а моя дура козомордая как закричит, дескать, дети в говнах, и кровати в говнах, и трюмо в говнах, и шифоньер в говнах, всё в говнах. И спальня уже не спаль-

ня, а настоящая сральня! Одолжи, пожалуйста, стремянку – потолок заделать.

– Я бы одолжил, только мне самому потолок в сортире побелить надобно! – угрюмо ответил мужик.

– А вот насчёт этого попрошу не беспокоиться! Энто мы мигом! – заверил его сосед и отправился в уборную белить потолок.

А мужик вернулся в комнату – и айда в диван.

ЛЕХ ШАРНИР. КОНСЕРВНАЯ БАНКА. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ

– Сколько можно терпеть? – спрашивает Фёдор у своего неизбежного друга Семёна – Как можно терпеть, когда власть в руках столь недальновидных и узколобых политика-нов, которым дальше заборов собственных коттеджей ничего не видать? Куда дальше терпеть, если мною правят круглые дурни? Это никак не можно терпеть!

Семён кивает.

– Налоговая политика на корню повырезала весь малый бизнес! – продолжает Фёдор – Уровень образования в государстве неуклонно падает. Свобода слова – сущая профанация и фарс, ибо кругом цензура беспросветная!

Семён кивает.

– Ипотечное кредитование есть прямая дорога в рабство! – кричит Фёдор – Столица питается за счёт регионов, а регионы увязли в оброчных болотах. Нас семьдесят лет обманывали и продолжают обманывать!

Семён кивает.

– Существующий строй прогнил до оснований, поэтому надобно всё менять! Менять с верхов до низов и с низов до верхов. Менять от и до. Менять тут и там, так и эдак, то

и сё. Понимаешь?

Семён кивает. Федор отправляет в рот кильку, пропитанную томатами, заворачивает наполовину опорожнённую консервную банку в тряпочку и прячет за пазуху. Затем берёт под руки костыли и входит в первый вагон метропоезда. Семён продолжает сидеть на скамейке и кивать.

ШАЛВА СТОЛЕШНИК. ДВОРНИК. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ

Дворник Касьян, известный больше исправным служением на посту, нежели эгоцентризмом и честолюбием, коими был всецело одержим, размышлял так:

– Я хоть и не гордый, а дело знаю! Тот глуп, кто важности дворничьей не понимает. Каково жилось им без Касьяна, скажите-ка! В грязи бы заросли – только носы, что те рыльца поросячьи, из помоев торчали! Я в молодые года чисто-плотно бытовал, в одном кармашке салфеточка, в другом – слюнявчик...

Завидев приближающийся автомобиль, дворник Касьян раболепно приседал, а когда автомобиль проезжал мимо, долго ворчал, вспоминая, как возил генерала на трофейном BMW:

– Все эти басурманские телеги – тьфу! Я в молодые года и гишпанью рулил, и немчурой, и английей, и даж америцей! Пакость, одно слово! Вот, помню, обращается ко мне генерал...

Прибегала как-то к дворнику Касьяну детвора; звали в соседний двор глядеть на то, как кино снимают.

– Что мне ваше кино? Не кино, а поскудь. Меня в молодые года тож в кино звали, да-а! Говорят, ты, Касьян, вылитый Дин Рид! Так и говорили, что Дин Рид! А я им, дескать, ка-

кой тут динарид, когда разруха по стране гремит! Потребны государству дворники, а не лицедеи...

Новый год не радовал дворника Касьяна. Некому было его потешить подарочком, некого было и ему подарочком потешить, и пить тоже не с кем. Бродил он под окнами, размахивая метлой, и кричал:

– Ишь, падишахи, погляди, какие канделябры развесили! Ярмалка прям! Сегодня, значит, ярмалка, а завтра кунсткамера. Повыползают неумытые по утру – зрелище такое, что ей же ей... А их отходы кому? Касьяну?! Не умеют нынче праздновать. Ох, не умеют. Мы в молодые года с чайком из самовара да пряником, всё культурно, чинно...

– Касьян! – позвал как-то дворника Эрнест Леопольдович, господин знатный и почтенный, владелец местной автозаправочной станции. – Ты, когда праздновать будем, забегай. Стопку нальём!

Поклонился дворник Касьян господину и поспешил в дворницкую наряжаться:

– Вот и Касьяна заметили! – бубнил он по нос, одеваясь в шубы, подстригая бороду и усы. – Снизозшли! Стопкой угостить вздумали! Пёсьей рожей да в пёсью миску. Дворник, значит, не человек?! А выкуси три раза! Вот кукиш с маслом, вот кукиш с маком, а вот кукиш с хреном.

Облачился дворник в костюм деда Мороза, выпил для храбрости и зашагал к дому, где его ждали. Поднялся по лестнице, но звонить не стал. Решил сюрприз устроить.

– Пушай пируют! Попируют часок, да хватятся. Где Касьян, спросят. Ночь-полночь, а нет его. Выйдут искать, а тут к ним дед Мороз с мешком. Они спросят, не видал ли Касьяна? А я бороду скину и покажусь. Вот они домином и падают, ха-ха!

Думал Касьян, прикидывал так и сяк, да фантазировал, а за стеною смеялись, шумели, песни пели, пробками хлопали, музыки играли.

И никто дворника не хватился, из дверей не выходил, домином не падал. Так он и проспал до утра.

ЙОЛАН СКРЕП. ОБДЕЛАЛСЯ. ДЕНЬ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ

Один крайне воспитанный господин встречался на Патриарших с барышней, имея относительно барышни этой намерение наисерьёзнейшее. Уселись на лавку возле Патриарших прудов, взялись за ручки, и только господин собрался сделать предложение, раскрыть, так сказать, душевные чаяния, как услышал весьма убедительные сигналы анального сфинктера.

– Что это? – спросила барышня с трепетным удивлением.

– Говорят, сей звук рождает трамвайными рокотами и слышим в посюстороннем мире каждую весну исключительно в часы небывало жаркого заката, – отвечал ей господин, ёрзая по лавке.

– А может вам надобно по делу? – улыбнулась барышня.

– По какому?! – насторожился господин.

– По большому.

– Ну знаете ли? Негоже с вашим-то образованием и воспитанием такие слова говорить.

– А что в этом такого? – снова удивилась барышня.

– А срамного! Сия тема слишком пикантна, чтобы её озвучивать вот так запросто, без экивоков.

– Вы ещё скажите, что не какаете!

– Кака... Как... Как вы смеете неприличности вслух про-

износить? С кем я связался?! – запрокинул голову господин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.